

"ИЗВЕСТИЯ"
1987

А. Григорьянц

МОРАЛЬ ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

Вот уже тридцать лет корреспонденции, очерки и статьи Альберта Григорьянца появляются на страницах советской печати.

Закончив в 1952 году Московский государственный институт международных отношений, он начал журналистскую работу в выходящей на немецком языке газете «Нойес Ле-

бен», продолжил ее в редакции газеты «Труд», где возглавлял международный отдел, был ее собственным корреспондентом в Федеративной Республике Германии.

Половину своей творческой жизни провел в «Известиях». Был членом редколлегии, редактором иностранного отдела газеты, с 1979 по 1984 год — ее собственным корреспондентом в Бонне.

Перу Альберта Григорьянца принадлежит ряд книг и брошюр на международные темы, в том числе книга «От Мюнхена до Киля» — лаконичный, насыщенный фактами репортаж о Федеративной Республике. В своей новой книге Альберт Григорьянец возвращается к стране, в которой проработал в общей сложности десять лет и политика которой — как внутренняя, так и внешняя — вновь внушает тревогу европейской общественности.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION 500 FIFTH AVENUE NEW YORK, N. Y. 10017

А. Григорьянц

МОРАЛЬ ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

Григорьянц А. А.
Г 83 Мораль по сходной цене.— М.: Известия,
1987.— 176 с., ил.

Книга журналиста-международника Альберта Григорьянца написана на основе личных наблюдений жизни современной Западной Германии, где он работал в качестве собственного корреспондента «Известий», и посвящена разоблачению фальшивых нравов западногерманского общества.

Г $\frac{0804000000-039}{074(02)-87}$ —37—87

ББК 66.3(40)

Ответственный редактор **В. Ф. ЛАПСКИЙ**

© Издательство «Известия», 1987 г.

ВЗГЛЯД ЗА КУЛИСЫ

Эта страна просыпается под перезвон церковных колоколов. Ее правящие партии называются христианскими. В речах ее политиков слова свобода, демократия, право соседствуют со словами справедливость, человечность, достоинство, бог. На религиозные праздники газеты печатают философские эссе о христианском долге федерального гражданина. С трибуны бундестага звучат речи, в которых существующий в ФРГ политический строй и буржуазный образ жизни выдаются за некое олицетворение гегелевского абсолютного духа, нашедшего наконец совершенную форму для своего воплощения. Все, что не отвечает стандартам мышления и поведения Запада, что не укладывается в рамки политических концепций и моральных норм «свободного мира», предается анафеме — истово, яростно. Антикоммунизм и является главной идеологией этого общества, ибо собственного конструктивного духовного багажа у него нет.

Цель оправдывает средства. Миф о «советской угрозе» служит оправданием для наращивания сил военно-промышленного комплекса ФРГ, для поощрения реваншизма и терпимости к неонацизму. Чтобы сделать народ восприимчивым к такой самоубийственной политике, сознательно коверкают его душу и мутят его разум с помощью мощного аппарата пропаганды, синонимом которого служит газетный концерт Шпрингера. Эксплуатируют умственную леность и общественную пассивность обывателя. Обеляют и прошлое, и его носителей, включая Гитлера. Выхолащивают культуру, превращая ее в товар массового потребления, и духовно обкрадывают народ. Западногерманский социолог Вальтер Гугенхаймер образно заметил: «Парень, десять раз подряд проигрывающий на музыкальном автомате одну и ту же идиотскую пластинку, способен в крайнем случае на кражу автомобиля и ни в коем случае не на дисциплинированное политическое действие. У уголовной полиции будет больше дел, зато не у политической». Ну, а если парень будет упорствовать, на него найдутся и дюжина полицейских, и запреты на профессию.

Хваленый западный образ жизни девальвирует исторически сложившиеся добродетели народа, результатом чего являются порнография, наркомания, преступность, общее падение нравов.

Но кулисы, расшитые нитями демагогии и саморекламы, продолжают сверкать, кулисы, скрывающие подлинный облик «свободного мира». Предлагаемые очерки позволяют заглянуть за эти кулисы и увидеть лишь некоторые из пороков западногерманской действительности, повествуют о фактах, явлениях и процессах, которые вскрывают лицемерие и фальшь тех, у кого нет никакого права вставать в позу поборника демократии и прав человека и учить других правилам хорошего тона.

ГРАНИ ПОРОКА

ОДИССЕЯ КРИСТИАНЫ Ф.

*Детей не отпугнешь суровостью,
они не переносят только лжи.*

Л. Н. Толстой.

О Кристиане Ф., девушке с вокзала Зоологический сад, знает в ФРГ, наверное, каждый. Ее историю еженедельник «Штерн» печатал из номера в номер много недель подряд. А затем она вышла отдельной книжкой, с обложки которой на читателя смотрит миловидная девушка с коротко остриженными волосами и большими грустными глазами.

Никаких подвигов Кристиана Ф. не совершила. Да если бы и совершила, то все равно не стала бы героиней серии нашумевших очерков, а теперь и бестселлера. Отбор в герои массовой прессы на Западе идет по другим критериям: надо быть удачливым и проиллюстрировать своей жизнью пошлую байку о том, что в «свободном мире» судомойка может стать принцессой, а рабочий бензоколонки — директором концерна. Надо родиться по меньшей мере в графской, княжеской, а лучше — королевской семье, чтобы каждый шаг в твоей жизни, нередко пустой, ничемной, стал предметом богато иллюстрированных сусальных описаний. Надо быть, наконец, просто из рода, который начинает свою фамилию с «фон» и ворочает миллионами, чтобы попасть на страницы всех газет и журналов, даже если ты совершил уголовное преступление. Вспоминается шум, поднятый вокруг судебного процесса по делу группы торговцев наркотиками, у которых полиция конфисковала ни больше ни меньше как полторы тонны зелья! Среди обвиняемых находилась наследница многомиллионного состояния Кристиана фон Опель.

Наша героиня не из этих. Она родилась в скромной семье и выросла в нужде. И общее у нее с богатой наследницей и прожигательницей жизни лишь то, что обе они потерпели крушение на наркотиках, только одна — как пособница преступного бизнеса, а вторая — как ее жертва.

Наркомания — тема не новая. О ней на Западе пишут постоянно и уже с холодком равнодушия, разводя руками: мол, зло неизбежно, непреодолимо. Но печальная история Кристианы Ф. взволновала миллионы граждан ФРГ, потому что воочию — на примере одной заблудшей души — показала, какая грозная опасность надвинулась на молодое поколение страны.

В двенадцать лет Кристиана первый раз попробовала отраву в евангелическом молодежном клубе; когда ей исполнилось тринадцать, в какой-то дискотеке друзья подсунули ей зелье во второй раз. Теперь это был героин.

И так, раз за разом, девочка стала рабыней губительной страсти. Вскоре ее окружали такие же несчастные желторотые наркоманы, как и она сама. Истощенная, потерянная, она жила одним желанием — достать, во что бы то ни стало достать очередную порцию героина. Собственно, проблемы тут нет. Им торгуют везде: в дискотеках, в молодежных клубах, школах, да в любой подворотне. Говорят, в ФРГ нет такого местечка, обозначенного на карте хоть каким-то кружочком, где бы не торговали отравой. Проблема в другом — чем платить. Мелкое воровство и попрошайничество не покрывали растущих расходов, и однажды, когда мука стала невыносимой, девочка пошла на вокзальную площадь, к тому перекрестку, где стайкой толпятся такие же тринадцатилетние девчонки, как и она, куда один за другим подкатывают дорогие автомобили с хорошо одетыми мужчинами за рулем, где начинается, а часто кончается путь несовершеннолетних девочек на дно.

А семья? Школа? Соседи?

Родители жили своими заботами. Их идеалом было иметь «свое дело» — открыть институт брака. Мама мечтала о богатой обстановке, папа — о спортивных автомобилях. Дальше бургерского благополучия фантазия обоих не простиралась. Но надежды выбиться в люди рухнули. Туда, наверх, рвутся многие. Оттеснили. Между отцом и матерью начался разлад. Видимо, ничего, кроме призрачной мечты разбогатеть, не связывало их. Семья распалась. Тут уж не до детей, а главный педагог — улица не дремала.

Школа? Учитель признался: «Мы бессильны перед таким бедствием, как детская наркомания. Мало знаем об этой болезни, хотя все больше школьников заражаются ею. Контакт с учениками отсутствует. В классе нет коллектива. Школы перегружены. Понятно, что мы только преподаем, а не воспитываем. Между нами и учениками — стена».

Соседи? В квартале, где жила Кристиана, дети автоматически учились делать то, что было запрещено. А запрещено было все, что обычно делают дети: гоняют мяч, ска-

чут, носятся, шумят, проявляют любознательность, пристают к взрослым со множеством вопросов. Каждый их шаг был регламентирован щитом с надписью, которая начиналась со слова: «ферботен» — «запрещено». Ничто не должно нарушать стерильной чистоты дорожек, мягкую пружинистость газонов, чинную тишину во дворах. И здесь стена — между взрослыми и детьми.

Зато никакие запреты не ожидали ребят и девочек за углом, где по вечерам в двух дискотеках гремела, как сотня отбойных молотков, упругая нервирующая музыка, где юнцам ловко внушали иллюзию, что они взрослые и что им уже все можно: вначале глоток пива, потом глоток шнапса, потом одна затяжка гашиша, а затем и первый роковой укол героина, сделанный в лихорадочной спешке грязным шприцем в общественном туалете.

Кристиана погибала. Из ее дружков умерли 14-летняя Бэбси, 17-летний Андреас и 19-летний Луц. Двое попали в тюрьму. Сколько времени детский организм может выдерживать разрушительное воздействие яда? Конец приближался. Мать, спохватившись, отправила было ее в деревню, к бабушке, но уже в следующее воскресенье, поехав в ближайший городок за покупками, Кристиана встретила торговца наркотиками, который «осваивал глубинку», открывал здесь новый рынок.

Читая трагическую историю девочки-подростка, невольно задаешься вопросом: откуда это, почему? «Штерн» пытается найти ответ. Многие ведущие органы печати ФРГ также стремятся разобраться в истоках беды. При этом, вольно или невольно, они приходят к выводу, касающемуся существа общественного устройства, основ морали, подлинной цены западных идеалов.

Автор истории в журнале «Штерн» беседовал с друзьями Кристианы. Вернер П. — двадцать один год: «Три года я отсидел в тюрьме за героин. Вышел — и понял: никому нет дела до меня. Единственные люди, к кому я мог пойти, это были старые друзья. И я направился к ним. И вот я снова наркоман».

Барбара Б. — двадцать один год: «Бросить? Если бы знать, ради чего. За что держаться? Во что верить?»

Да, во что верить? Видный психолог профессор Рихтер, выступая на конгрессе по проблемам воспитания, с тревогой констатировал, что все больше детей и молодежи проникаются равнодушием и апатией к холодному, бездушно-му окружению. Они ничего не хотят иметь общего с так называемым обществом потребления: с честолюбивым стремлением обойти других, жаждой выбиться наверх. В отличие от поколения шестидесятых годов они не идут в поход против авторитетов, они просто не принимают всерьез того, что делают другие. Добиваться чего-то — значит еще больше связываться с тем миром, из которого

они хотят вырваться. Стремясь бежать из общества, многие соскальзывают на дорожку, которая ведет в компании наркоманов и алкоголиков или секты. Это бедствие, по оценке ученого, затронуло сегодня каждую вторую или третью семью и все без исключения школы.

Стремление «выключиться» из окружающего мира, процесс внутренней самоизоляции — это конфликт общественного порядка, подчеркнул Рихтер. Наше общество скроено так, что материальное подавляет человеческое — хоть превращайся в бездушный автомат, чтобы приспособиться к тотально запрограммированной действительности. Мы должны позаботиться, чтобы дети не растеряли человечности, которой у нас, взрослых, уже почти нет, призвал в заключение ученый.

Сама Кристиана как-то сказала: если бы у меня в жизни была опора и что-то, на что я могла бы ориентироваться, моя жизнь сложилась бы иначе. Я не знаю юношей и девушек, которые сегодня были бы чем-то воодушевлены или имели бы идеалы. Я бы охотно имела их. Я считаю это общество враждебным молодежи.

Отсутствие идеалов в выборе общественного пути, разлагающее влияние морали чистогана, губительное воздействие культа насилия и секса, определяющего лицо бульварной прессы, кинофильмов, массовой литературы, — вот что в совокупности плодит наркоманов и преступников. Наркотик несет здесь зловещую социальную функцию. По мнению пастора Квандта, он испокон веку был самым отвратительным средством, с помощью которого людям мешали понять, что они — жертвы общественного развития. Алкоголь давно уже выполняет эту функцию. Теперь к нему прибавились марихуана и героин.

Западногерманские газеты приводят единую цифру алкоголиков и наркоманов. В ФРГ их насчитывается около двух миллионов. О наркотиках так много пишут и говорят, что иные зарубили себе на носу: страсть эта пагубна, в могилу сведет. Спокойнее и менее хлопотно обратиться к вполне легальному средству — алкоголю. В самом деле, наркотики предлагают шепотком, с оглядкой, а спиртное? Ему поют гимны мастера рекламы, иллюстрированные журналы на целые полосы печатают фотографии запотевших рюмок водки и кружек пива. По оценке «Зюддойче цайтунг», в ФРГ ежегодно пропивается сорок миллиардов марок. По росту потребления спиртного эта страна находится на втором месте в мире (после Голландии). И нередко можно наблюдать такую картину: группа подростков двенадцати — четырнадцати лет толпится у стойки пивной. Хозяин спрашивает одного из них, самого рослого: «Тебе исполнилось шестнадцать?» «Да», — отвечает паренек. Глотнув из литровой кружки, он пускает ее по кругу. И так подряд в нескольких барах.

Постепенно алкоголь вытесняет наркотики с первого места. По данным печати, около 150 тысяч подростков постоянно потребляют спиртное. 80 процентов преступлений совершено подростками — результат влияния алкоголя. Федеральные и земельные органы приняли программу мер против молодежного алкоголизма, в том числе по ограничению рекламы спиртных напитков. В последние годы ее действительно стало меньше. Но стало ли меньше пьющих ребят, сказать никто не может.

Статистика вновь и вновь подтверждает: алкоголизм и наркомания процветают прежде всего в городских кварталах, где проживает больше безработных. Многие молодые люди, не находя места и считая себя бесполезными и ненужными обществу, тянутся к бутылке или к наркотикам. Вот один из источников болезни. А вот и другой — бездушный мир наживы, где не важно, что продавать — Библию или наркотики, главное, была бы прибыль. В этой сфере бизнес особенно жесток и антигуманен. Полиция бьет тревогу: в крупных городах ФРГ утверждаются нравы уголовного мира Соединенных Штатов, где каждое второе вооруженное нападение совершается из-за наркотиков или под их воздействием.

Свою лепту в статистику преступлений вносят расквартированные в ФРГ американские войска. Солдаты с бритыми затылками подстегнули в послевоенные годы проституцию и создали рынок наркотиков. Грабежи и поножовщина — вот чем славятся они сегодня.

В последнее время усилилась борьба конкурирующих банд за контроль над рынком наркотиков в ФРГ. С помощью кастета и финки гангстеры монополизируют сбыт отравы. Страна стала крупнейшей во всем мире перевалочной базой для героина. Торговцы ядом покрыли ФРГ густой распределительной сетью, в которую включены почти все города. Значительно число людей, умерших от потребления наркотиков. В одном интервью, которое дала Кристиана, она подчеркнула, что полиция хватается главным образом мелкую сошку — уличных торговцев. Заправили же «остаются на заднем плане».

Органы полиции сигнализируют: на западногерманский рынок наркотиков пожаловал кокаин, особенно опасный яд, который был почти забыт после «золотых двадцатых годов». Специалисты считают, что воротилы подпольного бизнеса намереваются «узаконить» это роковое зелье. По расчетам преступников, рынок героина перенасыщен.

Хотя число втянутых в наркотический омут лиц растет, дельцы недовольны: прибыли увеличиваются не в той пропорции, какая бы их устраивала. Операция началась. Пущен слух, что кокаин «безобиден», снизили на него цену. Приманивают прежде всего молодежь. Сократили

продажу других наркотиков, чтобы подтолкнуть потребителя к новому «товару».

Опасения общественности можно понять. Кокаин ведет к тяжелому истощению человека, к неизбежной смерти.

Но вернемся к нашей героине. Прошло время, и «Штерн» напечатал материал «Кристиана Ф. и что с ней стало». Девушка избавилась от пагубной привычки. Она не прикасается к отраве. Казалось, счастливый конец. Но вот что Кристиана рассказывает сама: она живет в постоянном страхе перед будущим. Девушка боится рецидива. Кроме того, она не может устроиться на работу. Никак не найдет места для получения профессионального образования. Устроилась где-то временно на подсобную работу за мизерную плату — тридцать марок в неделю (пачка сигарет стоит четыре марки). Итак, стряхнув с себя дурман, девушка обнаружила, что окружающий мир не изменился, он остался миром «тотального равнодушия», а проблемы таких, как она, молодых, остались прежними. «В известном смысле, — говорит Кристиана, — мои сверстницы и сверстники находятся сейчас в том же положении, в котором находилась я несколько лет назад».

Кристиана Ф., наверное, выберется, но что будет с остальными? Сколько их, тех, кто не попал в поле зрения репортеров влиятельного иллюстрированного журнала и кто не станет героем бестселлера и кинофильма? Послужит ли им и кое-кому из взрослых уроком судьба Кристианы? Может быть, что-то уже изменилось после публикации в еженедельнике «Штерн»? Увы, декорации и действующие лица драмы остались прежними. Наркоманы, толпящиеся на вокзале, стали еще моложе, между ними по-прежнему снуют торговцы зельем. На известном перекрестке так же, как и прежде, несовершеннолетние проститутки ждут клиентов. И так же процветают по соседству грязные отели, где за радужные бумажки без колебания сдают комнату, даже если попутчице гостя тринадцать-четырнадцать лет. А за углом, в двух дискотеках под грохот джаза продолжается бойкая торговля героином.

Что, собственно, дала публикация истории Кристианы Ф.? Книга разошлась почти полуторамиллионным тиражом. По ней был поставлен кинофильм. Но некоторые рецензенты спрашивали: с какой целью? Просветить или отпугнуть от зелья молодежь? Или же с целью заработать на страшной истории? В фильме, например, нет главного — предыстории. Что привело девочку в число наркоманов? Какие социальные причины? Складывается впечатление, что трагическими историями подростков средства массовой информации торгуют как ходким товаром. Кто-то предложил, чтобы еженедельник «Штерн», опубликовавший всю эту историю и заработавший на ней миллионы, пожертвовал часть прибыли на борьбу с наркоманией. Главный редактор

журнала ответил: почему же никто не ожидает, что кузница вооружений — фирма «Краусс-Маффей» часть доходов от продажи танков пожертвует на помощь инвалидам войны? Откровенно и цинично...

Далека от этого ада Кристиана. Как сообщает журнал, она снова в деревне у бабушки. У нее — новые друзья и подруги. Живут они тихо, замкнуто. Ни с кем из взрослых не общаются. Уходят группой в лес, в поля, чтобы никого не видеть. Как-то нашли отработанный карьер с отвесными стенами. Сидя на краю его, размечтались: хорошо бы поселиться тут, на дне карьера, построить дом, посадить деревья, развести скот. Своими руками изготовлять все, что нужно для жизни. А единственную тропу, которая ведет из карьера наверх, взорвать и навсегда засыпать...

ШЕМЯКИН СУД

Закон — это не паутина, сквозь которую крупные мухи пробиваются, а мелкие застревают.

О. Бальзак.

Грузный пожилой мужчина, закрыв огромной ладонью глаза, дремал. Всем своим видом он хотел показать, как опостылело ему все вокруг: жадная толпа репортеров, обложившая его, как зверя, несвязная речь растерявшегося, сбитого с толку и запутавшегося в процессуальных тенетах судьи, и рвение шумливой орды адвокатов, готовых за жирные гонорары растерзать любого, на кого покажет массивный, с кольцом палец дремавшего господина. Мужчина дремал, хотя страсти, бушующие вокруг, касались именно его — Ивана Давида Херштатта, еще в недавнем прошлом крупного банкира, одного из столпов общества, богача и мецената, а теперь — главного обвиняемого на процессе, происходящем в уголовной палате Кёльнского земельного суда.

Процесс этот не из заурядных. Речь идет о самом крупном экономическом преступлении в послевоенной истории ФРГ, во всяком случае, вскрытом и ставшем достоянием общественности. Западногерманские юристы обычно чешут затылки, когда речь заходит о деликтах такого рода: дескать, радикальных мер лечения болезни нет. Почему? Профессор Юнг, специалист по уголовному праву, отвечает недвусмысленно: трудно определить границу между преступностью и предпринимательской инициативой. Не подозревая того, господин профессор дает убийственную характеристику механизма капиталистического бизнеса. Да, гра-

ница между добродетелью предпринимательского риска и злом экономического преступления весьма условна. И Иван Давид Херштатт никогда не пытался разглядеть ее.

Херштатт был крупным финансистом. Сверкающие нержавеющей сталью и цветным стеклом филиалы его банка, расторопные клерки, солидная реклама и прежде всего сам хозяин внушали доверие. И вклады росли как снежный ком. Свои сбережения вносили десятки тысяч людей, откладывая марку за маркой на черный день. Счета открыли городские власти, сберкассы, аббатства, мелкие фирмы и даже... весьма доходные «эротические центры». Все были уверены, что деньги помещены надежно и выгодно. Да и какие могли быть сомнения, когда Херштатт по любому поводу показывал, что у него денег куры не клюют и что банк его стоит так же неколебимо, как Скала дракона над Рейном. По случаю своего 60-летия Херштатт снял Кёльнский оперный театр. Как-то он изрек: «Умру — арендуя целое кладбище». Широту натуры финансиста знали и организаторы традиционных кёльнских карнавалов. Платили и им за то, что во время триумфального шествия по улицам рейнского города карнавальных принца и принцессы Херштатт неизменно находился в машине рядом с сиятельной парой, во главе шествия, на виду у всех. Уверенность карнавального мецената в себе подкреплялась еще тем, что, по свидетельству еженедельника «Цайт», за его спиной в тени стояли более могущественные воротилы — страховой магнат Герлинг и крупный промышленник Квандт. Им вместе принадлежала львиная доля херштаттского капитала.

Но погода в мире, где орудовал банкир, меняется так же быстро и неожиданно, как и в Кёльне, где то солнце слепит, то дождь барабанит по крышам. Херштатт шагал слишком широко. В конторах банков покрупнее морщились; когда кёльнский банкир решил ухватить кусок не по зубам, там многозначительно ухмыльнулись. Дело в том, что Херштатт затеял валютную спекуляцию огромного масштаба и прогорел на ней. Семеро его подручных во главе с главным валютным экспертом Даттелем оперировали суммами, которые в сотни раз превышали фактические резервы банка. Компания фальсифицировала балансовые отчеты банка. При убытках в 440 миллионов отчеты показывали... прибыль в 20 миллионов, из которых несколько миллионов урывали себе мошенники в качестве «законного» вознаграждения. В итоге 26 июня 1974 года на кассах филиалов появилась табличка: «Закрывается». В балансе заведения образовалась прореха: недоставало 1 194 555 105 марок и 73 пфеннига. Любопытная деталь: в решающий момент крупные банки отказали в помощи банкиру. Они были отлично информированы о положении дел. Не случайно за несколько дней до краха два кита — «Дойче банк»

и «Дрезднер банк» сняли со счетов у Херштатта двадцать миллионов марок. Финансовые обозреватели полагают, что оба гиганта подтолкнули кёльнского банкира к пропасти, чтобы проглотить конкурента.

Но как бы ни грызлись между собой хищники, никому из них не придется идти на паперть знаменитого Кёльнского собора с протянутой рукой. Другое дело — доверчивые клиенты прогоревшего банка. 65 тысяч вкладчиков оказались на мели. Шайка мошенников пустила их сбережения по ветру.

Как писал один репортер, перед дверями филиалов собрались тысячные толпы разъяренных мужчин и плачущих женщин. Но лишь через два с лишним года преступники были наконец взяты под стражу. Обвинительное заключение объемом 1200 страниц потрясало гневным изобличением проделок валютных махинаторов, обокравших доверчивых клиентов на сотни миллионов марок. Казалось, после такого грома виновных неминуемо поразит молния, но ничуть не бывало. Все они вскоре оказались на свободе — либо «по состоянию здоровья», либо после уплаты крупного залога. На процесс их привозили не в полицейской машине с решетками на окнах, а в персональных «мерседесах» с элегантными шторками. И все они снова «делали деньги». Так, один из них, делец с графским титулом, уже получил высокооплачиваемую должность на электротехнической фирме «Варта».

На заседаниях суда обвиняемые явно скучали. У них был вид деловых людей, которые не скрывают досады из-за бессмысленной траты времени в этом холодном казенном зале. У Херштатта на лице была маска оскорбленной невинности. За что преследуют «бедного человека», живущего на средства своей престарелой матушки? По-видимому, из вдовьей пенсии «бедный человек» оплачивал свои регулярные посещения Парижской оперы, содержание личного автопарка и другие «скромные» нужды.

После десятков заседаний суд не продвинулся вперед ни на шаг. Метод психологической войны, избранный защитой, превратил в бессмысленную и бесплодную перебранку по процессуальным вопросам каждое заседание. Публике нелегко было разобраться, о чем, собственно, идет речь. В зале суда даже не прозвучали слова «обман», «подделка документов», «незаконные валютные сделки», «мошенничество», какими и квалифицировались преступления обвиняемых.

Все разводили руками: как пойдет процесс дальше? Ведь оба главных обвиняемых оказались слабого здоровья и на заседания больше не являлись. У Херштатта подскочило давление. По свидетельству врачей, он вообще был «смертельно болен». Его каждую минуту подстерегал инфаркт. Но каково же было удивление прокуратуры

и судей, когда выяснилось, что бывший банкир развлекается на Капри и других курортах и подрядился между делом сбывать шампанское и компьютеры. Тем временем всплывали новые факты мошенничества «тяжелобольного» жителя. Оказалось, что уже после объявления банкротства, под занавес, банкир перевел своей дочери и приятельнице 200 тысяч марок, положив до этого в карман 800 тысяч из фиктивных «доходов» банка.

Его подручный по валютным махинациям Дани Даттель был уж совсем плох. Он ни одной минуты не сидел на скамье подсудимых. Против него дело было приостановлено. У 37-летнего мордастого здоровяка подкачало здоровье. Какие могут быть сомнения? Звезды западногерманской медицины удостоверили, что бедняга Даттель страдает «помутнением сознания» и «депрессией со склонностью к самоубийству», и поэтому он невменяем. Окруженный профессорами, Дани не покидает своей роскошной виллы в пригороде Кёльна Ханвальд. Между тем его дражайшая супруга Маргот развернула широкую коммерческую деятельность в области торговли цветными металлами. Через подставных лиц она, а точнее — ее «нервнобольной» муж, управляет фирмой «Космотим», основной капитал которой за один год увеличился в четыре раза. За счет каких средств? За счет ворованных Даттелем, который нагло водит за нос целый сонм прокуроров и судей. На своей вилле в Ханвальде он оборудовал бюро и продолжает проворачивать валютные операции.

Итак, главные обвиняемые покинули скамью подсудимых. Остальные явно повеселели: ведь они не больше чем исполнители, с них взятки гладки. Суд, писала одна западногерманская газета, находится в полной растерянности: что делать? Думается, что чувства растерянности и неловкости испытывают не только судьи. Процесс с самого начала получил широкую огласку. Газеты печатали после каждого заседания пространные отчеты. Видимо, кое-кто решил показать, что в Западной Германии за хозяйственные преступления в кутузку сажают не только мелкую рыбешку, но и крупных китов. Но демонстрация беспристрастности и демократизма правосудия сорвалась. Кёльнский суд воочию показал, что буржуазное общество бессильно против горстки обнаглевших хапуг, окруженных толпой врачей и адвокатов и огражденных стеной из законов и правил, которые позволяют ловкачам вершить шемякин суд в угоду миллионерам.

Словом, процесс был сорван. Его умышленно затягивали. Адвокаты добивались замены одного судьи за другим под предлогом их «пристрастности». А каждый новый судья начинал дело сначала. Защитники хитроумно ставили под сомнение подлинность то одного, то другого документа и сбивали темп разбирательства. Им помогали свидетели.

Некоторых суд ждал неделями, а один вообще не явился. Речь идет о главном акционере Гансе Герлинге. Он живет и в ус не дует. Разорившиеся мелкие предприниматели и частные вкладчики обвиняли в своих бедах прежде всего его. Очевидно каждому, что махинации совершались с ведома босса. Но суд решительно отказывался привлечь его к ответу. Набравшись храбрости, он пригласил наконец Герлинга в качестве «свидетеля». Но миллиардер выбросил судебную повестку в корзину и улетел в день разбирательства в Швейцарию... на «медицинское обследование».

Шли годы. Мошенники продолжали набивать себе карманы и жить в свое удовольствие. Они открыто издевались над терпеливой и снисходительной Фемидой. Но их поведение было настолько вызывающим, что прокуратура под давлением общественного мнения была вынуждена возобновить дело. В конце 1983 года суд вернулся к скандальной афере. Снова началось топтание на месте. Между тем время, на которое уповали дельцы, бежало. В июне 1984 года исполнилось 10 лет со дня краха Кёльнского банка. Это были 10 лет судебных проволочек и открытого выгораживания нарушителей закона. Это были как раз те самые 10 лет, по истечении которых рассмотрение преступления прекращается за истечением срока давности...

КУЛЬТ БЕССТЫДСТВА

*Чтобы разбудить совесть негодяя,
надо дать ему пощечину.*

Аристотель.

Болезнь прогрессирует. В стране, население которой просыпается по утрам под благостный перезвон церковных колоколов, а нравственность рекламируют так же истово, как стиральный порошок «Перзиль» или пиво марки «Кёниг», ржавчина разъедает традиционные, освященные веками моральные устои. Множество добропорядочных и наивных людей пишут петиции, собирают подписи, выходят с самодельными плакатами на улицы, заклиная поставить плотину на пути «растущего потока грубо аморальных фильмов и печатных изданий, оскорбляющих человеческое достоинство подавляющего большинства народа». Увы, безуспешно, силы слишком неравные.

Любовь, красота, все чистое и прекрасное в человеческих отношениях подвергается глумлению и нещадно эксплуатируется горсткой гангстеров и выжиг. Эпидемия непристойностей и цинизма многолика, вездесуща, коварно-изобретательна и, кажется, уже неистребима. Недуг пора-

жает прежде всего «нерв» совести, элементарного здравого смысла и чувства порядочности. Губительный вирус разрушает прежде всего заложенные в психике каждого человека перегородки между честным и нечестным, позволительным и непозволительным, моральным и аморальным. Воскресная «Бильд ам зонтаг» под шапкой «Девушки и мораль» вкладывает в уста своих молоденьких героинь сентенции, долженствующие выразить, так сказать, этические нормы молодого поколения.

«Замужество? Устарело. Брак — это балласт», — говорит 20-летняя Розвита. «Верность? Плюю я на нее», — добавляет 22-летняя Виргиния. «Для счастья не обязательно иметь мужчину на всю жизнь. Достаточно — и на одну ночь», — венчает этот Монблан пошлости 20-летняя Моника из Ганновера. Розвиты, Моника и Виргинии не прячут стыдливо глаза. Они позируют перед напористым шпрингеровским репортером в развязных позах, которые успели подсмотреть в иллюстрированных журналах или низкопробных фильмах. Они провозвестницы свободы нравов нового «раскованного» поколения, так сказать, модель для подражания.

Нет, никто не привлечет газету к ответу за растление нравов, за спекуляцию на умственной и душевной незрелости, на мелком тщеславии и глупой бравате молоденьких девушек. В «свободном мире» пресса свободна. Репортер газеты позволяет себе философские обобщения. «Незаметно в Западной Германии, — пишет он, — произошла революция в вопросах морали. Большая часть из шести миллионов девушек в возрасте от 16 до 26 лет отправилась на поиски нового счастья — и забыла ценности старой морали». Грязная сводня самодовольно хихикает: «Мораль многих молодых девушек такова: дружба, романтика, верность и чувства уже почти не ценятся».

В действительности многое, конечно, не так. И дружба, и любовь для молодых западных немцев значат, и немало, а будут значить еще больше, если приструнить беспринципных дельцов, зарабатывающих на развенчании прекрасных человеческих чувств и идеалов. Но где тот самый суд на растлителей? Где он? Уж не правительственное ли ведомство, призванное оградить молодежь от разлагающего влияния? Есть такое ведомство. Еще несколько лет назад издатели сомнительных журналов и фильмов с опаской косились на него. Сейчас с этим учреждением мало кто считается. В течение года ведомство решается запретить от силы 30—40 порнографических фильмов или книг. А их фабрикуют сотнями, если не тысячами!

В 1975 году власти официально разрешили порнографию, сделав фарисейские оговорки о допущении «нормальной» порнографии и запрещении той, которая связана с изображением насилия. Надо ли говорить, что ни один

делец не считается с этой мнимой дифференциацией. Разрешение сопровождалось еще одним «ограничением»: запрещалось демонстрировать порнофильмы в обычных кинотеатрах, где деньги платят только за просмотр. Дельцы быстро нашли выход: при входе в кинотеатр зрителям вручают дешевую пластинку или брошюру известного содержания, иногда какой-то напиток. Дескать, за это и берем плату, а не за порнофильм.

Глумление над всем святым продолжается. После серии фильмов-репортажей, которые под фальшивой этикеткой «сексуального просвещения» пропагандировали отупляющую пошлость, экран заполнили фильмы, в которых грязь соседствует с преступлением. Секс выступает под руку с насилием. Литературу, откровенно порнографический характер которой не могут прикрыть фиговые листочки псевдопсихологии, теперь уже продают в продовольственных магазинах самообслуживания. Товар — не больше. Конусы газетных киосков завешаны сверху донизу иллюстрированными журналами, с красочных обложек которых улыбаются обнаженные сильфиды, а содержание их сегодня уже немыслимо без эротического «романа» с продолжениями, судебного репортажа о сексуальных преступлениях, псевдонаучных рассуждений о всякого рода аномалиях. Как-то группа женщин, представительниц общественной и культурной жизни ФРГ, подала в суд на крупный иллюстрированный журнал, который, публикуя определенного рода фотографии, «оскорбляет и унижает женщин, изображая их как товар на продажу». Суд отклонил иск.

Из Америки завезли и распространили по всей ФРГ новое зрелище «пип-шоу» — постыдное подсматривание в замочную скважину, стриптиз за одну марку и на одну минуту. Система, которую кто-то назвал погоней за наживой, доказательством потери обществом своего лица, симптомом искалеченных чувств.

Без двусмысленностей не обходится даже обычная реклама. И шампанское — это напиток для «интимных минут». И поцелуй без зубного эликсира фирмы икс не поцелуй, а рагу на скорую руку фирмы игрек — это не иначе как пища для любовников. Реклама широко использует женщину для проталкивания на рынок того или иного изделия. Здесь женщина, ее красота и очарование — товар, его также продают вместе с бюстгальтерами и стиральным порошком, чулками и ликером. Изображение обнаженного тела на уличных плакатах стало привычным. Им украшают обложки журналов и книг, которыми завалены киоски.

Особенно разрушительно влияние на нравы молодежи кинематографа. В сотнях кинотеатров ФРГ крутят порнографические фильмы. Обследование показало, что содержание каждого пятого фильма, демонстрируемого в глубин-

ке ФРГ, в общинах с населением в 10 тысяч человек, это секс.

Марктредвиц, куда я случайно попал во время одной командировки, очевидно, такая глубинка. В местном кино-театре шел фильм, название которого не помню и содержание его даже при максимальном напряжении памяти воссоздать не могу, потому что воссоздавать нечего. Переведены километры первоклассной цветной киноплёнки, чтобы на фоне экзотической природы Сейшельских островов и роскошных вилл показать, какой ветреной может быть замужняя женщина и как легкомысленно может вести себя молоденькая девушка, которую в первый раз отпустили из дома одну.

Честно говоря, я радовался в душе, наблюдая реакцию зала: молодежь, а публика состояла сплошь из парней и девочек, иронически посмеивалась: слишком примитивно и дешево было зрелище, которым ее потчевали. Но дельцы порнобизнеса не выпустят из своих лап этих ребят и девочек. Поскольку даже самое «острое» приедается, порнодельцы изготавливают все более шокирующие фильмы, которые человеку с нормальной психикой невозможно смотреть. Экран заполнили садистские и мазохистские ленты нередко с нацистской приправой.

Секс становится доминирующей темой и в художественном кино. Да и сама открытая порнография подновляется, ее вводят в салоны. Она вышла из обшарпанных забегаловок, из темных закутков, отгороженных засаленными занавесками, и поселилась в суперсовременных кинотеатрах, оснащенных кондиционерами, мягкими креслами, новейшей звукотехникой. Пошлость титулуют как искусство, а его служителей-поденщиков чествуют на «кинопремьерах» как звезд, для них устраивают пресс-конференции в самых дорогих отелях, приемы с шампанским, в их честь произносят речи.

Огромная часть таких фильмов изготовлена в Соединенных Штатах, где, по словам известного режиссера Фрэнсиса Форда Коппола, кинофабрики вот-вот превратятся в «студии-спальни». Следовало бы еще добавить — и в студии-камеры пыток, потому что импортируемые из-за океана ленты все более откровенно воспевают садизм, жестокость. Еженедельник «Шпигель» сообщает, что подпольные синдикаты США выбрасывают на рынок так называемые «снафф-порно» — фильмы, фиксирующие реальные насилия, пытки и даже убийства.

В лучших кинотеатрах ФРГ демонстрировался фильм «Биг снафф». Он, как цинично анонсировала эту ленту прокатная фирма, снимался в Латинской Америке, где «человеческая жизнь ничего не стоит» (?!). На глазах шокированной публики несчастную женщину, попавшую в руки банды гангстеров, насилуют, пытаются и убивают.

В зале гнетущая тишина. Никто не поднимется и не крикнет: «Позор!» Даже «Франкфуртер альгемайне», готовая оправдать любой порок «свободного мира», на сей раз наморщила лоб. Этот фильм, пишет газета, представляет собой отталкивающий пример для целой волны кинокартин, в которых смакуется садистское насилие. Перечислив дюжину такого рода произведений, газета пишет: «Так дальше не может продолжаться. Прогорающая киноиндустрия пытается поднять свои прибыли, отбросив в сторону все табу».

И тем не менее продолжается. Более того, происходит эскалация порока. Его жертвами становятся дети. Появился термин — детская порнография, потому что существует такое чудовищное явление, как детская проституция. Она, как тревожно сообщает печать, появилась и в ФРГ. Достаточно внимательно присмотреться к толпе на вокзалах. Один обозреватель спрашивает: «Что сделали дети нашему обществу и за что их превращают в жертвы секса и насилия? Что делает наше общество с детьми?»

Апологеты этого общества встают в позу оскорбленной невинности. Порнография, провозглашают они, это признак свободы, и его может терпеть только «свободное общество». Да, свободы топтать нормы морали и человечности ради прибыли. Капитал должен дать среднюю прибыль, куда бы его ни вложили: в производство ракет, стиральных порошков или в фильмы, воспевающие садизм и скотские наклонности. В этом высшая мудрость западной свободы. Грязный бизнес и живет по законам этого «свободного мира», частного предпринимательства. И здесь сильный поглощает слабого. И здесь происходит концентрация и специализация капитала. И здесь выплывают на поверхность «короли» или «королевы» порнобизнеса.

Да, если иметь в виду Федеративную Республику, то надо говорить о «королеве», ибо все это постыдное дело постепенно переходит в руки фрау Беате Узе, возглавляющей «торговый дом» в Фленсбурге с годовым оборотом в сотни миллионов марок.

Когда в конце 50-х годов Беате Узе хотела поступить в теннисный клуб Фленсбурга, ей отказали. Не приняли во внимание, что госпожа — дочь прусского юнкера и бывшая военная летчица гитлеровской авиации. С мадам, занимающейся непристойным бизнесом, избранная публика не хотела общаться. Прошло два десятилетия, и фотографии Узе мелькают на страницах газет и журналов, ей посвящают пространные благожелательные статьи, а на приемы, которые она устраивает, гурьбой спешит знать. А между тем госпожа Узе занимается все тем же «непристойным бизнесом» — порнографией.

Молодящаяся пожилая мадам с прической под мальчишка торжествующе усмехается: когда-то она сражалась

с целой армией юристов и моралистов, чтобы выжить. Сегодня, когда она делает деньги на бесстыдстве с небывалой наглостью и откровенностью, банки расстилают перед ней красный ковер и готовы предоставить любые кредиты. Газета деловых кругов «Хандельсблатт» сообщает регулярно о котировке ее акций, сопровождая информацию комментарием: «Беате Узе ожидает рекордного оборота», а репортеры домогаются у нее интервью. Кстати, об интервью. В одном из новогодних номеров «Бильд ам зонтаг» под рубрикой «Какими будут восьмидесятые годы» опубликовала высказывания видных представителей политических кругов, экономики, культуры и... госпожи Беате Узе. Протиснувшись между католическим кардиналом и художником-сюрреалистом, она обратилась к публике с призывом: мол, больше свободы в любви, мы идем к отношениям, в которых будет меньше чувств и меньше эмоциональных обязательств, словом, грядет «чувственная революция».

Говорить в данном случае о порядочности и честности бессмысленно. Маркс подчеркивал, что нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал во имя прибыли. Мораль провозвестницы новой «чувственной эры» втиснута в узкие рамки балансовых отчетов ее «торгового дома». Но ведь это одновременно и мораль «свободного общества», которое позволяет госпоже Узе, не отличающейся, кстати, как пишут репортеры, личной строгостью нравов, но обладающей цепкой хваткой дельца, создать настоящую порноимперию с сетью кинотеатров, студий, магазинов и прочих сомнительных заведений. Ведь Узе практически всесильна. Толпы знаменитых адвокатов ограждают ее от гнева граждан и организаций, помогая выбраться сухой из воды в сотнях судебных процессов (всего их было уже больше трех тысяч). Пресса к ее услугам. На международной книжной выставке во Франкфурте-на-Майне у нее уже свой стенд. Госпожа порнографии пожаловала в добропорядочное общество солидных издателей и книготорговцев.

Серьезные люди, а таковых в Федеративной Республике подавляющее большинство, с тревогой говорят, что в стране устанавливается «диктатура неприличия». Все больше жалоб на падение нравов среди молодежи, на рост сексуальных преступлений. Между тем опасность уже стучится буквально в двери миллионов граждан. В стране разгорается противоборство вокруг вопросов о будущем западно-германского телевидения. Крупный капитал, прежде всего газетно-журнальные и издательские концерны, добивается введения частного коммерческого телевидения. Они хотят доставлять свой «товар» на дом, посадить зрителя на обильный и принудительный ассортимент передач, культивирующих насилие и секс. Встревоженная общественность ссылается на печальный опыт тех западноевропейских стран, где частное телевидение свело всю духовную пищу зрителей

к рекламе криминальных и порнографических фильмов. Блок ХДС/ХСС шаг за шагом открывает шлюзы для частного телевидения, ссылаясь на все те же «буржуазные свободы», которые и сделали возможным утверждение культа бесстыдства.

Один из западногерманских социологов заметил: «Освобожденный секс» все больше воспринимается как симптом заката и упадка буржуазного общества». Да, порнография материальная — это обратная сторона порнографии духовной, это свидетельство отсутствия идеалов и высоких стремлений, знак опустошенности и распада, это омерзительный эрзац подлинной морали.

ТИТУЛ В ПОДАРОЧНОЙ УПАКОВКЕ

Никто не любит знаться с мошенниками, если он сам не мошенник.

Ж.-Ж. Руссо.

Об этом юбилее на следующий день трезвонили все бульварные газеты. У входа в мюнхенскую дискотеку для избранных под игривым названием «Иес» («Да») недвижно стояли два негра с факелами. На лестнице, сверкавшей золотыми блестками, гостей встречал роскошный мужчина, которого репортеры светской хроники величают не иначе как «самый прекрасный консул в ФРГ». Хозяин не каждого встречал улыбкой. Большинство довольствовалось небрежным кивком. А гость шел не из рядовых. Никакого худородного дворянства на моем юбилее не будет, сказал красавец своим помощникам накануне торжества. Только аристократия высокой пробы — от графов и выше.

И высокородные господа кланялись надменному юбиляру, трясли ему руку, заглядывали в глаза.

«Самому прекрасному консулу» исполнился 41 год. Конечно, дата, как говорится, не круглая, но поводов пышно отпраздновать ее было более чем достаточно. Во-первых, за эти годы сделано не так уж мало. С полным основанием в пригласительных билетах была напечатана весьма глубокомысленная фраза, которая в дословном переводе с немецкого звучит так: «Четыре десятилетия веселого созидания и захребания». Во-вторых, времени у юбиляра было в обрез — того и гляди, снова поволокут в кутузку, откуда его выпустили под залог в полтора миллиона марок. Рекой лилось шампанское (его прислала одна фирма в расчете быть упомянутой в газетных отчетах о юбилее). Гремели здравицы. Гости плясали до упаду.

Сообщения о юбилее появились даже в солидных газетах. Ничего удивительного. «Прекрасный консул» —

он же Ганс-Герман Вайер, примечательная фигура в кругах западногерманской элиты. Конечно, его звезда сверкает на небосводе высшего света не так ярко, как звезды промышленных магнатов, финансовых тузов, земельной аристократии. Но без этого небесного тела не будет гармонии на западногерманском небосводе богатства и тщеславия. А ведь Вайер не заводчик, не банкир, и не помещик. Он самый обыкновенный мошенник.

Впрочем, зачем так грубо? Красавец с сединой в висках не просто надувает публику, зарабатывая сотни тысяч и миллионы, он выполняет определенную общественную функцию, поставляя заевшимся богачам то самое «птичье молоко», которого им только и не хватает.

Никогда еще в прошлом германская финансово-промышленная элита не обладала таким состоянием и такой мощностью, как в сегодняшней ФРГ. Еженедельник «Шпигель» как-то констатировал, что в последние годы произошло «гигантское накопление богатств в руках немногих». И с каждым годом эти немногие все меньше стесняются выставлять свои богатства напоказ. Социолог Энгельман писал: что делают 500-, 1000- и 2000-кратные миллионеры со своими деньгами? Этот вопрос задают часто. Если даже они каждый день будут предаваться новым развлечениям, каждую неделю покупать роскошный лимузин, каждый месяц — новый замок, морскую яхту или золотой столовый сервиз, они не смогут истратить таким путем даже своих текущих доходов. Их состояние будет только увеличиваться. Если день за днем класть в карман сто тысяч (а такое не редкость среди миллиардеров), тогда на долгое время ни собственной фантазии, ни капризов привередливой супруги не хватит, чтобы найти, на что потратить эти огромные суммы, писал Энгельман.

Словом, толстосумам не хватает изобретательности, чтобы утереть нос соседу. Драгоценностями и мехами дражайшей? Дорогими автомобилями, яхтами и персональными самолетами? Великолепными замками и даже целыми экзотическими островами? Нет, этим уже не удивишь. Создать картинную галерею своего имени, как сделали Меллон, Фрик или Гульбекян? Но ведь для этого одних денег недостаточно. Нужен как минимум вкус, если не собственный, так хоть нанятых консультантов. Чем же удовлетворить свое тщеславие?

На сцене появляется Ганс-Герман Вайер. Он знает, что нужно миллионерам, добивающимся самоутверждения. Им нужны титулы.

А вот с титулами в Западной Германии из рук вон плохо. Разгром «третьего рейха» и образование ГДР переломили хребет германской аристократии. Ее латифундии остались к востоку от Эльбы, рыцарские замки превращены в исторические музеи. Западногерманские нувориши гор-

дятся сегодня знакомством с любимым, даже самым захудалым аристократом. Массовая пресса, особенно иллюстрированные журналы, буквально раболепствует перед именитыми особами, расписывая сусальными красками жизнь коронованных и некоронованных высочеств. Трудно с титулами, очень трудно. Но если есть спрос, то будет и товар. И обольстительный «консул» берется за дело. С его помощью можно стать почетным доктором или профессором какого-нибудь заморского университета, имея за душой всего лишь неполную коммерческую школу, где готовят приказчиков. Можно стать консулом иностранного государства, зная мир лишь по этикеткам на импортных товарах. Можно получить дворянство, не помня своего родства. Можно украсить фрак лучезарным заграничным орденом. Словом, все можно за деньги в «социальном, правовом» западногерманском государстве.

Как не понять обиду Вайера, когда ему приписывают чисто шкурнические мотивы. «Я помогаю многим вырваться из жестких моральных тисков, — говорит он. — Я даю им нечто такое, в чем они остро нуждаются для самоутверждения». И дальше: «Я олицетворяю собой крайнюю необходимость. Без меня ярмарка тщеславия уже не может существовать».

Ловкий делец продал десятки дипломов почетных докторов стоимостью от 10 до 120 тысяч марок каждый, консулов — от 100 до 500 тысяч марок за титул, множество иностранных орденов и прочих атрибутов «высокого общественного положения».

Сейчас некоторые крошечные государства имеют в ФРГ такое количество консулов, которого нет даже у великих держав.

Титул — это, конечно, не только удовлетворенное самолюбие. Он одна из форм капиталовложений, которая должна приносить доход. Быть консулом даже самого маленького государства — это значит получить доступ в дипломатические сферы, принимать и быть на приемах, устанавливать связи и знакомства, устраивать новые выгодные сделки на экспорт товаров, на вывоз капиталов. Как видим, мошенничество Вайера нечто вроде смазочного масла в механизме капиталистического обогащения. Оно помогает вертеться каким-то шестеренкам и колесикам; не без понимания этой своей роли «консул» заявил одному из корреспондентов: «Да, я занимаюсь воровством, но делаю это самым современным способом и абсолютно законными методами».

В самом деле делает он это «вполне законными методами». Ведь Вайеру годами все сходило с рук, и единственно, что ему не простили, — это неуплату налогов. Он задолжал два с половиной миллиона марок. Словом, как ты делаешь деньги, мало кого волнует,

но поделиться ими с налоговым управлением ты обязан. За нарушение этого святого завета аферист оказался в тюрьме. Не помог даже дипломатический паспорт одного африканского государства, финансовым советником которого Вайер числился.

Нет ничего удивительного в том, что мнимый консул сделал ремеслом жульничество. В конце концов те, у кого он очищал карманы, сколачивали свое состояние не в белых перчатках. Где-то в глубине души аферист чувствовал даже моральное превосходство над своими клиентами — богатыми столпами общества. И то, что герой комедии Островского Глумов втайне заносил в записную книжку, Вайер, обиженный неблагодарностью своего общества, бросил ему в лицо. «Я знаю, — заявил он журналу «Штерн», — что имею дело с тиранами, которые торгуются из-за пфеннига, стараясь обсчитать своих рабочих и служащих при расчетах. Но они суют мне в руку шестизначные суммы и чуть не плачут от радости, получая свои титулы».

Не расстался герой со своими клиентами даже в заключении. Его соседями по тюрьме были: один принц, один барон, два крупных мебельных фабриканта, финансовые отчеты которых задали массу загадок органам прокуратуры. Да, все это не удивляет. Удивляет другое: уголовник Вайер был и остается героем прессы, примером удачливого дельца, идолом «общества потребления». Ведь кто-то посылал ему в тюрьму икру, сигары и цветы. Кто-то нанял для него адвоката и внес за него огромный залог. Наконец, десятки представителей света поспешили на день рождения к человеку, который только что сменил полосатый костюм заключенного на безукоризненный фрак денди. Нет, это общество не отвернется от Вайера, ибо Вайер есть тот самый Глумов, без которого дамы и господа уже не могут обойтись.

Посидев и поразмыслив в камере с цветным телевизором, «прекрасный консул» решил, что достаточно настрадался, чтобы иметь моральное право поднять цены на свои услуги, тем более, выскомерно заявил он в одном интервью, «мое заключение не отпугнуло клиентов». Заявки на титулы продолжают сыпаться. Видимо, еще не все богачи успели украсить свои виллы эмалевыми вывесками иноземных консульств.

Вот почему, едва оставив тюрьму, Ганс-Герман Вайер тут же принялся за дело. Он провернул первую выгодную операцию, протолкнул в благородное общество наследника многомиллионного состояния Ральфа Квоста. Все-то есть у богатого молодого лоботряса, только имя звучит заурядно. И вот, по совету Вайера, принцесса фон Сайн-Виттгенштайн-Хоэнштайн, одинокая дама с громким титулом и скромными доходами, «усыновила» Квоста. Стоимость трансформации — 300 тысяч марок, из которых половину

суммы положил себе в карман крестный отец нового липового аристократа.

Но вернемся в мюнхенское заведение с двусмысленным названием «Иес». Хмельная ночь позади. Юбилей отпразднован. Наступил час оплачивать счета. Бурное веселье обошлось в 600 тысяч марок. Юнец, околавившийся всю ночь возле Вайера, извлекает из кармана чековую книжку. Это все тот же новоиспеченный «принц», сынок гамбургского миллионера Квоста. Он оплачивает всю вакханалию. Он рассчитывается с аферистом за свой громкий титул.

Что и говорить, в обществе «равных возможностей» Вайер чувствует себя как рыба в воде. Правда, западно-германская Фемида время от времени нарушает покой дельца, переселяя его из гостиной с камином в тюремную камеру. Но, во-первых, Вайер переезжает туда с чемоданами из сафьяновой кожи, набитыми шелковым бельем и кашемировыми пуловерами, и питается только блюдами из ближайшего ресторана. Во-вторых, в тюрьме не задерживается. Его неизменно выпускают под залог. Нет, и в самом деле, боннская демократия вполне устраивает Вайера. Он научился срывать с ее дерева самые сочные плоды. Как-то Вайер выставил даже свою кандидатуру на парламентских выборах. Он решил, что по всем критериям заслуживает поста... федерального канцлера. С большой помпой было провозглашено создание «Немецкой партии свободы». Всего лишь 2500 подписей требовалось собрать, чтобы получить разрешение на участие в выборах. Больше 1700 не удалось наскрести. Тогда смысленный псевдоконсул заполучил картотеку своего приятеля — врача и включил всех пациентов в свой список избирателей, в том числе и мертвые души — умерших больных. Подлог всплыл на поверхность. «Партию» отказались регистрировать. Политическая карьера проходимца на этом и закончилась. Но кратковременное пребывание в кресле председателя фиктивной партии принесло вполне осязаемые плоды.

Вайер, находившийся на воле после уплаты огромного залога, не должен был отныне еженедельно отмечаться в полиции и получил разрешение свободно разъезжать по стране. Этой мягкотелостью стражей закона он воспользовался в полной мере — сел со своей подружкой в самолет и удрал в Южную Америку.

Вскоре из небольшого города на стыке границ между Аргентиной и Парагваем в адрес одной мюнхенской газеты беглец прислал письмо, в котором издевался над своими судьями, сообщая, что купил ферму и назвал животных именами членов 19-й уголовной палаты земельного суда Мюнхена. Это уже было слишком. Власти объявили розыск. К делу подключили Интерпол.

Но только простаки могут поверить, что Вайера схва-

тили и препроводили в кутузку. В столице Парагвая на своей вилле мошенник принял двух корреспондентов еженедельника «Штерн» и, потеряв указательный палец о большой, с ухмылкой сказал: «Вот мой язык, который понятен каждому». Конкретизируя свой девиз, добавил: «За деньги здесь президенты готовы плясать перед вами на столе». Речь идет о латиноамериканских диктаторах и самом отвратительном из них — парагвайском палаче Стресснере. Его ближайший советник генерал Родригес — сосед уголовника Вайера. Племянник генерала полковник Хуан Карлос обстрепывает дела Вайера в различных инстанциях. Его заботами прокуратура Парагвая взяла беглеца под свою защиту, а статс-секретарь министерства иностранных дел в Асунсьоне вручил Вайеру специальный паспорт, каким владеет лишь узкий круг ближайших друзей и приспешников Стресснера. Вайер — желанный гость на всех светских раутах в парагвайской столице. И стоит ему мимоходом бросить, что, дескать, его крестным отцом был Герман Геринг, как каждый готов заключить его в свои объятия.

Между тем бизнес на титулах продолжается. Ведь кто-то должен финансировать безбедную жизнь «прекрасного консула». Он вывез из Мюнхена всю картотеку толстосумов, желающих, например, прибавить к своему имени приставку «фон», не важно как: путем женитьбы или фиктивного усыновления; или получить ранг консула, не важно какого государства. Вайер колдует над этой картотекой тщеславия и цинизма за письменным столом, над которым висит его герб с надписью: «Мани из быютифул» — «Деньги — это прекрасно».

Вот и вся история. Что к ней добавить? У всякого честного человека она вызовет чувство омерзения. Неприглядная картина: с одной стороны, ослепительная роскошь, наглое расточительство, с другой — приторно слезливые призывы к населению жертвовать гроши и поношенные вещи на нужды бедных и обездоленных по случаю рождения христового или пасхи, грубый, провокационный отказ монополий удовлетворить справедливые и насущные социально-экономические требования рабочего класса. С одной стороны — оскудение нравов, пренебрежение общественными интересами и моралью, игнорирование законов и элементарных приличий. С другой — бесстыдные попытки выдать буржуазный образ жизни за эталон для всех.

Уголовная одиссея человека, девизом которого являются циничные слова: «Четыре десятилетия веселого созидания и загребания», — неплохая иллюстрация для этого образа жизни.

ДОЛЛАРОВЫЕ ОТМЫЧКИ

Возможность украсть создает вора.

Ф. Бэкон.

«Уолл-стрит джорнэл» как-то восхищалась Берни Корнфилдом как «величайшим финансовым чародеем современности». Маленький человек (рост 1,62) вынашивал большие идеи. Его фирма аккумулировала для дальнейшего выгодного помещения вклады 700 тысяч мелких и средних буржуа из многих стран мира на общую сумму около трех миллиардов долларов. Бизнес, и довольно крупный. Но не только. Человек, похожий на гнома, утверждал, что он не чужд альтруизма. Он решил осчастливить ближних и создал собственную теорию «народного капитализма». Угодливой свите Берни развивал свои тезисы в таких словах: нам нужно нечто такое, что мы можем противопоставить коммунизму. Поэтому и мелкий вкладчик должен получить возможность умножать свои сбережения за счет «жирных дивидендов». А поэтому — за дело. Продавайте сертификаты фирмы ИОС (Инвесторс оверсиз сервис).

И простодушные адвокаты, торговцы, врачи, предприниматели поверили, что с помощью «величайшего финансового чародея» они станут рокфеллерами и ротшильдами. Сертификаты шли нарасхват. Только в ФРГ их продали на сумму 500 миллионов марок. ИОС олицетворяла прозрачную мечту обывателя разбогатеть, причем сразу и без хлопот. Честно или нечестно — таким вопросом никто не задавался.

ИОС находилась в числе крупных международных монополий. Она «экспортировала» капиталы. Другими словами, суммы, которые она аккумулировала, пускались в дело. Нечистыми руками. Миллионы прилипали к ладоням Берни Корнфилда и его сообщников. Дело процветало. Находились все новые простакки, которые переводили свои сбережения на счет фирмы ИОС. На рекламу не скупилась. Подкупали громкие имена. В США торговать ценными бумагами компании подрядился сын президента Рузвельта Джеймс, в ФРГ — бывший вице-канцлер Эрих Менде.

Главные «охотничьи угодья» находились в Федеративной Республике Германии. Здесь на мушку мошенников попались около двухсот тысяч доверчивых людей. Вместо того чтобы нести свои сбережения в сберкассу, они вкладывали их в сертификаты ИОС. В результате обороты компании росли как снежный ком. Осторожный и недоверчивый обыватель потерял бдительность, поверил на слово. Да и как было не поверить, если сертификаты рекламировались самим Менде — бывшим лидером свободной демократической партии, бывшим вице-канцлером ФРГ.

Склонный к философии Корнфилд формулировал свое кредо в таких глубокомысленных словах: «Счастье — в богатстве». Для выведения этой жизненной формулы человеку с внешностью гнома потребовалось не слишком много серого вещества. Но он бил в точку: примитивная мещанская формула отражала сущность «свободного мира», высшую жизненную цель обывателя.

Впрочем, не Берни придумал эту философию. Он лишь выразил в ней свое «я»: алчность, низменные инстинкты и животные радости. Нахватав чужих денег, делец зажил на широкую ногу: купил виллу в Женеве, построенную еще императором Наполеоном, приобрел самолеты, автомобили, скаковых лошадей, замок.

Отдыхал Берни на самых дорогих курортах. Там-то, в Акапулько (Мексика), на фешенебельном курорте богатых бездельников и международных спекулянтов, и застала счастливчика-гнома роковая телеграмма: «Срочно возвращайтесь в Женеву. Положение серьезно. Неприятности». В Женеве, на Рю-де-Лозанн, 119, с вытянутыми лицами сидели директора компании. Краткий доклад, сделанный примчавшемуся из-за океана шефу, кончался словами: «ИОС обанкротилась».

История, в общем, банальная. В жестокой потасовке капиталистических хищников хрустят и ломаются кости тех, кто послабее. Берни попал на зубы другому мошеннику, еще более алчному и жестокому, тесно связанному с политическими деятелями и миром подпольного бизнеса ряда западных стран. Он-то — Роберт Веско — и сел в кресло шефа ИОС.

А армия кандидатов в рокфеллеры? Что случилось с ней? Она осталась на бобах, как это обычно бывает с держателями ценных бумаг сотен и тысяч других капиталистических компаний, пошедших на дно в конкурентном кораблекрушении. Сертификаты ИОС мгновенно превратились в груды макулатуры. Мечта о богатстве улетучилась.

После долгих раздумий органы правосудия привлекли наконец Корнфилда к ответственности. Его взяли под стражу. Но ненадолго. Вскоре делец был освобожден под залог в 5 миллионов швейцарских франков, который через некоторое время был снижен до одного миллиона. Скрепя сердце Фемида принялась все-таки за расследование. Уж слишком крупным было жульничество, да и пострадавшие требовали своего. Пришлось начать судебное разбирательство. Но уже с первого заседания суд вылился в постыдный фарс. Истцами выступили 350 бывших служащих компании ИОС. Они жаловались, что Корнфилд, зная о неминуемом и близком крахе фирмы, под занавес, что называется, всучил им собственный пакет акций по полной стоимости. Каково же было изумление присяжных, когда на процессе истцы вместо того, чтобы обвинять, один за другим перевоз-

носили дельца как мудрого и честного бизнесмена. Обвинение лишилось всех своих свидетелей.

Вскоре выяснилось, что Корнфилд до начала суда скупил у всех своих бывших служащих обесцененные акции за хорошую цену и пустил под откос процесс. В заключительном слове мошенника деньги даже не упоминались, зато много говорилось о чести, достоинстве и «любви к престарелой матери», которая своими визитами в тюрьму облегчила горькую участь сына. Тронутые до слез, присяжные оправдали махинатора. Выйдя из здания суда, он извлек из кармана пачку крупных купюр и стал раздавать их своей свите: «Заказывайте шампанское, я скоро буду...»

О вкладах сотен тысяч людей, преимущественно граждан ФРГ, ставших жертвой беспринципных дельцов, на суде даже не упоминалось, хотя присяжным было известно, что Корнфилд прикарманил в качестве шефа ИОС 26 миллионов долларов и стал за последние годы владельцем домов в США, Англии, Франции, Швейцарии.

На этом можно было бы поставить точку. Но дело в том, что история обанкротившейся фирмы имеет свое продолжение. И самое поразительное — оно даже в деталях напоминает начало. Изменились лишь имена и география. Остальное осталось, и прежде всего осталась гнилая, болванящая людей философия «счастье — в богатстве», осталась возможность, обманув, ограбив, убив, разбогатеть.

Итак, Роберт Веско...

Босс вдохнул новую жизнь в захиревшую компанию. Целая армия агентов энергично взялась за дело: открывались счета, приобретались фирмы, основывались дочерние компании, снова попадались на удочку простаки. Но Веско недолго занимался делами ИОС. Баланс кипучей деятельности апостола учения «счастье — в богатстве» был таков: из фондов ИОС исчезло 224 миллиона долларов. Разумеется, простыл след и самого босса.

Техника проведенной мошенником операции сложна и вместе с тем на удивление примитивна. Десятки финансистов и юристов не могут в деталях проследить путь, по которому огромные суммы со счетов международной компании попадали в карман ловкача. И вместе с тем как просто украсть миллионы и остаться безнаказанным в мире, где можно купить гражданство любой страны, покровительство президентов, терпимость полиции, где общество бесильно перед горсткой спекулянтов и выжиг!

Веско обосновался на Багамах. Здесь из похищенных средств он инвестировал 60 миллионов долларов в банки и аптеки, газеты и заправочные станции. «Он предоставлял политикам и их друзьям миллионные кредиты и не спешил с получением процентов по ним, — писал о нем один журнал. — Это компенсировалось иным путем: политическими и юридическими услугами влиятельных клиентов».

А услуги ему понадобились вскоре — о Веско вспомнило американское правосудие. Завели дело: «Соединенные Штаты Америки против Роберта Л. Веско, проживающего в настоящее время в Нассау, Багамы...» Но вооруженные телохранители мошенника схватили посланца Фемиды и вышвырнули вон.

Уважаемая матрона так и не получила ответа на множество интересовавших ее вопросов: куда делись похищенные деньги? С какой целью Веско пожертвовал республиканской партии США 200 тысяч долларов? Как он с помощью мафии сколачивал целую империю игорных домов? Вот что узнала бы Фемида, если бы Роберт Веско соблаговолил дать показания: 200 тысяч пожертвованных им долларов, как это показали бывшие американские министры Митчелл и Стэнс, были вручены непосредственным исполнителям уотергейтского дела, тем самым взломщикам, которые тайно проникли в штаб-квартиру демократической партии. Расчет Веско был прост: 200 тысяч — не слишком большая плата за индульгенцию, спасающую от судебных органов США, омрачавших его жизнь хотя и формальными, но достаточно назойливыми напоминаниями о себе. Кое-что узнала бы она и о всевластии зловещего альянса монополий, мафии и реакционных политических деятелей, которые держат за горло целые страны. Но мистер Веско не снизошел до свидания с Фемидой. В конце концов ее булавоочные уколы порядком надоели ему. Он демонстративно разорвал свой паспорт гражданина США и положил в карман дипломатический паспорт одной центральноамериканской страны, где финансового жулика ждали дружеские объятия влиятельных покровителей.

...Как-то личный самолет авантюриста кружился в воздухе, ожидая разрешения на посадку. Веско распорядился: общайтесь диспетчерам деньги, если они посадят нас вне очереди. Бывший личный пилот Веско сообщил репортеру западногерманского журнала «Штерн»: этот человек убежден, что за доллары можно купить все — фирмы и виллы, министров в кабинетах и диспетчеров в аэропортах. Что ж, Веско знает цену обществу, в котором он живет.

ЛОВЦЫ ДУШ

Страх — всегдашний спутник неправды.

В. Шекспир.

В универсальном магазине с эскалаторами, стереофонической музыкой и мягким ковровым покрытием в центре торгового зала на первом этаже весело перемигиваются

цветными глазками электронно-вычислительные машины. Вокруг толпа. Люди сосредоточенны и молчаливы. Они терпеливо ждут. Ждут, пока чудо-компьютер, проглотивший монету в пять марок, не выдаст карточку с предсказанием их судьбы.

Нет, это не шутка, это всерьез. Взрослые, солидные мужчины и женщины готовы поверить в электронного шарлатана, чтобы заглянуть в завтрашний день, угадать свое будущее. Очередь растет. Компьютеры трудятся с полной нагрузкой.

Тревога, неуверенность, страх порождают массовый психоз, которым ловко пользуются беспринципные дельцы и уголовники. Они повсюду расставили сети, в которых трепыхаются тысячи наивных, доверчивых, отчаявшихся.

Белый человеческий череп взирает пустыми глазницами на черные стены, черные рясы, на сидящих на корточках мужчин в капюшонах. Жрица в черных одеяниях и кинжалом в руке вызывает потусторонних духов. Нет, это не кадр из фильма ужасов и не полотно старого мастера. Просто одна из религиозных сект празднует полнолуние.

А их, сект, расплодилось в Федеративной Республике тьма-тьмушая. Эпидемия оккультизма распространилась так широко, что ей занялось федеральное правительство. Оно опубликовало специальный доклад, в котором признается, что существующие правовые нормы недостаточны для защиты граждан от «психического и физического ущерба», наносимого им под предлогом отправления религиозных культов. Между тем, как признается в докладе, во всех восьми действующих на территории ФРГ сектах широко прибегают к «мощному психическому механизму» духовного закабаления личности. Завербованные подвергаются интенсивной психологической обработке, превращающей их в безвольный инструмент заправил сект, цель которых — прибыль, а не «разумное устройство жизни», которое обещали простодушным при вербовке. Авторитарно руководимые секты представляют собой нередко широко разветвленные промышленные империи, занимающиеся всем — от экспорта чая до производства вооружений.

Явление так распространилось, что им занялась печать. Ее свидетельства любопытны, например, о секте «Дети бога», возглавляемой неким Дэвидом Бергом из Калифорнии. Он именуется Дэвидом Мозесом или Дядя Мо, предсказывает конец света и обещает своим последователям привести их в грядущее «царство святых». Прокуратура Дюссельдорфа возбудила следствие по делу секты «Дети бога». В бундестаге был сделан запрос по этому поводу. Заявления родителей о пропаже их сыновей и дочерей, ставших членами секты, доставили много забот уголовной полиции.

Прокурор Нью-Йорка еще в 1975 году выдвинул про-

тив Дэвида Берга обвинение в «совращении малолетних, изнасиловании и шантаже». С тех пор Дэвид Мозес постоянно находится в бегах; в последний раз его видели на острове Тенерифе и в Португалии. Тем не менее этому бордату американцу, объявившему себя «наместником Иисуса Христа на земле», удалось превратить свою секту в процветающее предприятие, основным источником дохода которого служат попрошайничество и проституция.

70 тысяч молодых людей в сорока странах, в том числе около двух тысяч в Федеративной Республике, безоговорочно подчиняются человеку, которого никогда не видели. Единственное, что они получают, — его писания, так называемые «письма Мо». Эти трактаты представляют собой мешанину из библейских изречений, порнографии и политики. По оценкам, годовой оборот секты в Западной Германии превысил 10 млн. марок, а состояние Дэвида Берга достигает 20 млн. марок.

Члены секты в ФРГ живут в шестидесяти так называемых «колониях». Это жилища, в которых обитает до десяти человек. «Пастырь колонии» возглавляет группу. Ему члены группы подчинены полностью, он принимает за них все решения.

Чтобы стать членом секты «Дети бога», необходимо немедленно бросить работу или учебу, переписать на имя секты все свои сбережения и имущество, равно как и ожидаемое наследство.

«Когда я теперь как следует размышляю об этом, то прихожу к выводу, что нужно быть сумасшедшим, чтобы вступить в секту «Дети бога», — рассказывает Петер Хефт. Именно таким сумасшедшим он был когда-то.

Петер более полугода жил в «колониях» в Ганновере, Билефельде и Ольденбурге. Он относится к тем немногим, кому удалось самостоятельно уйти от «Детей бога». Он вспоминает: «В то время я был в ужасном положении, разругался с родителями, не ладилось у меня на работе и с подругой. Однажды в Ганновере на улице ко мне обратилась молодая девушка. Она рассказала, что живет в колонии христианской молодежи, что там исключительно приятные люди, никто не испытывает стресса, никто не оказывает ни на кого давление. Я несколько раз сходил туда, и мне понравилось. А затем я вступил в секту».

Столь безобидно начинается вербовка новых членов. Они с восторгом рассказывают заинтересованным молодым людям о своей «другой жизни»: вдалеке от грязной возни политиков и князей церкви все помыслы направлены на то, чтобы творить добро.

Вербовщики искусно апеллируют к склонности молодежи к приключениям и духу бунтарства. Одновременно они предлагают потенциальным членам секты высший авторитет — Иисуса, во имя которого они, как революционеры,

должны бороться против всякого зла в этом мире. Но революционером может быть только тот, кто «отказывается от всего» и начинает абсолютно новую жизнь.

24-летняя студентка из Кёльна Инга Мамай тоже этого хотела. Но едва она переселилась в «колонию», как все оказалось вдруг совсем не так, как ей обещали. Инга Мамай рассказала: «В первые восемь дней мне вообще не разрешали покидать колонию. Я не имела права ходить одна никуда, даже в ванную; при мне всегда находилась девушка, которая беспрерывно внушала: «Иисус любит тебя», что я буду счастлива, если буду следовать законам секты. Я должна была постоянно читать заповеди нашего пророка Дэвида и до изнеможения учить наизусть библейские изречения. Если я при этом засыпала, девушка тут же будила меня, и я должна была читать дальше. Все делалось, как меня уверяли, исключительно во имя Иисуса. Это было настоящее промывание мозгов».

В большинстве случаев достаточно нескольких недель, чтобы превратить нового члена в безвольного человека, который делает только то, что приказывает главарь колонии. Ведь молодой член секты почти полностью отрезан от внешнего мира. Но «работать» он обязан чуть ли не с первых дней. Каждый член секты должен выполнять ежедневную норму сбора подаяний, она превышает 50 марок. Пастырь собирает эти деньги и сразу же пересылает их по инстанции. В конечном итоге они поступают, как разузнали западногерманские репортеры, на счет № 67822541 в цюрихском банке «Швайцерише кредитанштальт» или на счет № 1665881 в женевском банке «Швайцеришер банкферайн».

Активизация органов юстиции, широкие выступления в печати и изданный властями запрет на сбор пожертвований в пользу «Детей бога» на всей территории ФРГ привели к тому, что Дэвид Мозес коренным образом изменил структуру секты ФРГ.

В послании «Третье предупреждение ко дню рождения» Мозес писал своим «детям», что некоторые пастыри обманывали его и заботились о собственном кармане. Он говорил о том, что вынужден ликвидировать организацию, хотя бы ради членов своей секты — «бедных, замученных распространителей литературы». Так он ликвидировал прибыльное и не облагаемое налогами попрошайничество его членов, поскольку оно стало чересчур опасным для него. Вместо этого он форсировал другое, не менее прибыльное предприятие, но до тех пор побочное — проституцию. В огромном поместье в Поджо-Секко (недалеко от Флоренции), охраняемом дорогостоящими электронными сигнальными устройствами, специально отобранные девушки обучались занятию проституцией для секты. Дэвид Мозес присвоил им почетный титул «божьих рабыни любви».

Женатые члены секты и те, у кого есть дети, также должны работать на секту. Инга Мамай вспоминает о своем пребывании в «колонии» в Риме: «Мне сразу же бросилось в глаза, как много детей жило там. Дети, сказали мне, позднее образуют армию Иисуса. Поэтому они не будут посещать школу, так как школьная система лишь испортит их. Родители сами должны обучать своих детей». От супругов, чей брак официально не зарегистрирован, а лишь «благословлен» пастырем, Дэвид Мозес требует гораздо большего. Он заявляет им, что ревность одного из супругов, если другой занимается проституцией, неуместна, поскольку «бог терпел, когда его сын Иисус умирал на кресте». В одном из писем он настоятельно напоминает своим «детям»: «Не делайте этого бесплатно, ибо счета должны быть оплачены».

Главным образом те счета, по которым оплачиваются расходы самого главы секты. В 1977 году корреспонденты журнала «Штерн» дважды нападали на след Дэвида Мозеса, который после побега из США в 1975 году живет в роскошном подполье. В первый раз его видели на острове Тенерифе, где Дэвид Мозес занимал со своими приближенными 14 домов и квартир. Он каждый вечер появлялся с большой компанией в шикарном баре «Лос капричос» в Пуэрто-де-ла-Крус. Его спутницы были всегда доступны любому туристу, если у последнего имелись деньги. Об этом узнала местная полиция. Когда она пригласила щедрого гостя из США на допрос, он в тот же день бежал с острова.

Полгода спустя, осенью 1977 года, Дэвид Мозес поселился на португальском фешенебельном курорте Эсторил, близ Лиссабона. Он жил в роскошной вилле с собственным театральным залом. Когда фотограф журнала «Штерн» сфотографировал веселую компанию Дэвида Мозеса в казино Эсторила, глава секты через два часа исчез, даже не заходя в свой дом.

Деятельность других сект, по существу, мало чем отличается от уголовных деяний Дяди Мо. Тысячи людей бреют себе голову и падают ниц перед господином Кришной и его самозванными наместниками. Они бросают отцов и матерей, школы и профессии с тем, чтобы следовать за корейцем по имени Мун, который выдает себя за мессию, живет в роскошной мансарде в Нью-Йорке и заставляет своих последователей побираться для него. Они платят до 10 тысяч марок за слушание курса лекций «психотехники расслабления и высшего сознания», устраиваемых западногерманским «обществом трансцендентальной медитации»...

Листаешь западногерманские газеты и журналы — и диву даешься: где и в какое время все это происходит?

Недалеко от Мангейма живет «ведьма Ганна». Она колдует, используя при этом человеческую кровь. Во Франкфурте-на-Майне братья секты «Сатурн» вызывают с помощью магического меча «силы этой планеты». Особым успехом в ФРГ пользуется «ведьма Ротенбурга», как сама себя называет некая Улла фон Бернус. За курс обучения маготибетской йоге, которая должна дать «власть над людьми», она берет 3 тысячи марок.

Фюрер нового западногерманского ордена «Телема» («Воля») Михаэль Эшнер называет себя «мессия». Здоровенный, с бородой «а-ля Распутин», он похож скорее на преуспевающего бизнесмена, чем на мессию. Впрочем, так оно и есть. Он самый настоящий делец, вот только предпринятие его не совсем обычное. Раньше он работал электромехаником, однако это занятие не приносило желаемого дохода. Сегодня он посвящает в «тайны мироздания» молодежь, которую собрал вокруг себя. Чем же занимаются у Эшнера?

— Мы совершаем магические обряды, — откровенничает мессия, — организовываем выставки смерти, ритуалы экстаза, чтение оракулов. Мы хотим преодолеть границы дозволенного, нарушить все «табу», хотим уничтожить мораль.

Учение его — это своеобразный психококтейль из мифов, средневековых легенд о крестоносцах, восточной сексуальной магии и новомодного западноевропейского культа черта.

Естественно возникает вопрос: чего ищут люди в сектах, в тайной магии, во всей этой чертовщине? Как отмечает один западногерманский социолог, в сектах люди, прежде всего молодые, ищут недостающего им чувства безопасности, а в лице гуру, как им кажется, они находят те человеческие примеры, каких не могут явить для них ни родители, ни общество. Пожалуй, это так. Только социологу следовало бы добавить: тяга людей к чистому, ясному, возвышенному проистекает из материальной и духовной неустроенности жизни, из неуверенности в завтрашнем дне и страха перед будущим. Волна оккультизма в ФРГ порождена острыми экономическими, политическими и социально-психологическими проблемами: безработицей, ядерной угрозой, заражением биосферы, преступностью, распадом морали. Во что верить, на что надеяться? — спрашивают молодые люди, впадая в настроения грядущего «конца света».

...Мигают глазки компьютера. Люди терпеливо стоят в очереди, чтобы опустить в прорезь пятимарочную монету и заглянуть в свое будущее, — озабоченные, встревоженные, растерянные люди, жертвы шарлатанов из закрытых сект и тайных обществ.

МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

ХРОНИКА ОДНОГО УБИЙЦЫ

Величайшее поощрение преступления — безнаказанность.

Цицерон.

Каждый раз, приезжая в Мюнхен, я отправляюсь на Штакус. В эту площадь, окаймленную сверкающими многоэтажными магазинами и громадами зданий эпохи грюндерства, вливаются несколько улиц. Пройдя подземными переходами, составляющими в совокупности пестрый и оживленный первый этаж площади, поднимаюсь эскалатором прямо на Шютценштрассе. Дом № 1 бросается в глаза необычной архитектурой. Его фасад похож на узкий нос корабля. Беглый взгляд на бронзовые таблички у подъезда. Есть. Она все еще есть: «Вы выбрали правильно — маклерская контора д-ра Курта Кристмана. Земельные участки, дома, квартиры. Третий этаж».

Впервые я пришел к этому дому двадцать четыре года назад, когда только услышал имя крупного преуспевающего дельца. Оно десятки раз звучало за тысячи верст от Мюнхена, в Краснодаре, на судебном процессе по делу группы предателей, служивших в годы Великой Отечественной войны в составе фашистских карательных отрядов. Их было четыре, этих «айнзацгруппы», — А, В, С, D, — с их многочисленными «зондеркомандами», подразделениями особого назначения. Они шли по следам наступавшего вермахта и, входя в оккупированные города, немедленно приступали к расстрелу советского и партийного актива, членов их семей, коммунистов, комсомольцев, военнопленных, представителей интеллигенции, «расово неполноценных» граждан. Затем начинались кровавые «будни» — выявление и ликвидация подпольщиков, партизан, карательные экспедиции против мирного населения, уничтожение больных, престарелых.

В Краснодаре четверть века назад судили душегубов из зондеркоманды СС 10а, входившей в «айнзацгруппу D». Сколько на счету этих извергов преступлений, совер-

шенных в Крыму, в Мариуполе, Таганроге, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ейске, Новороссийске, в Белоруссии и Польше! Сколько тысяч советских людей были замучены в застенках, отравлены в душегубках, сожжены, закопаны заживо! «Весь путь зондеркоманды СС 10 а, — говорилось в обвинительном заключении, — обагрён человеческой кровью, смочен слезами женщин, сопровождался криками истязаемых, плачем маленьких детей, просивших не убивать их...» И каждый из обвиняемых на каждом заседании суда неизменно называл имя шефа зондеркоманды, оберштурмбанфюрера СС Курта Кристмана.

Жив ли он, если да, то где он, понес ли наказание за свои преступления? Получили ли по заслугам другие эсэсовцы — подручные Кристмана. Начались поиски...

В свинцовое мокрое небо упирается громада небоскреба гамбургской полиции. Скоростной лифт поднимает меня на тринадцатый этаж. Здесь размещена «специальная комиссия по расследованию национал-социалистских преступлений». Кому как не ей располагать исчерпывающими данными о человеке, деятельность которого отпечаталась кровавыми следами на советской земле.

Меня принимают председатель комиссии Рейхард и ответственные сотрудники Мацик и Джеварс.

— Имя Кристмана нам знакомо. Но мы не занимаемся делами зондеркоманд. Они входят в компетенцию прокуратуры Мюнхен-1. Поэтому нам трудно сказать, как ведется следствие.

— Не скажете ли, где проживает Кристман и чем он занимается?

Г-н Джеварс приглашает меня в свой кабинет. Просматривает картотеку, звонит кому-то, консультируется с сотрудниками. Г-н Джеварс старается помочь мне. Но карточка, в которой зафиксированы злодеяния команды СС 10а на территории Советского Союза, пуста. Где же Кристман? Начато ли против него следствие? Допрашивала ли его полиция? Никто в «специальной комиссии по расследованию национал-социалистских преступлений» не может мне толком ответить.

Зивекинг-плац. Мрачное здание суда и прокуратуры. Ищу прокурора г-на Дозе. Меня встречает молодой человек с приятным лицом, живыми глазами. На его письменном столе фотографии милой женщины и двух детей.

— Да, дело против Курта Кристмана я заводил. Но вскоре передал его одному из своих коллег. А сейчас оно, насколько мне известно, переправлено в Мюнхен.

Спрашиваю, допрашивал ли он, г-н Дозе, военного преступника, информирована ли прокуратура Гамбурга о дальнейшем ходе дела, знает ли он, где проживает и чем занимается Кристман. Г-н Дозе отвечает вежливо, но

немного словно: нет, не помню, боюсь, что не смогу вам ответить. Впрочем... Он уходит, вернувшись, сообщает:

— Кристман раньше проживал в Гамбурге. Сейчас он, кажется, переехал в Мюнхен. Больше ничего о нем нам неизвестно...

Прощаюсь. Но через полчаса снова встречаюсь с прокурором Дозе. В этом же здании, в зале, где идет суд над главным редактором и издателем прогрессивной газеты «Блинкфюр». На сей раз г-н Дозе облачен в черную мантию и восседает в кресле государственного обвинителя. Объявляется приговор: антифашист присуждается к одному году тюремного заключения.

Поиски продолжаются.

...Бад-Канштадт был некогда популярным курортом. Сейчас городок стал районом Штутгарта и больше известен своими заводами, чем целебными источниками. И все же в нем немало тихих зеленых улиц. Одна из них — Таубенхаймштрассе. В новом пятиэтажном доме, № 51, со сплошной линией балконов, проживает Вальтер Керер.

Звоню. Дверь открывает пожилая женщина. Рядом с ней маленькая девочка с большими черными глазами, видимо внучка. Керера нет дома. Он в длительной командировке.

— Что ему передать?

Эта мило улыбающаяся женщина не подозревает, за кого выдала свою дочь. Обершарфюрер СС, командир карательной роты В. Керер считался одним из самых лютых садистов зондеркоманды СС 10а. Плотный, лысеющий мужчина с маленькими усиками загонял в Ставрополе голых людей в душегубки, расстреливал женщин и детей у противотанкового рва в Симферополе, «усмирял» крестьян в Тернополе, умертвлял множество ни в чем не повинных людей в лагере Майданек.

— Нам известно, что Керер входил в состав зондеркоманды, но этого еще недостаточно для привлечения его к ответственности, — говорил мне накануне прокурор г-н Букс в городской прокуратуре Штутгарта. — У нас нет доказательств, нет прежде всего документов. Нужны неопровержимые свидетельства того, что он активно участвовал в убийствах. Мы беседовали с Керером, он отрицает свою вину, уверяет, что работал снабженцем и переводчиком, ибо в совершенстве владеет русским языком. Таким образом, все дело упирается в отсутствие прямых улик.

Пожилая женщина, теща Керера, повторяет свой вопрос:

— Что же ему передать?

— Я хотел поговорить с ним лично.

— Он уехал по делам.

Я узнал, что Керер торгует подержанными автомоби-

лями. Выгодный гешефт. Бывший эсэсовец явно процветал. Спокойно спал на тихой Таубенхаймштрассе в красивом новом доме...

«Отсутствуют прямые улики», а угрызения совести садисту были незнакомы.

Очередной этап моей поездки — Дармштадт. Я слышал, что в этом городе на Заальбауэрштрассе, 56, проживает еще один в прошлом активный участник зондеркоманды СС 10а — Фридрих Пельц.

— Он переехал года два назад, — сказала мне соседка. — Живет сейчас где-то возле вокзала.

— Где он работает?

— В городской больнице.

Вахтер направляет меня в лабораторию. В коридор выходит рослый человек с выдающимся подбородком, с тонкими губами. Разговаривает по-русски. Фридрих Пельц родился на Украине. До войны преподавал немецкий язык в Макеевке, учил детей, а в годы фашистской оккупации — убивал их.

— Я не был в СС, никогда не состоял в партиях и организациях, — уверяет меня Пельц. — Я был гражданским лицом и служил в тыловых частях вермахта. У нас, правда, были русские военнопленные. Но мы вместе строили дороги.

— Вы были надзирателем над ними?

— Нет, я сам работал. Вы ошиблись. Разве мало людей с фамилией Пельц. Вы меня принимаете за другого.

— Давно вы живете в Дармштадте?

— Давно.

— Меняли местожительство?

— Нет, я всегда жил на одном и том же месте.

Пельц лжет. Оправившись, смелеет.

— Я гражданин ФРГ, — подчеркивает он.

Из дальнейшей беседы я понимаю, что до сих пор его никто не беспокоил, никто никуда не вызывал. Все эти годы он жил спокойно. И, может быть, я был первым, кто напомнил ему о прошлом. Неужели буду и последним...

Одним из самых гнусных преступлений эсэсовской банды явилось умерщвление группы детей в Ейске. «Операцию» возглавлял заместитель начальника команды оберштурмбаннфюрер СС Курт Тримборн.

Вуперталь, Седанштрассе, 112.

— Здесь живет Курт Тримборн?

Старичок в жилетке охотно отвечает:

— Он переехал куда-то на Цунфтштрассе, здесь осталась только его сестра. Тримборн работает у братьев Хаппих, это недалеко. В войну он был где-то на Востоке — сообщает вдруг старик, многозначительно понизив голос.

— Кончай болтать, старый.

Это, видимо, жена словоохотливого старичка. Она зло бранится. Старик сказал лишнее.

Фирма Хаппих расположена за пределами города. Это крупное предприятие по производству автомобильных деталей. Прошу начальника отдела кадров господина Бойкера устроить мне свидание с Тримборном и рассказать о его работе на заводе.

— Не имею права давать никаких сведений — ни о зарплате, ни о семейных отношениях, ни по другим вопросам.

— Речь идет не о зарплате и семейных отношениях, а о тяжелых преступлениях против человечности.

— Обратитесь в прокуратуру.

Еду в прокуратуру. Беседую с обер-прокурором господином Вальтером. Он не рекомендует наводить справки о Тримборне. Это повредит следствию.

— А ведется ли следствие против Тримборна?

— Мы и не начинали его. Зондеркоманды не входят в нашу компетенцию. Дело передано в соответствующие органы.

Выразительное, словно вырубленное лицо прокурора кажется знакомым. Да, конечно, это он недавно выступал обвинителем на процессе против прогрессивного общественного деятеля Лоренца Кнорра. Кнорр назвал гитлеровских генералов виновниками гибели миллионов людей. Генералы «обиделись» и подали на него в суд. Их иск поддерживал мой собеседник.

По адресной книге узнаю, что Курт Тримборн проживает по Цунфтштрассе, 20. Это великолепный девятиэтажный дом из светло-желтого кирпича с огромными окнами. Звоню по телефону:

— Вы Курт Тримборн, бывший офицер зондеркоманды СС 10а?

После минутного замешательства следует ответ:

— Я не нахожу слов.

— Вы возглавляли операцию по истреблению детей в Ейске?

— Нет, это неправда. Я этого не делал. Да, я был в Ейске, но короткое время. Да, я был в Таганроге, но не делал того, о чем писали ваши газеты. Я простой человек, у меня трое детей.

Далеко не всех удалось мне увидеть. Где злодей врач Герц, смазывавший детям губы ядом, где другие палачи из эсэсовской команды смерти? Никто не давал их адресов. Это запрещает закон. Пока идет следствие.

Где бы я ни был, меня заверяли, что расследование ведется со всей серьезностью. Да, конечно, оно тянется

долго. Конечно, многие подозреваемые на свободе. Но не хватает веских улик, неопровержимых доказательств. И все-таки будьте уверены — следствие идет.

По-прежнему меня в первую очередь волновал вопрос: где Кристман? Я побывал во многих городах. Беседовал с прокурорами, полицейскими, домовладельцами, предпринимателями. По всем данным, Кристман обосновался в Мюнхене. Но где?

Г-н советник юстиции Шрейхер, выполняющий обязанности пресс-референта во Дворце юстиции Мюнхена, сказал как отрезал:

— Не могу вам дать никаких сведений. А может быть, речь идет о человеке, который ни в чем не виноват.

И у меня не так уж много было надежд на удачу, когда я входил в здание мюнхенской прокуратуры, располагавшейся тогда в двух шагах от захлестнутого автомобильными потоками Штахуса.

— Да, мы уже два года ведем следствие против лиц, названных на краснодарском процессе, — сказал прокурор д-р Бадер.

— Не слишком ли затянулся разбор дела, если после двух лет следствия главные преступники все еще на свободе?

— Нужны неопровержимые доказательства...

— Где Курт Кристман, бывший оберштурмбаннфюрер?

— Он проживает в Мюнхене. Больше, к сожалению, сказать ничего не могу.

...Снова Штахус. Снова дом-корабль. Третий этаж. Просторная приемная. Две секретарши. Солидная контора. Докладывают. Вхожу в кабинет. Навстречу спешит низкорослый человек с вытянутым лицом, тонкими губами, большими ушами. Сомнений нет — это он. Начинаю разговор, а перед глазами то же лицо, только увенчанное фуражкой с высокой тульей и кокардой-черепом. Так выглядел этот плюгавый человек на фотографии, которая мелькнула в советской печати.

— Я разыскиваю Курта Кристмана, бывшего начальника зондеркоманды СС 10а. Это вы?

— Нет, я такого не знаю.

— Вы воевали в России, были в Ростове-на-Дону, Краснодаре?

— Воевал, но солдатом.

Нагло лжет. И так же нагло смотрит прямо в глаза. Ни тени волнения. Спокоен, уверен.

Покидаю контору процветающего дельца и снова направляюсь в прокуратуру. Прошу, наконец, определенно сказать: какова сегодня профессия Кристмана, бывшего оберштурмбаннфюрера СС?

— Маклер по недвижимости, земельные участки, дома, квартиры...

Время шло. Его заполнили другие дела и заботы, отеснившие кровавый кошмар зондеркоманды на задний план. Но тревожное чувство не покидало меня. Как же так? Он все еще на свободе. Минуло два года. Я позвонил прокурору д-ру Бадеру.

— Следствие не закончено. Все еще недостаточно улик, чтобы передать дело в суд, — прозвучало в трубке.

Прошло еще несколько лет. Моя командировка закончилась. Я вернулся на Родину. Разбирая как-то зарубежную почту, взял в руки западногерманский иллюстрированный журнал, посвященный прекрасному городу Мюнхену и его самым именитым гражданам. Среди них назывался и богатый маклер Курт Кристман. Он давал интервью, не скупясь на советы, как с максимальной выгодой пускать в оборот деньги.

И снова череда лет. Ноябрь 1972 года. Короткая командировка в Федеративную Республику — мой маршрут проходит через Мюнхен. Снова Штакус, снова знакомый дом-корабль по Шютценштрассе, 1, снова солидная вывеска: «Вы выбрали правильно — маклерская контора д-ра Курта Кристмана. Земельные участки, дома, квартиры. Третий этаж».

Делец продолжал наживаться на земельных спекуляциях, жилищной нужде. Знакомые антифашисты, члены баварской организации Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме — Союза антифашистов (ОЛПН), с горечью и возмущением говорили мне: преступник живет в роскошном доме с бассейном, разъезжает на дорогих лимузинах и в ус не дует. Прокуратура не очень-то ему досаждаёт. Взяли было его под арест, но тут же выпустили на свободу под залог. Причем за последние десять лет, возмущались люди, прошедшие ад фашистских концлагерей, Кристмана уже во второй раз выпускают на волю. Еще бы, миллионер. Может купить все, в том числе безнаказанность...

И снова калейдоскоп событий и лиц. И снова отдаляется во времени и пространстве бывший шеф зондеркоманды СС 10а Курт Кристман. Я могу следить за ним только по прессе. В своей газете ОЛПН продолжало неустанно бить тревогу: следствие тянется на волах. Его вообще готовятся спустить на тормозах и ищут лишь оправдание для выдачи индульгенции душегубу.

Оправдание вскоре нашлось: звезды медицины обнаружили у Кристмана «тяжелое заболевание». В 1974 году дело было прекращено из-за длительной «недееспособности» подследственного.

Индульгенция была выдана. Преступник ушел от наказания, как и многие тысячи других нацистских изуве-

ров. В течение пяти лет миллионер жил безмятежно. Пухлые, пропитанные кровью жертв папки документов были отправлены в архив. Но преступления Кристмана были настолько вопиющими, что на сей раз органам правосудия пришлось сделать исключение из правила. Дело Кристмана приобрело широкую огласку. О нем писала советская печать и рассказывало советское телевидение. Не молчали и советские граждане — свидетели злодеяний Кристмана. Их показания поступили в органы прокуратуры ФРГ, от них невозможно было отмахнуться. Демократические круги в самой ФРГ требовали возобновления следствия. Наконец, и сама прокуратура усомнилась в серьезности заболевания Кристмана. Уж очень энергично он занимался бизнесом и бойко выступал на других процессах в качестве свидетеля.

В это время я вновь приехал в ФРГ в качестве корреспондента «Известий».

Старший прокурор г-н фон цур Мюлен говорил мне летом 1980 года: Мы возбудили дело и выдвинули обвинение в прежнем объеме: речь шла об истреблении людей в «душегубках», о расстреле мирных граждан в станице Марьянская, о массовом истреблении лиц еврейской национальности. Поскольку возникло подозрение, что Кристман может бежать (после 1945 года он провел десять лет в Латинской Америке и вернулся оттуда состоятельным человеком), мы потребовали его заключения в следственную тюрьму. Предстоит суд. Но нам нужна помощь, сказал г-н фон цур Мюлен. Мы вынуждены еще раз опросить советских людей на месте, в СССР. Без этого не обойтись, одного зачитания прежних показаний недостаточно.

Забегая вперед, скажу, что просьба прокурора была передана в соответствующие инстанции. Суд присяжных выезжал в Советский Союз. Прощаясь с прокурором, я спросил:

— Чем объяснить, что дело тянется почти два десятилетия?

— Мы должны проявлять осторожность, чтобы не повторить ошибок Фемиды «третьего рейха». Да и дела слишком сложные и запутанные. Прошло много времени, живых свидетелей осталось мало.

И еще один неофициальный вопрос:

— Как вы лично воспринимаете все то, в чем обвиняете, как прокурор, Кристмана?

— Я сравнительно молод. Не воевал. Материалы следствия в человеческом плане потрясают меня. Ужасно, что такое было возможно. Вот какими трагедиями оборачивается война...

Мой собеседник, как и выступавший на процессе государственный обвинитель г-н Фольгер, относится к послевоенному поколению граждан ФРГ. Конечно, оно поставлено в жесткие рамки законов и процессуальных норм. И живут они в атмосфере негативного, если не враждебного отношения обывателя к судебному преследованию нацистских преступников. Но даже среди консервативных служащих западногерманского правосудия, очевидно, встречаются и белые вороны. Во всяком случае, на этот раз дело дошло до суда.

В сентябрьское утро 1980 года группа антифашистов распространяла у входа в зал земельного суда Мюнхена листовки. В них расценивался как скандал тот факт, что обвиняемый только что предстал перед судом, хотя не одно десятилетие известно, что «он отдавал приказы о массовых казнях и лично руководил ими». Начинается заседание. На скамье подсудимых я вижу знакомое вытянутое лицо с торчащими ушами. Постарел, но бодр. Перед судьями не менее полусотни увесистых папок, заключавших в себе безмерное горе тысяч людей. Слово берут защитники. Они требуют освободить своего клиента из-под стражи под залог в сто тысяч марок. И вправду, у Кристмана денег — куры не клюют. Слово берет сам обвиняемый. Он просит выпустить его, ибо должен поддерживать здоровье... ежедневным плаванием в собственном бассейне. Прокурор требует отклонить эту просьбу и сообщает суду, что Кристман предложил одному врачу взятку в двадцать тысяч марок за благоприятное для него медицинское заключение о «недееспособности».

Три именитых адвоката и постоянно присутствующий в зале заседаний личный врач продолжают домогаться закрытия процесса, ссылаясь на «сердечную аритмию» их подопечного. Но новое, которое уже по счету, обследование со стороны тюремного врача не подтверждает никакого ухудшения состояния подсудимого.

Со скрипом процесс трогается наконец с места. Мне довелось присутствовать на его нескольких заседаниях. Невозможно пересказать всего того, о чем говорилось в круглом кремовом зале суда. Только казалось, что в нем тесно от теней тех, кто был расстрелян на крутом берегу Кубани, в Петрушиной балке под Таганрогом, кто задохнулся в «душегубках» в Ейске и был сожжен в белорусских деревнях Полесья. Ни тени раскаяния в словах Кристмана. Зато сколько в нем спеси и наглости! Зачитываются показания свидетелей: в середине января 1943 года в станице Марьянской под командой Кристмана было расстреляно до пятидесяти советских граждан. Судья уточняет: сколько их было — пятьдесят? Кристман небрежно бросает: «Кто его знает, я их не считал». Стреляли в затылок, тела бросали в Кубань. Убивали женщин и детей.

Кристман прерывает зачитывание свидетельских показаний:

— Меня должны еще благодарить за то, что я не сровнял с землей партизанское гнездо — Марьянскую, я ликвидировал только зачинщиков.

Во время расправы он «пощадил» красивую 18-летнюю девушку. Он изнасиловал ее, а уж затем пристрелил. Кристман с ухмылкой замечает: это не я, это вермахтовцы. И вдруг в голосе обвиняемого звучат озлобленность, ярость: как, суд собирается выехать в Советский Союз? Германский суд? Но это ведь «оскорбление для немецкого народа»...

Будничным голосом зачитываются документы, от которых кровь стынет в жилах. Сколько жертв на совести этого злодея. В краснодарской тюрьме он сжег всех заключенных патриотов. В одной из белорусских деревень побросал в колодец всех детей. Лично участвовал во всех допросах и расстрелах. Собственноручно добивал раненых.

Однажды утром открытие заседания необычно затянулось. Кто-то сообщил.

— Вызвали неотложку. Господину Кристману стало плохо.

Заседание было перенесено до «выздоровления» симулянта. Но проволоочки и жалкие инсценировки в конце концов не помогли. Процесс находился в поле зрения демократической общественности. В зале постоянно присутствовали антифашисты, бывшие участники Сопротивления, узники концлагерей. Они внимательно следили за ходом разбирательства, ибо с полным основанием сомневались в беспристрастности правосудия. Эти пожилые, нередко больные люди, инвалиды были для меня оком и совестью подлинных демократов, передовых сил ФРГ, тех, кто упорно борется за преодоление мрачного нацистского прошлого, за выкорчевывание неофашистской поросли.

Через несколько месяцев разбирательства мюнхенский суд вынес наконец приговор: десять лет тюремного заключения. Ясно, что наказание никак не соразмерно совершенным преступлениям. Но именно на таких весах меряет вину и наказание западногерманская Фемида. Что и говорить, у нее слаба память. Но достаточно крепка память народов. Жуткие картины массовых убийств, совершенных гитлеровцами, не сотрутся в ней.

Кристман сидит в тюрьме. Но коричневые оборотни устраивают сборища в тех же мюнхенских пивных, где некогда гремел «Хорст Вессель», и дух воинствующего национализма снова пронизывает речи ораторов на слетах реваншистских землячеств.

Дело Курта Кристмана завершено. Дело кристманов ждет еще своего суда.

ТЕНЬ СВАСТИКИ

Германский милитаризм и национализм будут искоренены...

Потсдамское соглашение.

Вскоре после трагедии на мюнхенском «Лугу Терезы», площади грандиозных народных гуляний, мне довелось побывать на месте преступления. Следы крови были уже смыты, а там, где накануне в толпе участников народного гуляния взорвалась принесенная неонацистским выродком бомба, кто-то положил букет цветов. Здесь, у входа на просторную ярмарочную площадь, погибло 13 человек. около 200 было ранено. Чудовищное, бессмысленное, подлое покушение на жизнь ни в чем не повинных людей! Вокруг места взрыва молча стояла толпа. А с другой стороны улицы, прямо напротив украшенных хвоей ворот, ведущих на «Луг Терезы», выстроилась шеренга плакатов неонацистской национал-демократической партии. Никто не сорвал их, не растоптал в справедливом гневе, хотя связь между мюнхенской диверсией и открытой легальной деятельностью партии «коричневых» раскрылась для многих западногерманских граждан в полной мере.

Мюнхенская катастрофа 1981 года показала реальные масштабы неофашистской угрозы в ФРГ. Что сделано было за минувшие годы для ее обуздания? Может быть, твердой рукой пресечена деятельность НДП и других многочисленных родственных ей организаций? Может быть, поставлены преграды на пути мутного потока книг, газет, листовок, пластинок, которые реабилитируют гитлеровский рейх, и детям в школах стали наконец преподавать истинную, а не исковерканную историю их страны? Увы, этого не произошло. Наоборот, власти констатируют возрастающую агрессивность «коричневой» нечисти.

Ядовитые плоды созрели. Начиналось с черных шлемов, рубашек цвета хаки, маршей с песнями вермахта. Затем дошло до избиения кастетами и велосипедными цепями демократов и малевания свастики на стенах, до осквернения могил жертв гитлеризма. Число неофашистских вылазок и террористических актов внушительно. В стране, по официальным данным, насчитывается 75 правоэкстремистских организаций, объединяющих около 20 тысяч человек. К этому следует добавить и широкий круг симпатизирующих им, число которых просто невозможно определить.

«Коричневые» интенсивно вооружаются. Участились нападения с целью добычи оружия и взрывчатки. Делается это согласованно с зарубежными единомышленниками,

с ними у западногерманских наследников фюрера широкие связи. Как-то полиция произвела по всей стране обыски в квартирах наиболее активных неонацистов. Были обнаружены оружие и горы фашистской литературы, большая часть которых поступила из США и Канады. Скрытые от глаз общественности каналы международных связей тянутся в США, на Ближний Восток, в Латинскую Америку. Они обеспечивают финансовые поступления, позволяют проводить военную подготовку в лагерях правых в Ливане, совместными усилиями добывать оружие. Сейчас уже никто не сомневается, что террорист, покушавшийся на жизнь папы Иоанна Павла II, не раз посещал Федеративную Республику. Он был своим человеком в фашистской турецкой организации «Серые волки», которая беспрепятственно действует в ФРГ, особенно вольготно в Баварии.

Характеризуя программные цели формирующегося неофашистского движения, газета «Франкфуртер альгемайне», хронически слепая на правый глаз, вынуждена писать: неонацизм преследует в перспективе цель установить в Федеративной Республике нечто вроде национал-социалистской государственной системы. Его заправилы, действующие легально или в подполье, открыто поклоняются личности и идеологии Гитлера. Рука об руку с этим шагает ярый антикоммунизм.

На сей раз газета, сама усердно раздувающая антикоммунизм, писала чистую правду. Социологические исследования, а также данные полиции подтверждают, что тяга к насилию, вплоть до физического уничтожения противника, становится существенной чертой мышления и акций правозэкстремистов. Идеал оборотней — диктаторский государственный режим. Они требуют «наведения порядка» в стране и возвращения к законам «третьего рейха». Иностранные рабочие изображаются как угроза «расовой чистоте германского народа». Расизм, таким образом, остается доминантой мировоззрения гитлеровских последышей.

Возникает вопрос: насколько реальна опасность конституционным устоям ФРГ? Могут ли в наше время, спустя более сорока лет после разгрома гитлеровской Германии, фашисты всерьез рассчитывать на успех? Большинство западногерманских собеседников решительно отрицает угрозу существующему порядку. Довольно часто весьма солидные люди брезгливо отмахивались от «коричневых» как от «мелких», «осколочных» группировок, лишенных какого-либо влияния на политическую жизнь ФРГ. Какая, мол, там «новая нацистская поросль»! Посмотрите хотя бы на итоги парламентских выборов. Правые радикалы терпят неизменно провал. Еще недавно национал-демократическая партия была представлена почти во всех ландтагах земель ФРГ. Где она теперь? НДП не осталась ни в одном из земельных парламентов.

Такого рода искреннее или показное пренебрежение вряд ли может убедить кого-либо. Кто так наивен, чтобы думать, будто силы вчерашнего дня решатся выступить в сегодняшней Европе в колоннах штурмовиков под штандартами со свастикой, а старая идеология будет вдалбливаться в головы миллионов людей в форме расистской «теории» Розенберга, социальной демагогии Лея или шовинистической трескотни Геббельса? Нет, даже самые твердолобые не рискуют игнорировать тот факт, что времена изменились.

Фашизм — в форме ли политического течения или террористического государственного режима — это ответ финансового капитала и особенно его наиболее реакционного и воинствующего крыла на те исторические перемены, которые произошли на земле после Великого Октября. Но разгром гитлеровской Германии, рождение мировой системы социализма, ускорение революционных процессов на земном шаре неуклонно подрывают потенции и ограничивают сферу деятельности фашизма. Падение антинародных режимов в Португалии, Греции и Испании — убедительные проявления этой необратимой тенденции.

Факт, что после 1945 года даже в разгар «холодной войны» ни в одной из ведущих империалистических держав и речи не было о захвате власти силами фашизма. Им удавалось одержать верх только на периферии мировой капиталистической системы, например в Чили. Несмотря на материальную и моральную поддержку крупного капитала, откровенно фашистские круги нигде не смогли стать действительно массовым движением. Таково знамение нашего времени. Идеология и практика фашизма идут вразрез с объективными закономерностями эпохи. Они несут на себе каинову печать проклятого народами гитлеризма. И никакие уловки не помогут сегодняшним его последователям убедить общественность в том, что они представляют собой нечто иное, чем «традиционный фашизм» — исторически дискредитированный гитлеризм с его газовыми камерами и разбойничьей войной.

Но слишком рано списывать со счетов праворадикальную угрозу, в том числе фашистскую. В последние годы она становится все более реальной и внушает тревогу. Во-первых, трагедия Чили еще раз подтверждает, что в обстановке глубокого экономического, социального, политического и духовного кризиса, поразившего мир капитала, монополистическая буржуазия все чаще подумывает о реакционно-фашистском варианте выхода из возникшего тупика, чтобы не допустить революционно-демократические перемены. А, во-вторых, как показывает опыт, фашизм штурмует бастионы буржуазной демократии не в лоб и не голыми руками. Он поднимается на них по ступенькам лестницы, которую услужливо подставляют ему респекта-

бельные, «демократические» буржуазные правительства, те, что выхолащивают и упраздняют демократические свободы, преследуют инакомыслящих, обрушивая репрессии на трудящиеся массы. Другими словами, всякий сдвиг вправо расчищает путь к власти реакционным режимам, которые, не являясь фашистскими в традиционном, классическом смысле этого слова, оказываются таковыми по своему классовому генезису и политическим целям. Вот такая угроза реальна в условиях Федеративной Республики Германии.

Ее осознают многие трезвомыслящие люди в самой Западной Германии. Правый экстремизм, жалуется, например, «Зюддойче цайтунг», постоянно недооценивался в этой стране. Но сегодня наигранная беспечность не может отвлечь внимания от подлинных масштабов опасности.

Громилы, начитавшиеся «Майн кампф» Гитлера (кстати, в свое время федеральная судебная палата постановила, что распространение этой библии фашизма ненаказуемо), составляют лишь видимую верхушку айсберга. Остальная, большая часть его скрыта. Речь идет об общей психологической атмосфере, создаваемой в Федеративной Республике, той атмосфере, в которой коричневый сорняк разрастается, как в оранжерее.

Антикоммунизм, примитивный и махровый, лишенный какой бы то ни было рациональной субстанции и целиком апеллирующий к темным подсознательным инстинктам обывателя, — вот краеугольный камень идеологических построений правящих классов ФРГ.

Насаждение антикоммунистических предрассудков идет параллельно с возвеличиванием национальных «добродетелей». Искусно культивируется психология «осажденной крепости» — исключительного народа, окруженного соседями, которые либо не могут простить ему прошлого, либо завидуют его сегодняшнему процветанию. Ложное чувство национальной исключительности подогревается широкой разработкой темы «безобразного немца». Потакают националистическому самодовольству некоторых слоев населения, внушая ему, что «западные немцы чересчур хороши, чтобы нравиться соседям», что кое-кто на Западе недоволен Федеративной Республикой, ибо и экономически, и политически она становится руководящей силой в Западной Европе, что ей вообще «завидуют». Словом, для всех остальных мы «безобразные немцы».

Материальные перемены в ФРГ происходят буквально на глазах. Все гуще становится покрывающая страну сеть современных автострад. Все выше поднимается частокол небоскребов в деловых центрах городов. Все более шикарные модели автомобилей появляются на улицах. Все вычурнее становятся фасоны обуви, одежды, причесок и быстротечнее мода. Но факт остается фактом: прогресс

материальной цивилизации, увы, не сопровождался столь же разительными переменами в политическом сознании большинства населения. Слишком велика еще власть узких представлений, предрассудков, омертвевших догм. Кто-то пустил в ход крылатую фразу: «Сердце западного немца бьется справа».

Конечно, обывателями не рождаются. Обывателей лепят. А в послевоенной Западной Германии это делалось планомерно и с большим искусством. Вся система воздействия на ум и душу человека культивировала общественную индифферентность. Ввели в моду показное безразличие к политике. Поощряли умственную леность, уводили людей от общественных и политических проблем в мир частного, интимного. Идеология «потребительского общества» пропитала всю духовную жизнь страны. Будуарные тайны кинозвезд, сентиментальные жития коронованных особ, смакование эротических сцен, истории, воспевающие материальный успех, богатство, доступные в «свободном мире», дескать, любому удачливому или расторопному человеку, — все это должно было отвлечь от острых проблем жизни.

Нельзя забывать, что речь идет о человеческом материале, который уже не первое десятилетие подвергается националистской обработке в самых различных формах. Суммируя все то, что за это время удалось внушить консервативно настроенному обывателю, Фриц Рихерт в книге «Национальная волна» дал его своеобразный психологический портрет. Этого обывателя отличает враждебность всякому прогрессу. Его принцип гласит: «Все должно остаться таким, каким оно есть, а еще лучше, если все станет таким, каким однажды было. Его отличает враждебность ко всему инородному (сегодня — к иностранным рабочим), неприятие подлинной культуры».

Что остается, пишет Фриц Рихерт, так это миф: вера в превосходство германских государственных и гражданских добродетелей; в непобедимость германского оружия; подмена свободы анархией, дисциплины — верноподданничеством.

Правые, продолжает автор, традиционно презируют парламентские институты, поклоняются твердому авторитарному государственному правлению, считают демократию продажной, ставят превыше всего абсолютизированные «государственные интересы». Они религиозны, «верны отечеству». Это, конечно, не имеет ничего общего с подлинным патриотизмом, но предполагает беспощадную расправу с теми, кто «гадит в собственном гнезде» и поэтому не может быть причислен к «добрым немцам». Германский консерватор ценит мужественность и чистоту, под которой подразумевается и чистота домостроевской морали, согласно которой — место женщины дома. «Каталог

признаков» настоящего немца включает чувство национальной общности и антикоммунизм, подводит черту автор книги «Национальная волна».

Несколько другими словами, но те же качества немецкого консерватора живописует Ральф Дарендорф в своей книге «Общество и демократия в Германии». Автор приводит данные опросов о «добродетелях» немцев. Возникает любопытный «автопортрет». Огромное большинство считает себя и своих сограждан «прилежными, трудолюбивыми, усердными, целеустремленными». И хотя, как подчеркивает автор, с годами граждане ФРГ становятся в массе своей более самокритичными и все меньше людей называют своих земляков «добрыми», «верными», «храбрыми» и «хорошо пригодными к воинской службе», при сравнении своих достоинств с достоинствами соседей ФРГ федеральные граждане в значительной своей части находятся в плену старого мифа, гласящего, что немцы — «прилежнее и способнее» других народов.

Какова политическая сердцевина этой обывательской психологии? Р. Дарендорф считает, что кое-кто видит в облике, полном добродетелей, и один немаловажный минус — черты «авторитарной личности». Ссылаясь на исследования ряда социологов, Р. Дарендорф пишет о таких чертах, как «стремление и подчиняться, и повелевать, склонность видеть все на свете только в черно-белых тонах, грубое разделение всех на друзей и врагов, застенчивость мышления, антисемитизм. Такая «авторитарная личность» не выносит многообразия, цепляется за неизменные ценности, чурается подлинной свободы. Она догматична и не способна приспособиться и измениться. Будучи активной, такая личность не расстается с чувством своего бессилия, чтобы заклинать «судьбу» и «провидение».

Итак, застенчивость мышления, искусственно раздуваемый страх перед «советской угрозой», подхлестывание гонки вооружений и как логическое следствие всего этого стремление обелить прошлое — вот что сдвигает почву, на которой расцветают твердолобый национализм, реваншистские амбиции, неонацизм. Один обозреватель заметил: антикоммунизм в ФРГ опирается на старую и грязную традицию. Он позволял сделать из смерти Гитлера акт жертвоприношения и давал основание проклинать не саму войну, а лишь ее исход. Да, антикоммунизм — связующая нить между гитлеризмом и сегодняшней реакцией. Наследие фюрера используют в политической борьбе 80-х годов. Ведь не случайно огромными тиражами распространяются антисоветские высказывания Гитлера («Застольные беседы фюрера»), пропитанные расистским антирусским духом, не случайно повторяют его измышления о панславистских устремлениях Советского государства и «коварных замыслах коммунизма».

Духовным родством с гитлеризмом объясняется упорное стремление реабилитировать «третий рейх». Прошлые протаскивают контрабандой в сегодняшний день через многие лазейки: то выйдет ностальгический фильм «Лили Марлен» об истории певицы и популярной в свое время песни, которая считалась гимном вермахта, то появится фильм, воспевающий храбрых германских подводников, то ведомство по охране конституции ФРГ (секретная полиция) в своем очередном ежегодном отчете исключает из числа правоэкстремистских объединений «сообщество взаимопомощи бывших солдат ваффен-СС» (ХИАГ).

Что стряслось со зрением и памятью высших чинов этого ведомства? Каждый год они, хотя и скороговоркой, упоминали среди крайне правых организаций также ХИАГ. В 1981 году отмечалось, например, что объединение бывших эсэсовцев выпустило настенный календарь с обозначением нацистских «памятных дат»: «Путч Гитлера и Людендорфа в Мюнхене», «Родился Рудольф Гесс, узник мира» и т. д. Через год ведомство по охране конституции отметило, что издаваемый ХИАГ печатный орган «Фрайвиллиге» («Доброволец») восхваляет подвиги СС на фронтах второй мировой войны, «ни в чем не отмежевываясь от тех, кто нес политическую ответственность за войну», другими словами, от Гитлера и его камарильи.

И вот внезапная слепота и полный провал памяти. В отчете за 1983 год ХИАГ вообще не упоминается. Черного кобеля отмыли добела. Об этом парламентский статс-секретарь при министерстве внутренних дел К. -Д. Шпрангер (ХСС) поспешил лично оповестить головную организацию — «федеральный союз солдат и войск СС»: «После обстоятельной проверки дела я могу сообщить, что федеральное правление ХИАГ отныне не будет упоминаться в отчетах ведомства по охране конституции как правоэкстремистская группа».

А ведь речь идет об организации, которая была объявлена Нюрнбергским трибуналом преступной и запрещена союзными державами.

СС — «охранные отряды» Гитлер назвал «отборными преданными фанатиками», «политической гвардией национал-социалистического государства». Их первоначальная задача — охрана фюрера и других нацистских главарей расширилась до функции «обеспечения порядка внутри всего рейха». Они стали опорой террористического режима. Под контроль СС перешли массовые организации — «Гитлерюгенд», «Рабочий фронт», юстиция. СС располагали гигантским карательным аппаратом — сетью в тысячу концлагерей и тюрем, куда за годы гитлеровского господства было брошено около восьми миллионов человек. В живых остался один из десяти.

Особые функции выполняли «ваффен-СС». То были

не гвардейские воинские подразделения, как пытаются представить душегубов в черных мундирах сегодняшние адвокаты СС. Именно входящие в «ваффен-СС» карательные отряды сжигали деревни, расстреливали мирное население и военнопленных, обслуживали «фабрики смерти». На совести «ваффен-СС» — Лидице, Бабий Яр, Орадур, Марцаботто. В «ваффен-СС» шли добровольно, по убеждению.

По некоторым данным, в Западной Германии проживает 250 тысяч бывших эсэсовцев, из них около сорока тысяч составляют «твердое ядро» ХИАГ. Ежегодно проводятся слеты военнослужащих бывших дивизий СС «Мертвая голова», «Дер фюрер», «Лейбштандарте Адольф Гитлер», «Гитлерюгенд», «Дас рейх», «Хорст Вессель». Власти не только не запрещают такого рода сборища, но и заботятся об их беспрепятственном проведении. Полиция ограждает бывших головорезов от гнева антифашистов. ХИАГ, как было сказано, издает газету «Доброволец», оголтелый милитаристский листок. В числе рубрик газеты — «Песни, которые мы когда-то пели». Вот одна из них: «Еще вздрогнет шар земной и затрепещет род людской, когда поднимутся германцы...»

Как видим, решение официальных властей считать ХИАГ вполне «салонной» организацией логически вытекает из всей предшествующей политики попустительства этому милитаристскому объединению. Решение властей, как заметила газета «Франкфуртер рундшау», — «издевательство над жертвами нацизма, погибшими от рук «ваффен-СС». Оно оскорбляет оставшихся в живых, сбивает с толку молодежь и ободряет новых нацистов, которые вновь ищут фюрера».

Целая толпа писателей, историков, социологов стряпает книги вроде «Ложь об Освенциме», «Военная вина союзников» или «Майданек на вечные времена?», в которых пытаются даже оспаривать факт массового истребления людей в гитлеровских лагерях смерти. По телевидению демонстрируется многосерийный фильм, призванный доказать «преступления» союзных держав в отношении Германии. Для политического просвещения молодежи выпускаются долгоиграющие пластинки под названием «Один народ, один рейх, один фюрер» с записями маршей эсэсовских дивизий, речей Гитлера или звукоматериалов под названием «Народ под ружьем — блицкриг в Польше». Крайне либеральное федеральное контрольное ведомство, призванное оберегать молодежь от тлетворного идейного влияния, выразило как-то неодобрение фирмам, выпускающим такую продукцию. Наивно думать, что пластинки изъяли из продажи. Нет, их можно продавать и впредь, не разрешается лишь... рекламировать их.

Буквально водопад литературы, занимающейся «тихой

ренацификацией», обрушивается на гражданина ФРГ. По словам еженедельника «Шпигель», едва ли кто-нибудь в соответствующих боннских министерствах интересуется «этим все более длинным списком густо-коричневых изданий». Дочь имперского фюрера молодежи Шираха выпускает книгу, в которой восхваляет Гитлера как «хлебосольного хозяина и очаровательного собеседника». Дневники Геббельса — 500 страниц убористого текста, изданные массовым тиражом, раскрывают молодому поколению ФРГ «духовное кредо фюрера». Вдова министра иностранных дел Риббентропа в своих воспоминаниях пытается набросить на бесноватого фюрера белое одеяние миротворца, утверждая, что «он хотел мира»...

В течение почти всего послевоенного периода лейтмотивом идеологической обработки населения ФРГ звучала мысль: период с 1933 по 1945 год — не позорное пятно на совести нации, не провал в германской истории, а естественная и неотделимая ее часть, от которой ни один настоящий немец не позволит себе отмежеваться. Крайности нацистского режима, к сожалению, имели место. Но можно ли из-за них перечеркивать целую главу нашей истории?.. Совершался подлог: Гитлер приравнялся к Германии, нацистский режим — к немецкому народу. Подлог во имя того, чтобы реабилитировать прошлое.

Обывателю прививали «комплекс Зигфрида», под которым имеется в виду противоборство «могучего германского исполина» с обложившими его со всех сторон «коварными и хитрыми врагами». Словом, умышленно культивировались настроения «осажденного народа», спасения которого в национальной спайке, вернее, в националистическом самоослеплении.

Насколько цинично прибегают к этому подлогу, показывает такой пример: иллюстрированный журнал «Квик» посвятил как-то несколько полос теме: «Прошлое. Неужели мы, немцы, должны каяться вечно?» Сама верстка полос, подбор фотографий и тональность подписей к ним, серия тенденциозно отобранных интервью подсказывают недвусмысленный ответ. Дескать, пора прекратить искать вину за происшедшее только и исключительно у нас и отягощать свою совесть мыслью о единоличной ответственности. Что касается зарубежных стран, то им, мол, следовало бы прекратить «антинемецкую кампанию». Западную Германию, жалуется журнал, все еще не хотят рассматривать как нормальную страну. «Она по-прежнему несет бремя своего прошлого».

Идет реабилитация идей, имен, символов и атрибутов «третьего рейха». Они становятся привычными, безобидными, приемлемыми. Уже никто не удивляется, увидев в газете объявления: «Продаются два тома «Майн кампф» Гитлера» или прочитав сообщения о распродаже на аукцио-

не в Мюнхене «картин» Гитлера. Люди равнодушно проходят мимо витрин магазинов, в которых выставлены дневники Геббельса или пластинки с записями маршей вермахта, воспринимают как должное очередное выступление какого-нибудь бывшего гитлеровского вояки перед молодыми солдатами.

В казармах бундесвера существуют «уголки традиций», в которых в качестве реликвий выставлены знамена и фотодокументы гитлеровских частей. Немало эскадрилий, кораблей и казарм названы именами «героев» вермахта — полковника Мельдерса, адмирала Лютьенса, фельдмаршала Лееба.

Да только ли генералы страдают ностальгией по былому! Депутаты бундестага в справочнике парламента не забывают напомнить о своих наградах (железный крест), званиях (обер-лейтенант вермахта) и занятиях в годы войны (пилот пикирующего бомбардировщика). Участие в разбойничьей войне, как видим, не считается зазорным даже среди «слуг народа».

Наша страна решительно протестовала против выпуска в серии «Личности германской истории» золотой и серебряной медали «заместителя фюрера» Рудольфа Гесса. Рекламируют медали с изображением «преемника фюрера» гросс-адмирала Карла Деница и фельдмаршала Эрвина Роммеля. Появилась серия золотых и серебряных медалей «асы германской авиации». Эсэсовским надзирателям концлагеря Майданек выносят скандально мягкий приговор, а из похорон деятелей «третьего рейха», будь то архитектор фюрера и министр вооружений Альберт Шпеер или кинозвезда Зара Леандер, средства массовой информации делают шумную пропагандистскую акцию, цель которой реабилитировать приближенных Гитлера, а заодно и политику, которой они усердно служили при жизни.

Процесс духовной реставрации прошлого ширится. Он вместе с тем приобретает новое качество. Обеляют не только самый мрачный кусок немецкой истории — период «третьего рейха», не только его второстепенных и даже первостепенных адептов, но и самого Гитлера. «Гитлер-велле» — «гитлеровская волна» катится по ФРГ, захлестывая экран. полки книжных магазинов, газетные киоски.

«Гитлериада» имеет свою историю. В начале 1964 года журнал «Шпигель» в качестве «первого объективного портрета» фюрера опубликовал в нескольких номерах статью профессора Перси Эрнста Шрамма «Анатомия диктатора». Читатель узнал, что у Гитлера были «сияющие глаза» и «ухаженные зубы», что он носил галстуки приглушенных тонов и двубортные костюмы, что он любил детей, животных и орхидеи, что в своем кругу он был благожелательным, волевым, щедрым и человечным. Мало того, миллионам граждан ФРГ открыли наконец глаза: «Высшая

заповедь морали Гитлера заключалась в следующем — сохранить общие жизненные силы германского народа». С какой скрупулезностью анализировались банальные изречения недоучки Гитлера по вопросам архитектуры, истории, искусства!

Прошло почти десять лет, и «Шпигель» вновь вернулся к теме фюрера — в нескольких номерах журнал опубликовал работу западногерманского историка Вернера Мазера «Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Действительность». «Труд» Мазера, в сущности своей, является перепевом сочинений фашиствующего профессора Шрамма. Все та же попытка «очеловечить» изувера и тем самым отвлечь внимание от той исторической вины, которую несут Гитлер и, что особенно важно, породившие его экономические и политические силы за преступления перед человечеством. Мазер умиляется частной жизнью Гитлера, апеллируя к обывательскому интересу, всячески расписывает «достоинства» фюрера, который имел «интеллигентный живой ум», разбирался в архитектуре, искусстве, военной истории, музыке, истории религии, биологии и медицине.

Нездоровый интерес к фюреру приобрел такие масштабы, что дельцы и мошенники спешат погреть на нем руки. Пример тому — «операция «Дневники Гитлера». Этой операцией верхушка крупнейшего западногерманского концерна средств массовой информации «Бертельсман» занималась лично. Конечно, еженедельник «Штерн», контролируемый через издательство «Грунер унд Яр» этим монополистическим спрутом, располагает достаточным штатом собственных квалифицированных редакторов. Но хозяева концерна решили действовать помимо него, ибо, по их убеждению, гамбургский еженедельник безнадежно погряз в грехе «мягкотелого либерализма» и не заслуживает доверия.

Судите сами: «Штерн» время от времени то опубликует репортаж о произволе полиции или фотографии распоясавшихся неонацистских молодчиков, то напечатает карту с обозначением американских ядерных ракет на территории ФРГ или разоблачающий материал о тайных складах химического оружия Пентагона, притаившихся в глухих уголках Западной Германии. По мнению хозяев еженедельника, «свобода печати» на страницах «Штерна» зашла слишком далеко. Пора было ставить точку.

Рубежом крутого сдвига вправо всего направления еженедельника должна была стать пропагандистская операция «Дневники Гитлера». На верхних этажах концерна «Бертельсман» шептались о «сенсации века». Еще бы, почти за десять миллионов марок доверенные лица концерна приобрели стопку сброшюрованных тетрадей, исписанных почерком Адольфа. Улов обещал быть богатым: с одной стороны, сенсация сулила миллионы дополнительного дохо-

да, а с другой — и это, пожалуй, для толстосумов было гораздо важнее — крупнейший иллюстрированный журнал ФРГ «Штерн» включался в «гитлериаду» — в постыдную кампанию реабилитации бесноватого фюрера и его рейха, становился на сто процентов рупором сил реакции и реваншизма.

Пройдет несколько дней, и группа редакторов «Штерна» примет резолюцию, в которой напишет: «Мы стыдимся этой публикации. Она представляет собой насмешку над жертвами фашизма и провокацию против всех демократов». К чувству стыда, испытываемому сегодня честными западногерманскими гражданами, примешивается и чувство законного возмущения. Ведь инициаторы психологической диверсии не только преследовали нечистые цели, но и, как выяснилось, пользовались грязными методами.

«Дневники Гитлера» оказались грубой фальшивкой. Федеральный архив ФРГ это без труда определил. Поклонники Гитлера сели в лужу. Но было бы наивным полагать, что прожженные дельцы, задумавшие операцию «Дневники Гитлера», попали впросак по наивности. Нет, они умышленно, целенаправленно искали материал, который бы обелял Гитлера и придал ему «человеческие черты», изображал бы его «миротворцем» и деятелем, который, оказывается, «не знал», что творится у него за спиной в концлагерях и застенках гестапо.

Заодно они хотели выгородить подручных фюрера, прежде всего Рудольфа Гесса, отбывающего в тюрьме Шпандау пожизненное заключение за преступления против человечества. Оказывается, только забота о мире побудила Гесса в мае 1941 года сесть в самолет «мессершмитт», чтобы затем выбраться с парашютом в Шотландии. Даже удостоверившись в том, что речь идет о подделке, хозяева журнала не сняли из номера лживую выдумку о «миротворческой миссии» Гесса, освобождения которого в ФРГ все более нагло требуют правые силы.

Не случайно поиск сенсационного материала шел в кругах, от которых, как заметил руководитель федерального архива профессор Бомс, за версту несет зловонием «нацистского хлева». Главной ищейкой был некий Хайдеман, человек, тесно связанный с неонацистскими кругами. Он — близкий друг дочери «рейхсмаршала» Геринга Эдды, открыто восхищавшейся «достоинствами» своего папаша. Хайдеман являлся с бывшим генералом СС Вольфом и другими нацистскими военными преступниками. Особенно близок был он к «палачу Лиона» Клаусу Барбье. Вот этот-то оборотень и дал «Штерну» гарантии в «подлинности» дневников Гитлера, внушил хозяевам журнала, что настало время заново переписать историю «третьего рейха».

Выяснилось, что непосредственным изготовителем гитлеровских дневников является другая темная личность —

некий Куяу, человек с уголовным прошлым, известный полиции как вор и фальсификатор. Куяу держит в Штутгарте магазин нацистских «сувениров» — торгует «железными крестами», мундирами и оружием вермахта.

Итак, пропагандистская акция «Дневники Гитлера» с позором провалилась. Она лишний раз приоткрыла занавес над нравами «свободной прессы» Запада, над политической моралью буржуазного общества. Дополнительной иллюстрацией к этой морали служат дальнейшие события, происшедшие в редакции журнала «Штерн».

Коллектив еженедельника выразил возмущение тем, что вопреки его воле журнал втягивается в смрадное болото пронацистской пропаганды. Журналистов поддержала передовая общественность ФРГ, ряд профсоюзов, союз писателей, молодежные организации. Судьбой и престижем журнала озабочены также определенные буржуазно-либеральные круги: ведь для них «Штерн» — рекламный щит «свободы печати».

Но хозяева концерна решили скрутить смутьянов в бараний рог. Они перетасовали верхушку журнала, назначили в главную редакцию и в правление издательства нового человека, известного своими правыми взглядами. Он был призван позаботиться о том, чтобы от вольнодумства в стенах «Штерна» и следа не осталось...

Итак, «гитлеровская волна» не спадает. Журнал «Шпигель» сетует, что представление западногерманской молодежи о «третьем рейхе» формируется главным образом под влиянием дедов и отцов. А поскольку это так, то Гитлер и гитлеризм останутся для молодежи непонятными. Старшее поколение само не разобралось в исторических явлениях, оно отмахивается от прошлого и приукрашает собственную роль, живет идеалами «строгости и порядка». Добавим, что эта обывательская психология резюмируется примерно в следующих сентенциях: при Гитлере не было наркомании, преступности, с улиц исчезли безработные и страна покрылась сетью автострад. Гитлер был «рачительным хозяином».

Один из ведущих буржуазных историков назвал Гитлера «продуктом случая». Вот камертон ко всей шумихе вокруг личности бесноватого фюрера. Происходит сознательная персонификация исторического процесса. Вместо всестороннего анализа гитлеризма — его истоков и социальной опоры, идеологии и политических целей внимание концентрируется на личности Гитлера. Его отрывают от реального исторического процесса, от классовых сил, породивших фашизм, демонизируют, окутывают туманом мистицизма.

В сущности, этим нехитрым методом пользуется Иохим Фест, автор пространной книги и фильма «Гитлер, история карьеры». Рассказывая биографию Гитлера,

он пишет об уникальном в истории человечества «явлении одиночки» и изображает Гитлера как «несчастный случай» германской истории. 2,5-часовая лента, составленная из пропагандистских материалов нацистской кинохроники, не только ничего не проясняет, а еще больше запутывает, ибо, как заметил один рецензент, все остается в тумане: немецкое общество того времени, кто поддерживал Гитлера, каковы его цели, что это была за личность.

Одной из важнейших пружин нарастающего сдвига страны вправо является союз с США, солидарность с оголтелой антикоммунистической политикой Вашингтона. Американские круги ловко подогревают реваншистские эмоции в ФРГ, рассчитывая использовать их в своих целях. Взять, к примеру, нашумевший визит Р. Рейгана в Западную Германию в мае 1985 года.

Программа пребывания президента в ФРГ была строго продумана и полностью подчинена, во-первых, крайне правым взглядам на мир, воцарившимся в Белом доме, и, во-вторых, реальным военно-политическим расчетам США, которые видят в ФРГ главного союзника по планам «крестового похода» против мира социализма. Вот почему Рейган с самого начала отказался посетить бывший нацистский концлагерь Дахау, где погибли сотни тысяч антифашистов и демократов, и с маниакальным упорством держался за идею возложить венок на могилы солдат гитлеровского вермахта, в том числе военнослужащих СС, в Битбурге.

В этом городе похоронены солдаты из числа тех, кто в декабре 1944 года нанес в Арденнах неожиданный контрудар по союзным войскам и отбросил их назад. 77 тысяч американских солдат погибли в результате этого немецкого наступления, а больше ста пленных американцев были расстреляны с завязанными руками в Мальмеди эсэсовцами из первой танковой дивизии, служащие которой и похоронены в Битбурге.

Итак, цветы на могилы убийц американцев лично от президента США! Конечно, это кощунство, издевательство над памятью погибших, отталкивающий цинизм! Именно так восприняла эту церемонию общественность как США, так и европейских стран.

Решение Рейгана, принятое по совету канцлера ФРГ Г. Коля, вызвало повсюду взрыв негодования. Больше половины членов американского сената призвали президента отказаться от кощунственной церемонии. Многочисленные общественные организации, в том числе союзы ветеранов войны, выступили с резким протестом. Тогда окружение Рейгана прибегло к неуклюжему маневру: в программу визита было включено посещение бывшего концлагеря Берген-Бельзен. Но сколько в этом решении лицемерия!

Даже буржуазные газеты возмущались «ложной аналогией» между кладбищем гитлеровских солдат и лагерем, где эсэсовцы истребили свыше 100 тысяч узников.

Оправдывая недостойный фарс, в Вашингтоне разводили руками: дескать, отказ от посещения кладбища в Битбурге «обидел» бы самого верного союзника — ФРГ. Вскоре, как и следовало ожидать, Бонн сделал ответный жест: канцлер Г. Коль заявил о полной поддержке исследовательского этапа рейгановской «стратегической оборонной инициативы». Сделанное Колем заявление о том, что Западная Германия начнет переговоры с США о ее подключении к соответствующим исследованиям, создало ситуацию, когда ФРГ оказалась впереди других европейских союзников.

Провозгласив СССР «империей зла» и объявив против него «крестовый поход», Рональд Рейган нашел союзников и единомышленников в лице правых реакционных сил ФРГ. К их ностальгическим чувствам и апеллировал американский президент, подыгрывая их тоске по временам «третьего рейха» и «русского похода».

Столь большое психологическое воздействие внутри страны и из-за рубежа не могло остаться без последствий, причем не только для желторотых юнцов, пополняющих ряды разного рода организаций вроде «Викингов» или «Сыновей Вотана». Бывший министр юстиции ФРГ Ю. Шмуде выразил озабоченность тем, что у многих добропорядочных федеральных граждан отсутствует иммунитет против правозэкстремистского образа мышления. Готовность воспринять и поддержать это мышление в ФРГ гораздо больше, чем об этом можно судить по отдельным акциям, заявил он. Институт социальных наук «Синус» провел обширные исследования, выводы из которых не на шутку встревожили не только бывшего министра. 13 процентов взрослого населения ФРГ, т. е. свыше пяти миллионов граждан, придерживаются «правозэкстремистских взглядов», установили ученые. Половина из них открыто высказывается за применение «политически мотивированного насилия». Еще у 37 процентов населения старше 18 лет ученые обнаружили взгляды, «которые в части своей совпадают с правозэкстремистским мышлением». Мировоззрение этих категорий граждан складывается, как выяснилось, из элементов, унаследованных от гитлеровских времен. Это расизм, и отсюда ненависть к иностранным рабочим в ФРГ, это тоска по новому фюреру, слепой антикоммунизм и готовность заточить в концлагеря всех левых вообще — интеллектуалов, инакомыслящих, бунтующую молодежь.

...Это было в тихом зеленом Виле под Гуммерсбахом. Неонацистская НДП избрала общину местом своего очередного собрания, рассчитывая укрыться от гнева антифашистов в сельской глубинке. Не вышло! Сотни людей

собрались на площади Вилля с транспарантами, клеймящими коричневую нечисть. И тут на наших глазах разыгрались события, о которых можно прочесть только в учебниках по истории Германии. В свое время банды СА, терроризируя страну, расчищали Гитлеру дорогу к власти. На улицах идиллического Вилля, казалось, ожили призраки прошлого. Только вместо громил со свастикой на рукаве на демонстрантов обрушились бритые молодчики в джинсовых штанах и куртках с велосипедными цепями и обрезками труб в руках. С холодной жестокостью они избивали антифашистов, с яростью рвали и топтали их флаги и транспаранты. Мускулистые руки бросили на землю пожилого человека. Его отвезли в больницу. Жертвой новоявленных штурмовиков оказался 76-летний Генрих Шмиц, бывший узник нацистских концлагерей...

Невольно возникал вопрос: откуда в этих безусых юнцах столько ненависти к демократам, антифашистам? Кто научил их горланить «Хорст Вессель» и другие песни штурмовиков, носить свастику и рунические знаки СС, скандировать «Смерть Рот-Фронту» и «Зиг хайль!»? Вспоминается легенда о Гамельнском крысолове, звуки волшебной флейты которого увлекли за собой на гибель всех детей несчастного города. Роковая мелодия реваншистских амбиций и националистических лозунгов, звучащая в определенных кругах ФРГ, не может не смутить умы и душу молодого поколения, тем более что многие ее переливы предназначены специально для ушей юношества. Психологическая атмосфера, в которой вырастают бритоголовые громилы — «охранники» неонацистской НДП, создается целой системой институтов и организаций, и немалую долю ответственности за нее должна взять на себя западногерманская школа.

Министру по внутригерманским отношениям Г. Винделену, в прошлом видному деятелю объединений переселенцев, принадлежат такие слова: «Я считаю особенно важным разъяснять нашей молодежи, что представляет собой Германия. Только если мы завоюем грядущее поколение, мы сможем выполнить задачу осуществления единства и свободы Германии».

В переводе на конкретный язык школьных программ и учебников эта высокопарная тирада означает постепенное отравление детского сознания идеями неприятия политических и территориальных реальностей Европы, враждебного отношения к миру социализма.

23 ноября 1978 года конференция министров образования земель ФРГ приняла рекомендации «Германский вопрос в процессе преподавания» и 13 февраля 1981 года — «Принципы изображения Германии в школьных учебниках и картографических изданиях». В вопиющем противоречии с подписанными договорами, закреп-

ляющими нерушимость существующих в Европе границ, министры распорядились внушать учащимся, что «германский рейх продолжает существовать в границах 1937 года». На всех картах, предназначенных для школьного преподавания, должны были быть обозначены границы империи. Западный Берлин рассматривался как составная часть ФРГ, польские и советские города должны были носить бывшие немецкие названия.

В претворении в жизнь этих рекомендаций немалую роль играют реваншистские землячества. Идет интенсивная обработка преподавательского состава. Для него проводятся семинары и сборы, его снабжают печатной продукцией землячеств, в частности журналом «Дойче осткунде», который содержит примерные учебные планы по таким, например, темам, как «раздел Германии в 1945 году» (!) О характере заданий можно судить хотя бы по такому: «Назовите части германского рейха, из которых немцы были изгнаны», то есть переселены на основе решений Потсдамской конференции. Среди школьников проводятся конкурсы и олимпиады по вопросникам, составленным «Союзом изгнанных» — головной организацией реваншистских объединений. Цель — выяснить, насколько дети хорошо знают географию и историю бывших «германских восточных областей». Победители состязаний награждаются поездками в пограничные районы.

О снабжении школ соответствующими материалами печется непосредственно министерство по внутригерманским отношениям. Выпущенный под его эгидой настенный календарь на 1984 год — наглядное пособие для уроков вражды к социалистическим странам, пример пропаганды «холодной войны». Календарь называется «Города и ландшафт на общегерманской границе». Позвольте, какой? Международное право нашего времени не знает такой границы. Существует и признана договорами, а также Хельсинкским актом граница между двумя суверенными немецкими государствами, но составители календаря явно страдают куриной слепотой. Они не видят ее, выдавая тем самым свои сокровенные реваншистские замыслы. Текст календаря дышит неприязнью и открытой враждой к Советскому Союзу, ГДР, социализму. Возникновение ГДР они приписывают «гегемонистским интересам» Советского Союза, а его внешнюю политику чернят как политику «приманок и угроз».

Комментируя такого рода пособия, антифашистская общественность справедливо подчеркивает: кто постоянно напоминает школьнику, какой «большой» была когда-то Германия, тот культивирует реваншистское мышление и толкает молодежь в ряды праворадикальных групп. В справедливости этих слов можно убедиться и прочитав учебники, по которым учатся школьники разных возрастов.

Тема фашизма в них звучит скороговоркой, о движении Сопротивления говорится так, будто все оно ограничивалось заговором военных 20 июля 1944 года. Ни слова о героической подпольной борьбе коммунистов, о бесчисленных жертвах, принесенных немецкими антифашистами. Школьник не получит ясного ответа на вопрос: какие силы привели к власти фашизм. Ему говорят о «радикальных силах слева и справа, разрушивших Веймарскую республику». И, таким образом, чернят немецких коммунистов, левых, социал-демократов, профсоюзы, ибо ставят их на одну доску с нацистами и возлагают на них равную долю вины за 1933 год. Вскользь упоминается, что «промышленники поддерживали Гитлера», но тут же подчеркивается, что делали они это, «ибо боялись коммунистов».

В кривом зеркале отражены и события послевоенной истории. Денацификация называется «спорной мерой», правомочность Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками подвергается сомнению, путем тенденциозного подбора цитат и документов ставятся под вопрос сложившиеся в Европе границы. Вину за раскол Германии взваливают на Советский Союз и грубо искажают смысл глубоких преобразований в ГДР.

Поистине черной краской написаны главы, посвященные прошлому Советского Союза. История Октябрьской революции грубо искажена. В связи с ней пишут только о «терроре и фанатизме». В клеветническом ключе показаны годы социалистического строительства. Советскую систему характеризуют устами всякого рода отщепенцев и изменников родины. Подборка цитат должна убедить молодежь в «советской военной угрозе». СССР приписывают замыслы насильственного осуществления мировой революции. Повторяют бред о территориальной экспансии Советского Союза, смысл которой — «продолжение исторического русского экспансионизма», «распространение коммунистической системы с помощью военной силы». Тут же школьнику дается задание: «Как можно обосновать это стремление? Сравните со стремлениями Гитлера в его экспансии на Восток...»

Надо ли искать где-то еще корень широко распространенных антикоммунистических предрассудков, которые встречаются среди молодежи ФРГ? Но ведь антикоммунизм — одна сторона медали, вторую сторону которой составляет фашизм. Нет, не случайно немалое число школьников становится жертвами неонацистской пропаганды. Опрос, проведенный во Франкфурте-на-Майне, выявил, что каждый четвертый учащийся разделяет праворадикальные взгляды. 10 процентов высказались за «восстановление чести Гитлера и его верных солдат». 15 процентов заявили, что такой человек, как Гитлер, лучше бы справился с проблемами нашего времени, чем сегодняшние политики. Зна-

чительное число опрашиваемых неизменно высказывается за власть сильной личности.

Как видим, не остается без последствий тот факт, что детям вдалбливают в головы небылицы о «советской угрозе» и «нарушении прав человека» в странах социализма. Антисоциализм становится питательной средой для неонацистов. Авторы опроса отмечают: «Когда правые радикалы обещают бороться против коммунистических тенденций и предлагают жесткие меры для обеспечения безопасности, спокойствия и порядка, то они находят одобрение большого числа молодежи. Это тревожит». А ведь речь идет о «безопасности, спокойствии и порядке», которые Гитлер обеспечивал с помощью концлагерей и разбойничьих войн. Инициаторы опроса сделали печальный вывод: школьники в возрасте 13—18 лет являются мишенью неонацистской пропаганды. Молодежь беззащитна в отношении праворадикальных лозунгов.

Если школа готовит почву, то целый ряд неонацистских организаций полной пригоршней сеет на ней семена идеологического сорняка. Поток литературы, кассет, пластинок, в той или иной форме восхваляющих нацистское прошлое Германии и ее вождей, сметает хлипкие препоны, которые пытается возвести боннское ведомство по защите молодежи. Запреты, на которые это ведомство порой отваживается, напоминают театр теней.

Да что запреты! Как мало они значат, показывает пример с книгой «Правда для Германии», вышедшей из-под пера нациста Валенди. Идея книги, выпущенной для «просвещения молодого поколения», заключается в том, что, оказывается, не Гитлер виноват в развязывании войны, а соседние с Германией государства. Они вынудили фюрера начать войну, чтобы «предотвратить уничтожение немецкого народа». Этот наглый панегирик фашизму был включен в список книг, которые не рекомендуются для молодежи. Но не тут-то было. Вскоре административный суд Мюнстера отменил этот запрет, поскольку, видите ли, следует еще научно доказать безосновательность содержащихся в книге тезисов.

По мнению бременского ведомства по делам молодежи, речи нацистских заправил, воспроизведение пропагандистских текстов «третьего рейха», в частности тех, которые восхваляют СС, «представляют собой серьезную угрозу для молодых людей, тем более если учесть неосведомленность и неопытность детей и подростков, которым в большинстве случаев ни школа, ни семья не дают объективного представления о германской истории с 1933 по 1945 год».

...Распоясавшиеся юнцы с кастетами в ранцах нападают на антифашистов, избивают иностранных рабочих, поджигают бюро демократических организаций, добывают оружие, готовясь к новым, еще более опасным вылазкам.

На хорошо взрыхленной почве сорняки дают буйные всходы. Их разлагающее воздействие многократно усиливается в напряженной и неустойчивой обстановке, складывающейся под влиянием общего кризиса капитализма: в условиях массовой безработицы, потери доверия к органам и законам буржуазного государства, упадка морали, роста преступности, наркомании, обесценивания «традиционных немецких добродетелей». Сотрудники института «Синус» бьют тревогу: экстремисты, пишут они, могут легко воспользоваться «глубинными настроениями растерянности и беспомощности», злоупотребить стремлением людей жить в мире, свободном от потрясений индустриального общества. Враждебность к «инородным», принявшая в Западной Германии широкие масштабы, подтверждает, как легко чувства страха, неуверенности и протеста можно пустить по ложному следу и отвлечь политически незрелых людей от подлинных причин трудностей жизни. Не случайно, как показали опросы, 18 процентов взрослых в ФРГ считают, что «при Гитлере в Германии было лучше».

Сдвиг вправо в политической жизни и умонастроениях людей сыграл в свое время на руку Гитлеру и социальным силам, стоявшим за его спиной. Те, кто когда-то помогал становлению нацистской диктатуры, не исчезли бесследно с исторической арены. Они и сегодня хотели бы сдвинуть ось политической жизни ФРГ далеко вправо.

«ДЕЛО» ЗАКЛЮЧЕННОГО НОМЕР СЕМЬ

*Забвение своих собственных пре-
решений порождает бесстыдство.*

Демокрит.

Подсудимый с лицом аскета упорно отмалчивался. На всех заседаниях Нюрнбергского трибунала он сидел в состоянии тупой апатии. Адвокаты заверяли: их подопечный страдает потерей памяти. И вдруг в самом конце процесса он вновь обрел дар речи.

В показанном как-то по западногерманскому телевидению документальном фильме «Трибунал победителей» можно было увидеть сцену, изображавшую сумрачного подсудимого с острым подбородком и ввалившимися глазами, у которого «неожиданно» восстановилась память и развязался язык. Жестко и нагло он бросил в лицо международному трибуналу: «Мне выпало счастье многие годы своей жизни действовать под руководством величайшего сына, которого выдвинул мой народ за свою тысячелетнюю историю... Я ни в чем не раскаиваюсь!»

В вечной верности величайшему преступнику за всю историю Германии — Адольфу Гитлеру публично клялся «заместитель фюрера» Рудольф Гесс.

Гесс — один из главных военных преступников — был осужден тогда к пожизненному заключению за подготовку агрессивной войны. С осени 1946 года он находится в западноберлинской тюрьме Шпандау, которую, сменяя друг друга в месячном ритме, охраняют военнослужащие четырех держав-победительниц. Казалось бы, и юридически, и политически дело Гесса закрыто окончательно. Но, оказывается, для некоторых западногерманских кругов это далеко не так. Вот уже много лет «дело» Гесса держат на малом огне, прибавляя время от времени пламя, особенно в период обострения политической обстановки внутри ФРГ и в Европе в целом. «Заключенный Шпандау» постоянно присутствует на страницах западногерманской печати. Чтобы вызвать сочувствие к нему, слезливо описываются его недуги. Не искушенному в политике и страдающему забывчивостью обывателю подручного Гитлера изображают в ореоле мученика. Публике внушают, что вина Гесса «сомнительна», что он вообще был при Гитлере малозначительной фигурой, к тому же с годами его все больше оттеснял на второй план Борман.

«Франкфуртер альгемайне» назвала пожизненное заключение Гесса «бесчеловечным». Газета призвала западные державы выпустить его на свободу односторонним решением, то есть вопреки твердой позиции Советского Союза. С 1967 года в ФРГ действуют «общества за освобождение Рудольфа Гесса», возглавляемые бывшим министром внутренних дел ФРГ Бухером (СВДП), одним из рьяных проповедников амнистии нацистским преступникам.

Надо сказать, что и официальный Бонн не раз высказывался за освобождение Гесса по «гуманным соображениям». Представитель министерства иностранных дел ФРГ, выступая в свое время перед федеральным конституционным судом, заявил: по мнению правительства ФРГ, Гесс должен быть освобожден. Только Советский Союз противодействует этому. Но, опасаясь внешнеполитических осложнений, Бонн, дескать, намерен и впредь оперировать не правовыми, а гуманными аргументами.

В письме ведомства федерального канцлера от 7 июля 1983 года вновь содержится апелляция к Советскому Союзу проявить великодушие и согласиться на освобождение Гесса. Но выпустить бывшего заместителя фюрера — значит оскорбить память жертв фашизма, поощрить неонацистские и реваншистские силы. Это, видимо, невдомек иным боннским деятелям.

Между тем речь идет об одном из самых фанатичных сторонников Гитлера и самых ретивых исполнителей его

зловещих замыслов, в чем Гесс публично признался в своем заключительном слове, заявив суду, что «до конца выполнил свой долг национал-социалиста». Заключенный номер семь тюрьмы Шпандау в числе первых примкнул к нацистской партии. Да так старался, что уже в 1925 году стал приближенным Гитлера в качестве его личного секретаря. А еще годом раньше бесноватый фюрер, сидя в тюрьме Ландсберг, диктовал Гессу, интеллектуально ограниченному, но безгранично преданному, свои бредовые идеи, легшие в основу библии фашизма «Майн кампф». После захвата нацистами власти Гесс был назначен «заместителем фюрера» по партии и рейхсминистром.

10 мая 1941 года подручный Гитлера на самолете «Мессершмитт-110» поднялся в воздух в районе Аугсбурга и через шесть часов полета опустился на парашюте на севере Шотландии. Цель этой авантюры состояла в том, чтобы накануне нападения Германии на СССР столкнуться с британской реакцией о едином антисоветском фронте. О чем он вел тогда переговоры, еще долго будет оставаться тайной. Вопреки существующим правилам, в Лондоне решили не снимать грифа «секретно» с протоколов допросов Гесса до 2017 года.

Но даже помешанные на антикоммунизме английские тории не попались тогда на удочку фашистской клике. Слишком прозрачны были замыслы Гитлера. «Парашютиста», прибывшего к своим английским единомышленникам, посадили в кутузку. На скамье подсудимых в Нюрнберге он занял место рядом с Герингом как один из самых влиятельных заправил «третьего рейха».

Прошли годы, а нацистские взгляды Гесса не изменились ни на йоту. Он и сегодня не скрывает их. «Заместитель фюрера» ни в чем не раскаивается. На могилу другого главного военного преступника — гросс-адмирала Деница демонстративно был возложен венок от... заключенного союзной тюрьмы Шпандау. Гесс все это время решительно отказывался просить о помиловании. Он добивался другого — ревизии приговора Нюрнбергского трибунала.

Мы говорим о Гессе, а имеем в виду крайне правые политические круги ФРГ, которые превратили его имя в знамя открытой борьбы за пересмотр Нюрнбергского приговора, за реабилитацию нацистского рейха и его правящей камарильи.

Неонацистский «немецкий народный союз» шумно отметил в дортмундском отеле «Римский император» юбилей Гесса — его 90-летие. На сборище, которое защищали от разгневанных антифашистов усиленные наряды полиции, звучали требования выпустить Гесса из тюрьмы. Группа молодых неонацистов устроила как-то на Рыночной площади Бонна демонстрацию. Некоторые из желторотых членов организации «молодые национал-демократы» при-

ковали себя цепями к чугунной решетке ратуши, намереваясь объявить голодную забастовку. Смутьяны требовали освобождения бывшего заместителя фюрера Рудольфа Гесса.

За экстремистами стоят более «солидные» и влиятельные силы. Они достаточно влиятельны, чтобы пользоваться услугами прессы и телевидения.

Вернемся к фильму «Трибунал победителей», показанному в Западной Германии. Впервые телеэкран был отдан в распоряжение ближайших приспешников Гитлера. Их лживые, проникнутые лютой злобой к Советскому Союзу выступления на Нюрнбергском процессе, речи, рассчитанные на то, чтобы вбить клин между союзниками и реабилитировать фашизм в глазах нового послевоенного поколения, звучали в квартирах миллионов западногерманских граждан. Ни времени, ни пленки не пожалели, особенно для позера Геринга, который с дешевой патетикой заявлял, что «стоит за Германию». Фильм, несомненно, явился попыткой очернить Нюрнбергский процесс как «акцию мести держав-победительниц» и поставить под сомнение законность его решений с точки зрения международного права.

Собственно, таков и лейтмотив всей недостойной кампании, которую правые круги ведут вокруг имени Гесса. Дело в том, что уже не первый год эти круги пытаются руками западногерманских судов, в том числе и федерального конституционного суда, вынудить официальные инстанции ФРГ выступить за освобождение Гесса. Уже несколько лет несуществующее «дело Гесса» кочует по судам.

Адвокат военного преступника, бывший министр внутренних дел Баварии Альфред Зайдль обивает пороги некоторых международных организаций, в том числе Комиссии ООН по правам человека. Тактика у него нехитрая. Поскольку западногерманские судебные инстанции не могут пускаться в тяжбу с державами-победительницами, в ведении которых находится Гесс, они пытаются найти обходные пути: Федеративная Республика, дескать, должна обеспечить Гессу, как «германскому гражданину», полагающуюся в таких случаях «защиту» от иностранных государств и предпринять юридические шаги. Какие? Адвокат Зайдль добивается от административного суда в Кёльне и суда второй инстанции в Мюнстере, чтобы они приняли решение, обязывающее федеральное правительство предпринять внешнеполитические шаги для освобождения Гесса. Бонн, как и добивались Зайдль, сын Гесса и стоящие за ними круги, должен громогласно заявить, что заключение Гесса противоречит международному праву. При этом защитник заключенного номер семь прибегает к поистине иезуитской аргументации. Гесс осужден за участие в планировании, подготовке и ведении агрессивной войны. Но, заявляет Зайдль, в момент начала второй мировой войны — 1 сен-

ября 1939 года в международном праве не было положения, в соответствии с которым носители государственной власти привлекались бы к судебной ответственности за подобного рода деяния. Словом, не может быть даже и задним числом речи о том, чтобы ведущие политики и военные лично отвечали в уголовном порядке за развязанные ими войны. По логике адвоката, получается, что правовые нормы, созданные союзниками для наказания нацистских военных преступников, незаконны и поэтому Нюрнбергский процесс, базировавшийся на этих нормах, был актом не правосудия, а расправы.

Административный суд в Кёльне в декабре 1977 года отклонил претензии адвоката. Суд второй инстанции в Мюнстере подтвердил в мае 1979 года это постановление. Но Зайдль обратился в федеральный административный суд. Цель его оставалась прежней: приговор суда должен обязать правительство ФРГ официально выступить против заключения Гесса как акта, противоречащего международному праву. И вот, наконец, федеральный административный суд отклонил и эту кассацию Гесса, другими словами, он отказался принимать решение, которое побудило бы правительство добиваться освобождения Гесса по официальным каналам. Суд признал, что такие усилия нанесли бы ФРГ «существенный внешнеполитический ущерб», хотя, как ни странно, тут же записал в своем документе, что Нюрнбергский приговор против Гесса содержит... «отклонения от международного права».

Тем не менее суды всех инстанций отклонили домогательства доброхотов бывшего подручного фюрера. Понятно почему. «Зюддойче цайтунг» замечает: если бы суд действовал так, как этого хотели Зайдль и его подзащитный, то он поставил бы под вопрос правомочность Нюрнбергского трибунала и правительство оказалось бы в трудном положении.

Итак, судебная карусель остановилась. Спрашивается, неужели защитники Гесса всерьез рассчитывали добиться своего? Конечно, нет. Да и не в этом, собственно, состояла их цель. Зная, что заключение Гесса — дело, находящееся в компетенции держав-победительниц, а не Бонна, они тем не менее затеяли бесконечные судебные разбирательства, чтобы постоянно подливать масло в огонь праворадикальных, националистических, антисоветских настроений. Гражданам ФРГ не устают повторять, что если бы не Советский Союз, Гесс давно уже был бы на свободе. Фарисейски распространяются о гуманности и правах человека. Зайдль намерен действовать через международные судебные инстанции. Он настроил челобитную и президенту Рейгану. Пикантная деталь: официальные заявления Вашингтона в отношении Советского Союза, подчеркивает адвокат, противоречат линии Соединенных Штатов в деле

Гесса. Словом, Гесса рекомендуют не в качестве противника, а в качестве союзника сегодняшних заокеанских ястребов, помешанных на антисоветизме. Нашлись родственные души.

Как видим, закрытое историей дело бывшего «заместителя фюрера» пытаются гальванизировать в неблагоприятных политических целях сегодняшнего дня, подкапываются под процесс нормализации отношений с Советским Союзом, под процесс европейской разрядки.

УБИЙЦЫ ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА

*Судья, который не способен карать,
становится в конце концов сообщником
преступника.*

И. Гёте.

В западногерманском городе Гельдерн, что на Нижнем Рейне, по улице Ам Харттор, 23, в светлом, уютном кирпичном доме с дверью из массивного узорчатого стекла проживает Вольфганг Отто. Соседи, встречаясь с ним, почтительно раскланиваются — Отто уважаемая личность, не один год преподавал историю в местной женской гимназии. Вышел на пенсию и теперь возится в саду, музицирует, печется о делах местной общины в качестве члена католического церковного совета.

В другом западногерманском городе — Ротвайле долгие годы проживал добропорядочный федеральный гражданин Вернер Бергер. Клиенты местного банка, подходя к окошку кассы, вежливо приподнимали шляпу: банковский служащий Бергер был не последним человеком в городе.

Знали ли родители прилежных девочек из католической гимназии Гельдерна и вкладчики банка в Ротвайле, что богобоязненный Отто и корректный Бергер в качестве штабшарфюрера СС и обершарфюрера СС участвовали в совершении одного из самых гнусных и зловещих преступлений гитлеровского фашизма? Со дня этого преступления прошло больше сорока лет, точнее, не со дня, а с ночи, ибо злодеяние было совершено под покровом темноты в одну из августовских ночей 1944 года.

За три дня до нее, 14 августа, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер набросал своим небрежным почерком план беседы с Адольфом Гитлером в его ставке «Вольфшанце» («Волчье логово») в Восточной Пруссии. В плане значились 12 пунктов. К последнему, двенадцатому пункту плана (Тельман) после доклада фюреру была сделана приписка: «Подлежит смертной казни».

Концлагерь Бухенвальд. Ночь с 17 на 18 августа

1944 года. Около полуночи на территории крематория появляются восемь эсэсовцев из состава лагерной охраны — команды 99. Примерно в десять минут первого во двор въезжает большой легковой автомобиль. Из него выходят трое в штатском. Впереди идет рослый широкоплечий человек с наголо обритой головой. Его ведут к крематорию сквозь коридор из черных мундиров СС. Как только он перешагивает порог, гремят выстрелы — первый, второй, третий, через несколько минут четвертый. Эсэсовцы выходят во двор. Один из них спрашивает другого.

— Знаешь, кто это был?

— Вождь коммунистов Тельман.

Они убили его вероломно, жестоко, из низких побуждений, ослепленные ненавистью. Запомним эти эпитеты! Через сорок лет, уже в наши дни, они обретут особый вес. Убили выстрелами в спину, страшась его взгляда. Убили безоружного, но не сломленного. С 3 марта 1933 года Эрнст Тельман, бывший гамбургский рабочий-транспортник, председатель Коммунистической партии Германии, лидер ее фракции в рейхстаге, вождь германского пролетариата, его совесть и честь, находился в лапах фашистов. Они пытали его, избивали, топтали сапогами, хлестали плеткой, держали одиннадцать лет в одиночных камерах, день за днем, ночь за ночью. Но сломить «Тэдди» пигмеям не было дано. Генрих Манн писал к 50-летию Тельмана: «Узник очень сильный человек, много сильнее своих мучителей».

На следующее утро заключенный, убиравший печь крематория, обнаружил в ней оплавившиеся наручные часы. По этой находке и по темному цвету пепла он заключил, что убитого не раздели, как обычно делали палачи, а сожгли в одежде. Позже Геббельс распространил лживую версию, будто Тельман погиб 24 августа во время воздушного налета союзной авиации на окрестности Веймара, вблизи которого расположен Бухенвальд. Эта ложь была передана по радио и напечатана в главном нацистском органе — газете «Фёлькишер беобахтер».

Совершив преступление в глубокой тайне, душегубы были уверены, что хорошо замели следы. Но просчитались. Дело в том, что нашелся свидетель убийства и ему посчастливилось уцелеть. Его звали Мариан Згода. В Бухенвальде польский патриот оказался за «слушание вражеского радио», был определен в команду уборщиков, которые чистили печи крематория после каждой очередной операции по истреблению заключенных. Горы человеческого пепла выгреб из печей узник Згода. Только за последние три года существования лагеря эсэсовская команда под номером 99 расстреляла 8843 узника.

Вечером 17 августа 1944 года всех уборщиков заперли в барак около крематория: выходить запрещалось под

страхом смерти. Но Згода все-таки решил выяснить, что означают таинственные меры предосторожности. Он выбрался из барака через вентиляционную трубу и спрятался за кучей шлака вблизи крематория. Отсюда он отчетливо видел, как агенты гестапо и эсэсовцы привезли неизвестного ему узника, слышал четыре выстрела и запомнил диалог двух участников преступления. Поскольку служащих лагерной охраны каждый заключенный Бухенвальда знал в лицо, по именам и по повадкам, как распознают хищных зверей, то Згода узнал обоих.

— Знаешь, кто это был? — спросил эсэсовец Хофшульте.

— Вождь коммунистов Тельман, — ответил штабшарфюрер СС, нынешний владелец дома по улице Ам Харттор, 23, в Гельдерне, набожный католик и учитель-пенсионер Вольфганг Отто.

Фашистский рейх рухнул. Гитлеровские душегубы попрятались на время, как крысы по норам. Но Отто не удалось скрыться. В 1947 году союзный суд приговорил его к двадцатилетнему заключению за тяжелые преступления против человечности и участие минимум в пятидесяти казнях. Уже через пять лет преступник был выпущен на свободу по распоряжению американских военных властей в ФРГ. Они же позаботились и о том, чтобы убийство Тельмана осталось безнаказанным.

Американские следователи располагали достаточными уликами для предания Отто суду за это тягчайшее преступление. Но они не передали их западногерманским органам до сегодняшнего дня. А последние не очень-то их и добивались. Впрочем, они и сами получили чрезвычайно веские улики. В 1948 году Згода под присягой дал свидетельские показания мюнхенскому следователю Пюккерт. Они остаются до сегодняшнего дня решающим, хотя и не единственным доказательством того, как был убит Тельман и какое участие принимали в этом члены лагерной охраны Отто, Бергер, Штюббе, Хофшульте и другие. Осознавал ли судья Пюккерт, какой важности сведения оказались у него в руках? Безусловно осознавал, потому-то он и положил ценнейшие материалы под сукно: не по служебной лености, а из-за политических пристрастий. Слуга западногерманской Фемиды некогда сам состоял в СС и был членом национал-социалистской партии. Ворон ворону глаз не выклюет.

Вплоть до своей смерти бывший узник Бухенвальда Мариан Згода не смог добиться внимания к своим показаниям. Нацистские судьи, следователи, прокуроры, заполнившие после войны органы правосудия ФРГ, отмахивались от него, подвергая сомнению все его показания и именуя его не иначе как «человеком, называющим себя свидетелем» и «предполагаемым очевидцем». И все-таки им не

удалось предать забвению трагические события августовской ночи 1944 года.

В начале 1962 года в органы прокуратуры ФРГ поступило заявление с требованием привлечь виновных к ответственности. Его подписала вдова погибшего гражданка Германской Демократической Республики Роза Тельман. Прокуратура при земельном суде в Кёльне вынуждена была заняться расследованием преступления и розыском убийц. Начались допросы свидетелей. Дело вскоре распухло до многих сотен страниц. Следователи даже пытались установить, на какой машине Тельмана доставили из тюрьмы Бауцена в Бухенвальд. Но в конце марта 1964 года в печати появилось сообщение: «Следствие по делу членов карательной команды 99 в концлагере Бухенвальд В. Отто и В. Бергера, обвиняемых в убийстве бывшего председателя КПГ Э. Тельмана, приостановлено». В чем дело?

Прокуратура сообщила, что следствию «не удалось» выявить имена лиц, участвовавших в убийстве, хотя Отто и Бергер, «возможно», и находились на месте преступления. Возможно? За два года следствие не сочло нужным устроить хотя бы очную ставку палачей с бывшим узником концлагеря, свидетелем Марианом Згодой. Прокуратура пропустила мимо ушей заявление эсэсовца Бергера, который, как писал журнал «Штерн», хвастался в винном погребке «Рус» в Ротвайле: «Я ничего не боюсь, у меня есть связи с некоторыми крупными нацистами, которые сейчас снова занимают важные посты». Не приняла она к сведению и свидетельства бывшего служащего СС в Бухенвальде Вернера Фрика, по словам которого, в 1947 году в лагере для интернированных нацистов Отто бахвалился перед ним тем, что участвовал в убийстве Тельмана, хотя смертельный выстрел сделал не он, Отто, а штурмбаннфюрер СС Барневальд, беззаботно живший до своей смерти в Дуйсбурге, по Крефельдерштрассе, 210.

Машина западногерманской юстиции продолжала буксовать. Разбирательство вылилось в наглое издевательство над правом, справедливостью, моралью. В 1972, 1974, 1979 годах и, наконец, 25 января 1982 года следствие приостанавливалось — и каждый раз из-за «отсутствия достаточных оснований подозревать обвиняемых в преступном убийстве Эрнста Тельмана».

Буржуазный еженедельник «Цайт» писал: «Нельзя без возмущения читать постановление прокуратуры о прекращении дела об убийстве Тельмана. Усилия следствия все эти 20 лет были направлены преимущественно на то, чтобы доказать невозможность преследования за данное преступление. Сначала дело сводили к поиску конкретного исполнителя убийства. Потом вину этого конкретного исполнителя стали сваливать на Гитлера, отдавшего соответствующий приказ». Журнал «Штерн» добавляет со своей

стороны: «Юстиция действовала неторопливо, без особого усердия, как делает обычно, когда речь идет о расследовании нацистских преступлений. Семь раз прокуратура прекращала следствие. Такое затягивание дела представляет собой беспрецедентный юридический скандал за всю послевоенную историю, оно является к тому же еще и политическим скандалом».

В 1974 году прокуратура признала наконец факт казни Тельмана (до этого времени для нее истинной была версия Геббельса о гибели узника во время бомбардировки). Тем не менее она пыталась оспорить тот факт, что с юридической точки зрения имело место действительное убийство, ибо, оказывается (вспомним эпитеты, данные при характеристике преступления в начале нашего повествования), расстрел председателя КПП не был ни «жестоким», ни «вероломным» и совершен не «из низменных побуждений». Чудовищно звучат эти слова! Но таковы нормы западногерманского уголовного права. Для него «убийство», совершенное «по приказу сверху», не убийство, а в крайнем случае — «пособничество в убийстве». Упомянувшийся еженедельник «Цайт» спрашивал возмущенно: «Как еще нужно выстрелить человеку в спину, чтобы это деяние расценивалось как вероломное, то есть квалифицировалось как убийство? А что касается «низменных побуждений», так убийцы из Освенцима и других нацистских лагерей смерти тоже ссылались на приказ сверху. На самом же деле они были отборными палачами, дорожившими своей «работой».

И все-таки, как ни увиливали западногерманские шемайки от разбора дела, им пришлось пойти на попятную. После смерти вдовы Тельмана его дочь Ирма Габель-Тельман и бременский адвокат Генрих Ганновер продолжали упорно добиваться процесса, пока наконец после 20 лет проволочек и 16-месячного рассмотрения последнего заявления истицы кельнский суд не вынес постановления, обязывающего прокуратуру начать следствие по делу о «пособничестве в убийстве» против бывшего служащего лагерной охраны СС Бухенвальда Вольфганга Отто. Остальные участники зверской расправы либо умерли, либо исчезли бесследно.

Что же дальше? Я обратился с вопросами к западногерманскому адвокату Генриху Ганноверу. Он сказал:

— Наконец дело, кажется, сдвинулось с места и, как предполагается, в суде города Клеве начнется слушание. Но следует ожидать, что обвиняемый — речь идет о Вольфганге Отто — представит справку о слабом здоровье, как это обычно делается на процессах по делу нацистских преступников, и тогда станет вопрос: «дееспособен» ли он?

— Насколько солидны материалы, подготовленные следствием, позволят ли они выдвинуть неопровержимые обвинения?

— Собран обширный материал, в целом 12 томов, имеется множество свидетельских показаний, часть которых будет зачитана, поскольку за столь долгий период многие свидетели умерли. Одно из важнейших показаний дал польский узник Згода, который тогда наблюдал убийство из укрытия.

— Насколько серьезно суд готов будет рассмотреть эти показания?

— Конечно, следует ожидать, что будут предприняты попытки поставить под сомнение показания свидетелей. Есть «свидетели», которые поддерживают версию нацистов о том, будто Тельман погиб при воздушном налете. Но есть свидетели, которые показывают, что Тельман был убит за несколько дней до этого налета. И защита обвиняемого попытается на этих противоречиях нажить капитал.

— Какое политическое содержание может приобрести судебный процесс в наше время?

— Речь идет не только о том, чтобы наказать бывшего эсэсовца Отто. Необходимо установить исторические факты и сказать западногерманской и международной общественности всю правду о том, как погиб руководитель КПГ. Дело о преступлении в отношении популярнейшего вождя немецких рабочих нельзя втихомолку отправить в архив. Историческая правда должна быть восстановлена.

...Вольфганг Отто ждал процесса без особой тревоги. Никто из окружающих не отвернулся от него. Никто не проклял его. Выяснилось, что его кровавые дела кое для кого в городе давно уже не были секретом. Директор женской школы в Гельдерне г-н Герриц заявил: «Отто признавался, что участвовал в казнях иностранцев. Немцев он не убивал». По-видимому, в глазах наставника молодежи этот «нюанс» в палаческой деятельности Отто может послужить доводом в пользу реабилитации работавшего под его началом бывшего эсэсовца. Сам Отто на вопрос, может ли он вспомнить обстоятельства убийства Эрнста Тельмана, ответил холодно и цинично: «Помните ли вы, что ели на ужин в минувший вторник?..»

Столь вызывающе нагло мог ответить человек, абсолютно уверенный в своей безнаказанности. А чувство это могло возникнуть лишь в атмосфере всепрощения в отношении бывших нацистов и их сегодняшних наследников. Отто не ошибался в своих прогнозах. После нашей беседы с адвокатом Ганновером прошло несколько месяцев, и вот 4-я палата земельного суда города Клеве отказалась начать судебный процесс против одного из убийц Тельмана. Хотя в результате продолжительного следствия органы прокуратуры сочли улики достаточно весомыми для начала судебного разбирательства, палата заявила, что, по ее мнению, доказать вину Отто не представляется возможным. Она вновь поставила под сомнение показания Згоды как «про-

тиворечивые» и отклонила другие свидетельские и документальные улики.

Решение суда города Клеве не исключение, а правило в практике западногерманского правосудия, которое, как на конвейере, выносит нацистским душегубам возмутительно мягкие и оправдательные приговоры. В свою очередь эти приговоры — отражение общей психологической и политической атмосферы, царящей в стране, атмосферы, отравленной антикоммунизмом...

С окончания войны прошел 41 год. И вот наконец в мае 1986 года под давлением мощного движения протеста против выгораживания эсэсовского палача ему был вынесен обвинительный приговор, хотя и сравнительно мягкий. Земельный суд в Крефельде приговорил Вольфганга Отто к четырем годам тюремного заключения. Сразу после оглашения приговора перед зданием суда состоялся митинг. В нем приняли участие свыше тысячи антифашистов и бывших узников нацистских концлагерей, съехавшихся из разных городов ФРГ и других европейских стран, в том числе Советского Союза. Многие из них были одеты в полосатые одежды заключенных. Наряду с ветеранами антифашистского Сопротивления здесь находились молодые коммунисты, вступившие в КПП по тельмановскому призыву. Среди участников митинга была и дочь незабвенного коммуниста — Ирма Габель-Тельман. Осуждение убийцы Эрнста Тельмана было крупным успехом демократических, антифашистских сил.

Западногерманские демократы осознают, что в деле об убийстве вождя немецких рабочих речь идет не столько о юридических параграфах, сколько о политических соображениях. Эрнст Тельман является символом героического сопротивления нацистам. Его стойкостью и мужеством, верой в свои идеалы восхищались выдающиеся деятели культуры — Томас Манн, Генрих Манн, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, все честные люди земли. Это восхищение адресовалось человеку, который олицетворял борьбу и жертвы немецких коммунистов — главной, решающей силы Сопротивления гитлеризму. Эти исторические подвиги КПП сегодня не вспоминаются на страницах «солидных» газет ФРГ и в речах буржуазных деятелей. Не помнится, чтобы какой-либо орган буржуазной печати привел статистику героизма и жертв безымянных бойцов коммунистического подполья. А статистика красноречива: за первые шесть лет господства Гитлера 340 тысяч коммунистов были брошены в тюрьмы и заточены в концлагеря. Десятки тысяч были расстреляны и умерли от пыток.

По данным гестапо, на 10 апреля 1939 года все еще числилось 302 256 политзаключенных — в подавляющем большинстве коммунистов. В 1944 году ежедневно гестапо хватало 1500 патриотов. За первую половину этого года

было арестовано четверть миллиона антифашистов и вновь — в большинстве членов подпольной КППГ. Но террор был бессилем сломить партию. Она продолжала борьбу. Летом 1944 года КППГ создала на военных заводах Берлина семьдесят нелегальных партийных групп, сотрудничавших с социал-демократами и другими антифашистами. Партия разработала четкую программу борьбы с нацизмом, в которой выражала готовность идти вместе со всеми патриотическими силами, которые, как и коммунисты, хотели свержения гитлеровского режима под лозунгом: «Прочь Гитлера, долой войну!»

Яркой страницей в истории антифашистской борьбы стала деятельность подпольной организации «Красная капелла». Ее члены совершали акции саботажа на военных заводах, распространяли листовки, накапливали оружие для решающей схватки с гитлеровцами, устраивали побег из фашистских застенков, подожгли устроенную Геббельсом антисоветскую выставку в Берлине.

Даже буржуазные органы печати изредка сквозь зубы признают, что КППГ была единственной партией, которая опиралась на широко разветвленную и весьма эффективную сеть подпольных ячеек, явок, баз и вела действенную борьбу против фашизма.

В канун очередной годовщины зверского убийства Тельмана в концлагере Бухенвальд напрасно было бы искать в газетах и выступлениях политиков слова признания в адрес вождя КППГ, героев антифашистского подполья. Между тем у власть предержащих ФРГ была не одна возможность воздать должное им. Но на Рейне этим не воспользовались. Я имею в виду, например, торжественно отмеченное в ФРГ сорокалетие заговора против Гитлера 20 июля 1944 года.

Фактическая сторона выступления группы офицеров известна из любого учебника истории. Это произошло в ставке фюрера «Волчье логово» в Восточной Пруссии во время одного из совещаний. Задвинув ногой под стол портфель, полковник Штауффенберг покинул помещение. Раздался взрыв. Операция «Валькирия» началась. И с самого начала неудачно. Гитлер остался жив. И уже через несколько часов майор Ремер, командир охранного батальона «Гроссдойчланд», по личному приказу фюрера, полученному по телефону из ставки, устроил в Берлине расправу над участниками заговора. Штауффенберг, только что прилетевший в столицу, был расстрелян во дворе военного министерства. Заговор 20 июля 1944 года провалился. Его участники были почти поголовно казнены.

В Федеративной Республике широко отмечалось сорокалетие выступления этой группы военных против Гитлера. Надо заметить, что отношение к ним не всегда было столь почтительным. Тот же майор Ремер, получивший от Гитлера

чин генерал-майора, в послевоенные годы возглавил неофашистскую имперскую партию и, выступая на митингах своих сторонников, открыто называл участников заговора «предателями». Недавно, выступая по телевидению, пенсионер Ремер нагло заявил, что и сегодня без колебаний выполнил бы данную Гитлеру присягу и поставил к стенке его врагов...

Прошло целое десятилетие после войны, пока наконец кое-кто в ФРГ не смекнул, что на заговоре 20 июля 1944 года можно заработать политический капитал, изобразив классовые силы, пришедшие в ФРГ к власти, единомышленниками участников антигитлеровского Сопротивления. Таким путем представлялось возможным отвлечь внимание от ответственности промышленников, аристократии, генералитета, высшего чиновничества и представителей церковной иерархии за установление гитлеровской диктатуры, а заодно отодвинуть в тень подлинных участников Сопротивления: коммунистов, левых социал-демократов, антифашистов.

Очевидно, что состав заговорщиков был далеко не однороден и цели их серьезно расходились. Официальные круги ФРГ скороговоркой, нехотя упоминают так называемый «крайзауэровский кружок», программа которого отличалась прогрессивными, демократическими чертами. Его участники — Мольтке, Йорк, примкнувший к ним Штауффенберг и другие — ставили целью устранение нацистского аппарата, заключение мира на всех фронтах, установление нормальных отношений с Советским Союзом. Члены этого кружка завязали контакты с находившимися в подполье видными коммунистами, потому что видели в коммунистическом Сопротивлении значительную силу и искали сотрудничества с ней.

Но факт остается фактом: взгляды Штауффенберга и «крайзауэровского кружка» разделялись меньшинством движения 20 июля. В сущности же, оно было буржуазно-реакционным. Имя Штауффенберга, непосредственного исполнителя покушения, широко используют лишь как символ «20 июля», а вот общественно-политические воззрения другого руководителя заговора — Гёрделера — выдают за общую программу всего движения. Не Штауффенберга, а твердолобого реакционера Гёрделера превозносят на Рейне как олицетворение антигитлеровского Сопротивления, а заговор узкой группы высокопоставленных деятелей изображают кульминацией антигитлеровского движения Сопротивления.

Между тем Гёрделер и его сторонники рукоплескали Гитлеру, пока вермахт одерживал победы. К 1944 году, убедившись, что война проиграна, они решили устранить нацистских выскочек, чтобы сохранить антинародный режим и его территориальные захваты. Они не допускали

даже мысли о восстановлении парламентаризма. Всей фантазии генералов и юнкеров хватило лишь на то, чтобы добиваться реставрации монархии и установления военной диктатуры. Гёрделер, пишут объективно мыслящие западно-германские исследователи, хотел сепаратного мира с Соединенными Штатами и Англией с целью организации совместного «крестового похода» против СССР. Внешнеполитическая программа Гёрделера и заговорщиков-генералов была копией захватнической программы Гитлера. Она предусматривала завоевание силой оружия «жизненного пространства», возврат германских колоний и установление гегемонии в Европе. Суть их устремлений сводилась к тому, чтобы и впредь использовать Германию в качестве ударного кулака «христианского Запада против атеистического большевизма».

Вот по ком звонили официальные боннские колокола в дни сорокалетия заговора 20 июля. Вспоминали не немецких антифашистов, прежде всего коммунистов, боровшихся в подполье не щадя жизни, а группу высокопоставленных деятелей рейха, стремившихся лишь подправить курс Гитлера. Вспоминали Гёрделера, а не Тельмана. Гёрделера, потому что его идея «крестового похода» Запада против СССР воплощена в концепциях нынешней вашингтонской администрации, идее политического объединения Европы и натовских планах «довооружения». Словом, поминают не борцов, а единомышленников.

ИНДУЛЬГЕНЦИИ ДУШЕГУБАМ

*Кто не карает зла, тот способствует,
чтобы оно совершилось.*

Леонардо да Винчи.

Каждый раз, сидя на скамьях для прессы в зале № 111 Дюссельдорфского суда, я пытался решить психологический ребус: какие мысли и чувства скрываются за маской оскорбленной невинности, натянутой на расплывшиеся, обрюзгшие лица девяти подсудимых. В затихшем зале звучали голоса свидетелей, тех немногих, кому посчастливилось пережить ад Майданека. Перед мысленным взором один за другим раскрывались круги дантова ада, в огне которого сгорело свыше миллиона человеческих жизней. А подсудимые, бывшие эсэсовские надзиратели лагеря смерти, сидели как ни в чем не бывало, без следов раскаяния, страха или сострадания. Одни листали газеты, другие разгадывали кроссворды, третьи, как мне показалось, преспокойно дремали. Все оживлялись, лишь когда объявлялся перерыв.

Смешавшись с публикой, обвиняемые спешили в коридор выкурить сигарету, размять ноги.

Так продолжалось пять с половиной лет. Лишь когда даже слепому стало видно, что «дамы и господа» на скамьях подсудимых — холодные и жестокие садисты, суд постановил наконец взять четверых из них под стражу. Судебный процесс по делу «Хакман и другие» начался 26 ноября 1975 года и оказался самым затяжным в истории западногерманского правосудия. Состоялось 474 заседания, заслушано 300 свидетелей. Использовано 130 километров магнитофонной пленки для записи показаний. На покрытие издержек истрачено 24 миллиона марок.

Леденящие кровь картины рисовало одно заседание за другим. Зимой 1941 года в район польского города Люблин прибыл транспорт с тремя тысячами советских военнопленных — раненых, больных, истощенных. Они спали на скованной морозами земле. Получали в сутки по котелку баланды. Затем эсэсовцы расстреляли всех до одного.

Так началась страшная история концлагеря Майданек, в котором с весны 1942 года задымили печи крематория и «заработали» газовые камеры. 1300 эсэсовских душегубов обслуживали эту гигантскую машину истребления людей. Всего лишь девять надзирателей сели на скамьи подсудимых, да и то через тридцать лет после крушения гитлеровского рейха. Одно только предварительное следствие продолжалось пятнадцать лет. Пять лет и семь месяцев длилось судебное разбирательство. Что и говорить — нетороплива западногерманская Фемида, нетороплива и мягка.

Уже в начале пятидесятых годов западные державы стали щедро раздавать индульгенции нацистским военным преступникам, которые понадобились им теперь в качестве союзников в «холодной войне» против Советского Союза. Рассмотрение тяжелейших преступлений умышленно затягивалось или вообще срывалось. Об этом заботились также бывшие гитлеровские чиновники, судьи, прокуроры, да и политические деятели антикоммунистического толка, представлявшие в те годы Федеративную Республику Германию. Достаточно сказать, что долгие годы «серым преосвященством» канцлера Аденауэра, шефом его личной канцелярии был всеильный статс-секретарь Глобке — автор и комментатор расистских законов Гитлера. От таких, как Глобке, трудно было ожидать серьезного расследования военных преступлений. Равно как и от 1300 бывших гитлеровских судей и прокуроров, запятнавших свою совесть тысячами смертных приговоров и засоривших после войны сверху донизу весь аппарат западногерманского правосудия. Они продолжали судить, а уйдя на покой, получали солидные пенсии.

Поистине поразителен либерализм органов правосудия

ФРГ. Широко известны статистические данные Центрального ведомства по расследованию национал-социалистских преступлений. Они красноречивы: после 8 мая 1945 года уголовные дела за нацистские преступления были возбуждены против 87 305 лиц, осуждено же из них только 6449 человек, причем, подавляющее большинство на непродолжительные сроки. А было немало случаев, когда обвиняемые отделялись денежным штрафом.

«Детали имеют решающее значение», — заявил как-то руководитель федерального ведомства по расследованию таких преступлений А. Рюккерль. Несколько лет назад он писал, что показания свидетелей быстро теряют весомость и со временем совсем не будут иметь ценности. Шпрингеровская «Вельт» уточняла: суд, вынося приговоры, может учитывать только то, что может быть безусловно доказано в отношении индивидуальных проступков каждого обвиняемого в отдельности. Смысл этой юридической казуистики очевиден: чудовищные нацистские преступления против человечества расчленяются на частные уголовные преступления, совершенные отдельными лицами, виновность которых следует доказать. Принципиального разграничения мер наказания за военные и «обычные» преступления западногерманский закон не предусматривает. При этом служители Фемиды, как щитом, прикрываются уголовным кодексом. У них совесть чиста. Они действуют строго по закону. Но закон этот проржавел, как старый топор, пролежавший в земле целый век. Ему и в самом деле более ста лет, параграфу 211 уголовного кодекса, на основании которого и выносятся приговоры западногерманским судом по нацистским преступлениям. Принятые в 1871 году правовые нормы квалифицируют в качестве убийства умерщвление человека «из низких побудительных причин, совершенные коварно или жестоко». Все остальные — это лишь «соучастие в убийстве», влекущее соответственно и более мягкое наказание.

Оказывается, массовое истребление людей в гитлеровских лагерях на 99 процентов не соответствует определению «убийства при отягчающих обстоятельствах». Судьи выносят приговоры в большинстве случаев за «соучастие в убийстве». При этом не произносится ни слова о политическом характере преступлений. Судят как бы уголовных преступников и выносятся приговоры, которыми обычно наказываются за хищение велосипедов или подделку финансового документа.

«Убийство есть убийство» — этой формулой пытаются военные преступления, геноцид приравнять к рядовому преступлению, совершенному из чувства ревности или с целью ограбления. А. Рюккерль заявил на встрече с журналистами: «Мы судим не государство, а личность. Поэтому для нас существует просто убийство, а не национал-

социалистское убийство». Между тем эта деталь имеет принципиальное значение. Правые круги пытаются выдать злодеяния гитлеровцев за уголовные эксцессы одиночек, чтобы скрыть тот факт, что эти преступления выражали существо идеологии и политики «третьего рейха». Фактически они добиваются не просто амнистии душегубам, но и косвенной реабилитации бесчеловечной системы нацизма, его шовинистических амбиций, расистских взглядов, захватнической политики, а главное — его антикоммунизма и антисоветизма.

Какой холодный расчет кроется за попытками втиснуть жгучую морально-политическую проблему в прокрустово ложе чистой и беспристрастной юриспруденции, показывает циничный и кощунственный «выборочный» подход даже к жертвам фашистского террора. Среди общественности настойчиво формируют и такое мнение, что уж если кого и наказывать, так только тех, кто преследовал евреев или цыган, которые, видите ли, не воевали против рейха. Станный подход. Будто бы не было 20 миллионов погибших советских людей, 6 миллионов погибших поляков и многих других, пострадавших от фашизма. К тому же отнюдь нельзя сказать, что в ФРГ покончено с антисемитизмом и другими расистскими проявлениями.

Свастики, малюемые на синагогах, опрокинутые надгробия на еврейских кладбищах, распространение всякого рода расистских предрассудков даже среди офицеров бундесвера подтверждают обратное. «Выборочный» подход тут определяется сегодняшними сугубо политическими соображениями — нескрываемыми симпатиями к сионизму, солидарностью с израильскими экспансионистами, с их антисоветским и антикоммунистическим курсом.

Исходя из таких соображений, правые круги помалкивают о злодеяниях, совершенных в отношении других народов, прежде всего славянских, о расстрелах партизан, заложников, представителей национальной интеллигенции, коммунистов, о массовом истреблении военнопленных.

Молодой западногерманский историк Кристиан Штрайт издал книгу «Они не товарищи — вермахт и советские военнопленные 1941—1945 гг.». Это — скрупулезное научное исследование о судьбе тысяч советских военнопленных, оказавшихся в фашистской неволе в первый, самый тяжелый для нашей Родины период войны. Трое из каждых четырех погибли, и не только от руки преступников из фашистского карательного аппарата СС или «спецкоманд». Фельдмаршалы, генералы, офицеры гитлеровской армии издавали и неукоснительно выполняли приказы об истреблении пленных. Много ли бывших руководителей германских вооруженных сил привлечено к ответственности за вопиющие нарушения международных конвенций об обращении с военнопленными? А сколько советских

людей, насильно угнанных в рабство, погибло от непосильного труда на шахтах и заводах рейха? Ответили за это бывшие заправилы военной промышленности фашистской Германии? На эти законные вопросы ответа нет, да и не предвидится. В сущности, этими комплексами нацистских преступлений органы правосудия ФРГ вообще серьезно не занимались.

Моральная, политическая и юридическая несостоятельность позиции покровителей нацистских преступников в неприкрытой форме предстала в конце 1979 года в ходе дебатов по вопросу о сроках давности. 1 января 1980 года по закону кончился срок преследования за преступления, совершенные гитлеровцами. Демократические силы требовали отменить вообще срок давности и продолжать преследование душегубов. Правые круги выступали против. Если учесть, что 8 мая 1960 года истек срок давности в отношении лиц, совершивших «простое, непреднамеренное убийство», в результате чего тысячи насильников ушли от возмездия, а также то, что преступники, осужденные в свое время судами западных оккупационных властей и освобожденные после вступления ФРГ в НАТО, не привлекаются больше к ответственности, даже если в последующий период выявились новые веские доказательства их вины, то становилось очевидным: 1 января 1980 года книга фашистских преступлений против человечества могла быть захлопнута. Не получилось.

Облачась в доспехи из юридических параграфов, правые говорили о сроках наказания за убийства вообще, смазывая политическую суть дела. Под давлением мирового общественного мнения (даже сенат США принял резолюцию в пользу отмены срока давности) демохристианские политики накануне специальной сессии парламента прибегли к трюку. Соглашаясь скрепя сердце с отменой срока давности, они предложили одновременно освободить от всякого преследования тех, кто «находился в подчиненном положении и выполнял указания и приказы сверху». Ловко было придумано! Чтобы ввести в заблуждение и успокоить международную общественность, соглашались формально отменить срок давности, а фактически замыслили амнистировать подавляющее большинство преступников. Кто из них перед следователем и судьей не ссылается на приказ вышестоящего начальника? «Бефельснотштанд» — то есть «вынужденные, диктуемые приказом действия» — это юридический «спасательный круг» для множества головорезов. Даже такой садист, как Кальтенбруннер, пытался в Нюрнберге хвататься за этот круг. Предложение ХДС/ХСС, таким образом, имело целью разделить нацистские преступления на «серьезные», за которые следует привлекать к ответу, и «менее серьезные», на которые можно бы и закрыть глаза.

Слово «закон» повторяется как заклинание. Объективность и справедливость, как не устают твердить, — в абсолютной точности деталей. Но вот вопрос: у кого из узников концлагерей были, например, часы? Кто из них может с точностью до одной минуты показать — когда, в какое время надзирательница Хильдегард Лехерт по прозвищу Кровавая Бригада собственноручно вешала молодых девушек или загоняла палкой детей в грузовик для отправки в газовую камеру? Но судьи настойчиво требуют указать месяц, день и даже час, когда совершилось преступление. И это сорок лет спустя? Вопросы судей монотонны и дотошны. Не первый раз я слышу их на процессах. И каждый раз они звучат примерно так: где вы стояли — слева или справа от узницы, которую, как вы утверждаете, застрелила обвиняемая? Когда это было — утром, в обед или вечером? Откуда привели узницу? Кто ее сопровождал? Была ли она обута? Вы утверждаете — она была блондинка, какого оттенка — темного или светлого? После выстрела узница упала на землю, вы уверены, что она была убита, а не ранена?..

Для некоторых бывших узников, выступающих свидетелями, такие вопросы звучат головоломкой, ведь прошло столько времени. Не все помнят детали трагедии, участниками которой сделала их судьба, некоторые теряются, сбиваются. На лицах адвокатов торжествующие улыбки. А на следующий день пресса подхватывает мысль о том, что, дескать, через сорок лет после свершившихся событий невозможно доказать вину обвиняемых. Поэтому, дескать, судебные процессы такого рода потеряли смысл.

Фарисейская, псевдоправовая аргументация доброхотов вчерашних вешателей рушится, если соотнести ее с конкретными вердиктами западногерманских судов. В памяти всплывают процессы, свидетелем которых мне довелось быть. Вот первый.

Подсудимый — субъект с фатоватыми усами и глазами навывкате отплясывал перед судьями странный танец, демонстрируя свое искусство стрельбы из пистолета на манер героев американских ковбойских фильмов. Затем он продолжил свои показания, которые длились три дня. Прокурор глядел на подсудимого с дружелюбным любопытством, можно сказать, даже с симпатией: «Вы так прекрасно рассказываете, — сказал он с улыбкой, — что вас действительно охотно слушаешь».

Все это происходило в Нюрнберге на процессе небезызвестного неонацистского «фюрера» Карла-Хайнца Хофмана, того самого, который возглавлял пресловутую «военно-спортивную группу». Фотографии молодчиков в касках вермахта и пятнистых маскировочных костюмах, разъезжавших на бронетранспортерах и джипах, обошли газеты всего мира. Открыто, на глазах у властей Хофман и его

громилы вооружались, готовили террористические действия, расправлялись с антифашистами. Только в начале 1980 года после протестов международной общественности Бонн запретил наконец «военно-спортивную группу».

Насколько эффективным был этот запрет, показали дальнейшие события. Уже после запрета баварский премьер Ф.-И. Штраус советовал оставить этого «петрушку Хофмана в покое», а тогдашний министр внутренних дел Баварии Тандлер назвал происки коричневых «театром теней».

Прошло несколько недель, и член хофмановской шайки Кёлер взорвал бомбу в толпе участников народного гулянья в Мюнхене (13 убитых, более 200 раненых). Несколько позднее подручный Хофмана убил издателя и журналиста Ш. Левина и его спутницу. На месте убийства был обнаружен экземпляр итальянского иллюстрированного журнала с репортажем о «военно-спортивной группе Хофмана» с острым, разоблачающим комментарием Левина, который сравнивал главаря группы с Гитлером. Выяснилось, что главарь банды не только дал приказ о расправе над негодным журналистом, но и собственноручно снабдил убийцу автоматом «беретта» со звукопоглощающим устройством. Совершив преступление, убийца явился с докладом к «шефу», как почтительно называли Хофмана его люди, и получил от него в награду круглую сумму.

И что же? Преступники попали за решетку? Отнюдь не сразу. Баварская юстиция затеяла недостойную волюнку. Было заявлено, что оружие с глушителем служило Хофману... для защиты его дома от воров, что главарь банды якобы не имел никакого отношения к убийству. Однако под давлением неопровержимых улик здешняя Фемида все-таки решила взять под стражу Хофмана и соучастницу преступления — его сожительницу Биркман. Но нюрнбергский земельный суд отменил ордер на арест. «Фюрер» и его «Ева Браун» остались на свободе. Лишь в январе 1982 года федеральная судебная палата отменила решение суда, взяв наконец Хофмана под стражу.

И вот судебное разбирательство началось. Но оно все больше напоминало постыдный фарс.

А вот второй процесс. Он состоялся в городе Букстехуде и закончился скорым и строгим приговором: 33-летний учитель Фриц Тиман был приговорен к крупному денежному штрафу за «оскорбление чести». В глазах судей вина правонарушителя была неоспоримой: Тиман написал письмо в местную газету и выразил в нем возмущение вылазками членов местной НДП. Распоясавшиеся молодчики шагали по улицам под гитлеровскими лозунгами и горланили: «Смерть Рот-Фронту!», а жителям, протестовавшим против вылазки коричневых, неофашисты угрожали: «Вас забыли отравить в газовых камерах».

Насмотревшись на все это, Фриц Тиман завершил свое письмо в газету словами: лозунги правых экстремистов — членов НДП «означают, по существу, призыв строить концлагеря». Вот тут-то скромный учитель из тихого провинциального города, по мнению судей, и преступил западногерманский закон. Они были единодушны: честь НДП «поругана». Приговор: штраф в тысячу марок! Тиман подал кассацию и, представ перед Фемидой во второй раз, подтвердил свою позицию: из уроков истории, сказал он, пора извлечь выводы и неонацистскую угрозу устранить уже в зародыше. Судья Энгелькен, недолго поразмыслив, окончательно убедился, что имеет дело с «виновным по убеждению», и... оставил приговор в силе.

Этот судебный произвол был настолько очевидным, что вызвал протесты общественности. Против позорных гонений выступили видные общественные деятели и писатели ФРГ. Приговор был вновь опротестован, и «дело учителя Тимана» поступило на «новое рассмотрение», теперь уже в земельный суд города Штаде. Долгие часы продолжался очередной судебный фарс. И вновь служители закона пришли к заключению, что обвиняемый... «оклеветал» и «оскорбил» неонацистскую НДП. Но поскольку он не нарушил при этом конституционного права на «свободу мнений», его вынуждены были все же оправдать.

В дни, когда школьного учителя таскали по судам, в печати ФРГ появилось заявление представителя боннского министерства внутренних дел. Случайное, но примечательное совпадение. Число правонарушений в ФРГ, совершенных правыми экстремистами, оказалось самым высоким со времени крушения гитлеровского рейха, сообщил представитель министерства. Усиливается тяга коричневых к насилию. В ходе обысков полиции в 90 случаях обнаруживала оружие, боеприпасы, взрывчатку.

Представим себе на минутку, что было бы, если бы люди в черных мантиях оставили вердикт земельного суда в силе. Тогда учителю Фрицу Тиману пришлось бы пуститься по белу свету с сумой. Дело в том, что Тиман безработный. А уволили его за одно-единственное «прегрешение» — он член Германской коммунистической партии.

А теперь вернемся в зал № 3 дюссельдорфского суда. Процесс продолжал топтаться на месте. Суду все еще не хватало улик. Но какие еще нужны были доказательства вины девяти обвиняемых из майданекского ада? Сотни устных показаний, горы документов не оставили ни тени сомнения в их причастности к массовому истреблению людей. Заместитель начальника лагеря Хакман участвовал в расстреле сорока советских военнопленных за попытку побега и в истреблении двухсот больных тифом советских граждан. Эсэсовец Эльвангер участвовал в расстреле большой группы военнопленных. Служитель лагерной охраны

Петрик, по оценке прокуратуры, отличался «особенно садистским отношением к заключенным». Другой душегуб Филляйн обвинялся в массовой экзекуции 17 тысяч человек, состоявшейся 3 ноября 1943 года. Эту акцию эсэсовцы издевательски называли «праздником урожая». Лауриха называли «ангелом смерти» — он разъезжал по лагерю на велосипеде и расстреливал всякого, кто попадался ему на пути. Обвиняемый Штриппель участвовал в расстреле многих узников Майданека, в том числе советских военнопленных. Свидетели подтвердили, с какой подчеркнутой жестокостью он обращался с советскими гражданами, которых этот гитлеровский выродок называл «недочеловеками». В лице обвиняемых многие свидетели признали тех, кто, стоя на платформе концлагеря, занимался «селекцией расово-неполноценных» граждан из многих стран Европы — одним движением головы отправлял людей в газовые камеры, тех, кто пытал, морил голодом, сводил в могилу непосильным каторжным трудом.

Все муки ада меркнут перед страданиями жертв двух бывших надзирательниц Майданека — Хильдегард Лехерт и Гермины Райян-Браунштайнер. Даже в эсэсовской хронике с похвалой отмечалось: «Лехерт свирепствует с заключенными». Садистка велела подбить сапоги специальными железными подковами и затаптывала свои жертвы. В руках у нее неизменно был хлыст с тяжелым металлическим наконечником, которым она забивала людей до смерти. Чудовищны злодеяния этой бестии, вдвойне чудовищны они в отношении беззащитных детей: Кровавая Бригада ударами палки загоняла детей в машину для отправки в газовую камеру, а самых маленьких швыряла в кузов, как поленья. «Страсть к умерщвлению особо зримо проявилась в этом факте», — отметил государственный обвинитель.

Райян-Браунштайнер узники называли между собой «Кобылой» за патологическую склонность убивать обесшленных ударами кованых сапог. На совести этой изуверки, которая добровольно вступила в СС и до Майданека несколько лет служила в концлагерях, где содержались немецкие антифашисты, свыше тысячи жизней женщин и детей.

Цифры, цифры... Страшная статистика. Но и она показывает лишь частицу неопишуемых преступлений против человечности, совершенных обвиняемыми, лишь то, что удалось установить в ходе суда.

Сердце сжимается, когда слушаешь эту горькую историю человеческих страданий. Картины ада, которые встают перед мысленным взором, никого не могут оставить равнодушным, кроме подсудимых. Они продолжают скучать, всем своим видом демонстрируют полнейшее пренебрежение к процессу. Откуда эта самоуверенность, наглость? Прежде всего в поддержке адвокатов, в которых они нашли не толь-

ко циничных крючкотворов, но и единомышленников. Адвокаты немало потрудились, чтобы с помощью разного рода процессуальных трюков затянуть процесс. При этом они не скрывали своего политического пристрастия. Один публично заявил, что будь он в Майданеке на месте своего подзащитного, то... действовал бы точно таким же образом. Второй поразил присутствующих заявлением, что его подзащитная заслуживает снисхождения, ибо убивала людей, не причиняя им... «излишних мучений». Некоторые из защитников, стыдливо признает «Франкфуртер альгемайне», «своими формулировками и аргументами временами вызывали подозрение, что они стоят не очень-то далеко от истоков, которые вскормили нацизм». Но, разумеется, поддержку и одобрение обвиняемые находили прежде всего за пределами зала суда. У бывших палачей нашлись многочисленные опекуны и покровители.

Репортерам молодежного журнала «Элан» удалось проникнуть в их ряды и сделать достоянием гласности любопытные факты. Оказывается, существует целая нелегальная организация неонацистского толка под названием «тихая помощь» для оказания моральной и материальной поддержки нацистским военным преступникам. Крупные суммы денег поступают из анонимных источников. Один из них известен. Это западногерманский Земельный банк, точнее, его бывший директор Пуллэн, сам отвечавший перед судом за финансовые махинации. Члены «тихой помощи» постоянно присутствовали в зале суда. В перерывах они вели «разъяснительную» работу среди присутствующих, в том числе школьников, а точнее, занимались открыто пронацистской пропагандой. Они пытались влиять на прессу, на органы правосудия. Особенно деятельной была фрау Юргенс. Она лично опекала обеих бестий Майданека — «Кровавую Бригиду» и «Кобылу»: подбадривала их морально, помогала деньгами. Пожилая дама писала угрожающие письма судье, а подсудимых изображала «добропорядочными гражданами, которых несправедливо оклеветали коммунисты». Не первый год фрау Юргенс опекала обвиняемых на процессах по делам нацистских преступников. Вряд ли она заслуживала бы такого внимания, если бы не одно, по меньшей мере странное, обстоятельство: тогдашний федеральный президент ФРГ г-н Карстенс присудил Жозефине Юргенс за «самоотверженную работу» Орден за заслуги перед Федеративной Республикой Германии...

Разумеется, на вызывающем поведении подсудимых не могла не сказаться общая психологическая атмосфера в стране, антисоветская и антикоммунистическая пропаганда в печати, оживление неонацистских тенденций. Вот несколько фактов из того времени, когда процесс подошел наконец к финалу. Мозаика их отливают коричневым цветом: бывший главный военный преступник Шпеер, отбыв-

ший двадцатилетнее наказание, выпустил уже третью книгу воспоминаний. У гроба бывшего адмирала и «преемника» фюрера Деница собралась толпа, символизирующая преемственность идеологии и амбиций поверженного рейха, — асы гитлеровской авиации и офицеры СС, промышленник Стиннес и графиня фон Бисмарк, бывший командующий бундесвером генерал Вуст и депутат бундестага от ХДС Зик. Возложили венок и от Рудольфа Гесса. Наследники страшного и проклятого режима напоминали о себе мемуарами и венками. Но не только. Порой гремели и взрывы, совершались нападения на склады оружия. В школах кое-где подпольно шло военное обучение желторотых юнцов, составлялись списки лиц, подлежащих ликвидации в день «Х».

Все эти факты позволяют понять мотивы вынесенного на майданекском процессе поистине скандального приговора. Прокурор требовал высшей меры наказания — пожизненного заключения для пяти обвиняемых. Суд решил, что такого наказания заслуживает только один подсудимый. Райан-Браунштайнер, «Кобыла», умертвившая тысячи узников, была признана виновной в убийстве лишь... одного заключенного. «Кровавая Бригада», имя которой чаще других называлось в связи с изуверскими преступлениями, получила двенадцать лет. А главный обвиняемый Хакман — десять лет. Грофман вообще был оправдан — в живых не осталось ни одного свидетеля, который мог бы указать на него пальцем. Остальные были осуждены на незначительные сроки наказания. Осуждены — это еще не значит — посажены в тюрьму. Трех обвиняемых тут же освободили — Петрика, Штриппеля и Эльвангера. Их выпустили на свободу по решению суда с одним условием — не покидать территорию ФРГ. Остальные осужденные знали, что освобождение не за горами. Ведь засчитывался срок предварительного заключения, принималось во внимание «состояние здоровья». Что и говорить, сердобольна боннская Фемида.

Уже накануне вечером на Мюленштрассе в Дюссельдорфе перед каменной глыбой земельного суда появилась группа людей. Некоторые, главным образом пожилые мужчины и женщины, были одеты в полосатую одежду узников нацистских концлагерей. Они стояли под непрерывным проливным дождем, развернув транспаранты: «Гитлеровским преступникам нет прощения!», «Фашизм не пройдет!» В это время от памятника Генриху Гейне на Лебедином рынке в путь двинулась колонна демонстрантов: антифашисты Дюссельдорфа устроили марш в связи с завершением судебного процесса по делу группы эсэсовских надзирателей концлагеря Майданек.

На следующее утро в ожидании приговора перед зданием суда вновь выстроились пикеты людей в полосатых

одеждах. По распоряжению председателя суда Богера на случай «демонстраций и эксцессов» власти приняли чрезвычайные меры безопасности. Не так-то просто было попасть в зал № 3, где в течение пяти с лишним лет шло разбирательство. Наконец, был оглашен приговор. В зале воцарилась мертвая тишина. В следующее мгновение она взорвалась мощным, гневным возгласом протеста. Загремело стоустое: «Никакого прощения преступникам!», «Фашизм не пройдет!»

Прокуроры опротестовали решение суда. Но дело было сделано. Душегубы фактически получили отпущение грехов. Их пухлые дела будут отныне пылиться в подвалах суда Дюссельдорфа. Но преступления майданекских палачей, как часть злодеяний гитлеризма, не могут быть преданы забвению. И не будут. Не жажда мести и реванша руководит при этом миллионами людей. О преступлениях надо помнить, чтобы не ослабла бдительность в отношении сегодняшней неонацистской угрозы, милитаризма, гонки вооружений, происков новоявленных претендентов на «мировое лидерство», весьма напоминающее гитлеровское «мировое господство».

Процесс закончен, но суд продолжается, грозный и справедливый суд народов.

ПРИЗРАКИ ОБРЕТАЮТ ПЛОТЬ

Молчи или говори что-нибудь по-лучше молчания.

Пифагор.

Молодой Генрих Гейне бросил более полутора веков назад в лицо мелким тиранам и тупым ретроgrадам, царившим тогда в Германии, слова, полные боли, гнева и горечи:

Прочь, видения былого,
Скройтесь, призраки теней!

Реакция расквиталась со страстным обличителем.

Долгие годы он был вынужден скитаться на чужбине. Его имя было предано анафеме. Правые политические деятели ФРГ до сих пор морщатся, когда произносится имя поэта. Еще бы, «видения былого» и «призраки теней» и сегодня тревожат покой Западной Германии и всей Европы. Более того, они всерьез угрожают миру, выдвигая абсурдные и опасные реваншистские требования.

Прямо скажем, поведение некоторых из них можно без колебаний отнести к безнадежным клиническим случаям. Статья некоего Финке в органе реваншистского «землячества силезских немцев» — газетенке «Шлезьер» отмечена всеми симптомами болезни, которую лечат смиренной

рубашкой. Весь опус новоявленного стратега звучит как горячечный бред. «Войска ФРГ прошли территорию стран Варшавского Договора в Центральной и Восточной Европе и вышли к советской границе, — пишет он. — День воссоединения Германии наступил». Солдаты бундесвера на улицах Варшавы и Праги, танки «Леопард» на подступах к Бресту — такое может померещиться человеку, и в самом деле остро нуждающемуся в психотерапии.

Шокирующие откровения на страницах «Шлезьер» повергли в смятение многих и на Рейне. Спасая положение, автора провокационного сочинения в пожарном порядке исключили из рядов правящей партии ХДС, окрестив желторотым юнцом, который «может сморозить и глупость». Но разве эти «кары» меняют что-либо в существе идеологии и политики влиятельных реваншистских объединений и их могущественных покровителей в политических партиях, в монополистических кругах, в вооруженных силах и прессе ФРГ? Что у них на уме, то оказалось на языке у наследника Мальбрука, который в припадке ненависти к социализму, в бреде реваншистских домогательств вслух мечтает о «стремительном прорыве бундесвера» к границам СССР, о восстановлении силой оружия сгоревшего в огне второй мировой войны германского рейха.

Масштабы, которые приняла в Федеративной Республике деятельность реваншистских объединений, вызывает тревогу по всей Европе. Волна за волной по ФРГ прокатываются массовые манифестации, устраиваемые «переселенческими» объединениями. Кое-кто пытается внушить, что речь на них идет о встрече за кружкой пива земляков, предающихся воспоминаниям юности и тоске по своим бывшим родным местам. Если бы слеты сводились к безобидным посиделкам! Правые круги злобно манипулируют эмоциями людей в своих корыстных политических целях, используют миллионы граждан ФРГ в качестве инструмента своих беспочвенных реваншистских домогательств.

Камертоном всех сборищ служит тезис о том, что «германский вопрос» остается «открытым» и юридически «Германия продолжает существовать в границах 1937 года». Таким образом, для вожаков «землячеств» не имеют никакой силы ни решения Ялты, ни Заключительный акт Хельсинки, ни «восточные договоры», зафиксировавшие европейские реалии и нерушимость существующих на континенте границ. Нельзя не видеть при этом, что острие реваншистских домогательств обращено прежде всего против народной Польши. Главарь т. н. «союза изгнанных», депутат бундестага от ХДС Герберт Чая требует возвращения «украденной родины», утверждая, что договор между ФРГ и ПНР предусматривает лишь «временное» признание суверенитета Польши над землями, расположенными к востоку от Одера и Нейсе. По его словам, этот

договор якобы «не исключает ответственности ФРГ за упомянутые земли, на которые распространяется суверенитет Германии».

Как далеко зашло дело, показывает тот факт, что острие реваншистских домогательств обращается не только на Восток, но и на Запад. Легко понять тревоги французской печати, которая отмечает, что «вечно вчерашние» в Западной Германии бросают ностальгические взгляды не только в сторону Силезии и Судетов, но и на приграничные области Франции. Мюнхенская газета «Вегвайзер» называет французские провинции Эльзас и Лотарингию «землями старого германского рейха» и проливает слезы по поводу их нынешней «трагической судьбы». Примечательно, что «аргументацию» газета черпает в книге некоего Германа Бикклера, бывшего в годы оккупации Франции заместителем гауляйтера Эльзаса. «Юманите» справедливо замечает, что пропаганда, касающаяся «утраченных позиций» как на Востоке, так и на Западе, ведется с благоволения правящих кругов ФРГ.

Не только в риторике, но и по существу в принципиальных вопросах между официальными кругами и законами реваншистских союзов проявляется родство душ. И дело не только в щедрости властей: из федерального кармана на финансирование «вечно вчерашних» ежегодно поступает 80 миллионов марок. И даже не в том, что в парламенте и госаппарате у них немало доброхотов.

Главное заключается в том, что между верхушкой «землячеств» и официальными кругами существует глубокая общность в принципиальных политических и международно-правовых вопросах. В сущности реваншизм вытекает из коренных установок политики Бонна, является составной частью его идеологии, правовых позиций, долгосрочной стратегии. Стержень его — в отказе признать окончательный и необратимый характер военных, территориальных и социально-политических итогов второй мировой войны и послевоенного развития.

Поистине программным является доклад канцлера ФРГ Г. Коля в бундестаге 27 февраля 1985 года «О положении нации в разделенной Германии». От названия доклада до его заключительного вывода — все говорит о том, что реваншизм составляет ядро внешнеполитической доктрины боннской республики. В докладе содержатся все компоненты этой доктрины: исторические, юридические, политические. Достаточно ознакомиться лишь с отдельными его положениями. «Свобода, — заявил Г. Коль, — остается ядром германского вопроса. Единство нации обязательно должно осуществиться в условиях свободы ее людей». Канцлер ставит задачу «вместе с разделом Европы преодолеть и раздел Германии» и продолжает: «Вопрос о свободе немцев, о свободе Европы является жизненно важным эле-

ментом свободного преобразования в Европе». Раскрывая смысл своих высокопарных рассуждений, канцлер сказал: «Ныне суть вопроса состоит в свободе для европейцев, которые живут по ту сторону разграничительной линии между Западом и Востоком. Европа и Германия хотят свободно перейти к единству».

Как видим, для канцлера «настоящая Европа» простирается от Бреста на западе до Бреста на востоке и он хотел бы построить единую Европу без участия и даже в противовес стране, которая внесла решающий вклад в создание самой возможности прочного мира в Европе, — без Советского Союза. Не случайно в докладе содержится любопытный экскурс в историю. Канцлер восхваляет идею, «заложенную в локарнских договорах» 1925 года, которые, как известно, гарантировали западные границы Германии, оставив открытым вопрос о ее восточных границах, и, таким образом, явились приглашением германскому реваншизму возобновить свою экспансионистскую политику на Восток — против Польши и СССР.

Выводы доклада звучат недвусмысленно. «Будучи центральным европейским вопросом, германский вопрос не таков, чтобы можно было объявить его решенным... Немецкий дом еще предстоит построить на фундаменте прав человека и гражданских прав, подводя его под крышу объединенной Европы... Германский вопрос не решен».

Гораздо прямолинейнее высказываются члены кабинета, возглавляемого Г. Колем. Вот публичное высказывание одного из них: «Договоры, заключенные со странами Восточной Европы в 70-е годы, не означают, что Бонн признал их границы, установленные после второй мировой войны». Именно так заявил министр внутренних дел ФРГ Фридрих Циммерман, выступая в мае 1985 года в Дюссельдорфе на сборище так называемого «землячества немцев из Восточной Пруссии».

К сожалению, Циммерман не одинок. С аналогичными высказываниями, полностью совпадающими с «кредо» реваншистов, нередко выступают министры: по внутригерманским отношениям — Генрих Винделен, обороны — Манфред Вёрнер, оргсекретарь ХДС — Хайнер Гайслер.

Отказываясь признать границу по Одру — Нейсе, Бонн фактически заявляет о притязаниях на земли СССР и ПНР. Отказываясь признать незаконность мюнхенского соглашения 1938 года, он ставит под вопрос границу с ЧССР. Таким образом, ФРГ оспаривает законность Ялтинской и Потсдамской конференций, определивших территориальное устройство послевоенной Европы и решивших вопрос о перемещении немецкого населения из стран Восточной Европы. Между тем союзники приняли на этот счет окончательное и бессрочное решение. В нем говорится о землях, переходящих к Польше, как о «бывших герман-

ских территориях». Как видим, три державы считали данный вопрос закрытым. Иначе они не приняли бы решения о перемещении германского населения из Польши, Чехословакии и Венгрии. Это решение преследовало цель воспрепятствовать тому, чтобы немецкие национальные меньшинства когда-либо использовались как предлог для покушений на целостность новой Польши, Чехословакии. Если эти переселенцы, а теперь и их потомки, используются в неблаговидных политических целях для разжигания реваншизма, то этот факт лишний раз подтверждает историческую правильность решения Ялты и Потсдама.

В их свете несостоятельной предстает надуманная забота Бонна о «немецком национальном меньшинстве» в социалистических странах. Сегодня вновь звучат заявления, что Бонн несет некую ответственность за судьбы польских граждан немецкой национальности и даже обязан «защищать их». Это — попытки возродить претензии «третьего рейха» выступать от имени всех немцев, гражданами какого бы государства они ни были, попытки попираť суверенитет других государств и распространить западногерманскую юрисдикцию на территории соседних стран.

Беспочвенно и стремление посеять сомнения в отношении законности западных границ Польши, представить дело так, будто они «неокончательные». Хотя в Потсдамском соглашении говорилось, что «окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирной конференции», из духа соглашения совершенно ясно, что имелось в виду лишь формально-юридическое оформление этой границы непосредственно заинтересованными странами.

Официальный Бонн, как видим, придерживается тезиса, который гласит, что мирный договор с Германией все еще не заключен, поэтому в правовом отношении «германский рейх продолжает существовать в границах 1937 года», все договорные обязательства в отношении границ рейха могут носить лишь временный характер, а в результате и весь «германский вопрос» остается открытым.

Между тем очевидно, что «мирное урегулирование» далеко не идентично «мирному договору». Разница между ними принципиальна. Если мирное урегулирование означает прекращение состояния войны и восстановление мирных отношений между государствами, то мирный договор является лишь одной и далеко не единственной формой мирного урегулирования.

Применительно к Германии эта прописная истина международного права выглядит так: западные державы отвергли все советские предложения о заключении мирного договора с центральным германским правительством и взяли курс на раскол страны и создание сепаратного боннского государства. Позднее они включили его в систе-

му западных военно-политических союзов и закрепили раскол Германии.

В октябре 1949 года возникла Германская Демократическая Республика, которая положила в основу своей государственной политики принципы Ялты и Потсдама. 20 сентября 1955 года между СССР и ГДР был подписан Договор об отношениях, который закрепил полный суверенитет ГДР в решении вопросов внутренней и внешней политики.

Возникла новая обстановка. Мирное урегулирование пошло нетрадиционным путем. 25 января 1955 года СССР объявил о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией и об установлении между ними нормальных отношений.

К 70-м годам созрели условия для завершения процесса мирного урегулирования с Германией в условиях существования двух германских государств: прекращено состояние войны, оба германских государства обрели полный суверенитет, решены вопросы репараций, переселения немцев с территорий, отошедших к другим государствам, и др. Словом, вопросы, рассматриваемые обычно при подписании мирного договора, были в основном решены. Этот процесс был закреплен системой договоров между четырьмя державами, а также между ФРГ и социалистическими странами. Наконец, процесс мирного урегулирования завершил Заключительный акт Хельсинки, закрепивший в международно-правовом порядке тот политический и территориальный статус в Европе, который сложился в результате второй мировой войны.

И вот находятся политики, которые утверждают, что германский рейх продолжает существовать в границах 1937 года. Уместно еще раз им напомнить, что германский рейх канул в Лету и на его территории возникли два суверенных и равноправных государства.

В наиболее разительной форме реваншистские амбиции ФРГ проявляются в ее политике в отношении Германской Демократической Республики. Рождение первого немецкого государства рабочих и крестьян стало событием исторической важности в жизни Европы. Оно явилось ярким выражением коренных политических и социальных изменений, которые произошли в результате великой победы народов над гитлеровским фашизмом, завоеванной в самой кровопролитной битве в истории человечества.

Но реакционные силы Запада никак не хотят смириться с этими историческими переменами. Неизменно повторяется тезис, что ФРГ и ГДР не являются друг для друга границей и между ними якобы должны существовать какие-то особые, а не обычные международно-правовые отношения. Между обоими германскими государствами, видите ли, не могут существовать взаимоотношения, регу-

лируемые международным правом, и «германский вопрос продолжает оставаться открытым».

Не забывают добавить, что ФРГ стремится к «преодолению раскола Германии исключительно мирными средствами», что к единству Германии «ведет длинный путь». Но при этом ни на минуту не оставляют сомнений, что речь может идти только о единой капиталистической Германии. Выступая в бундестаге 15 марта 1984 года, канцлер Г. Коль заявил: «Для нас европейская политика и германская политика — две стороны одной и той же медали. Быть мотором объединения Европы — это часть национальной задачи Федеративной Республики Германии... Люди в Центральной и Восточной Европе тоже хотят жить в условиях свободы... И в этом, по существу, и состоит проблема германского и европейского раскола. Свобода — условие единства».

Нетрудно расшифровать смысл слов о «свободе». Бонн провозглашает долгосрочную программу взлома социальной структуры, сложившейся в Европе после второй мировой войны, «программу отбрасывания коммунизма». Как видим, речь идет о воссоединении в государстве, которое будет выкроено по боннским меркам и которое станет частью «свободной Европы». Гораздо откровеннее, чем канцлер, об этом сказал министр по внутригерманским отношениям Г. Винделен. Целью германской политики, заявил он, остается «свободное самоопределение немецкого народа и его воссоединение в государстве, которое будет иметь такую же свободно-демократическую конституцию, какую имеет сейчас Федеративная Республика, и которое будет интегрировано в европейском сообществе». Более цинично министр вряд ли смог бы сформулировать цель распространить боннские порядки на ГДР и включить ее в систему военно-политических союзов Запада. Не случайно западногерманские политики не признают границы с ГДР, называя ее «демаркационной линией». Они не хотят строить свои отношения с ГДР на основе общепризнанных норм международного права, отказываются признать гражданство ГДР.

Законодательство и уголовное право ФРГ продолжают, как и прежде, вопреки духу и букве Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ, придерживаться вредной позиции, противоречащей праву и обеспечению нормальных отношений между обеими странами. В соответствии с этой позицией ГДР будто бы является «внутренней частью» ФРГ и уголовное право ФРГ распространяется на ГДР. Пренебрегая существованием государственного гражданства ГДР, ее граждане объявляются гражданами Федеративной Республики на основе законов ФРГ.

В соответствии с решением суда Дюссельдорфа от 3 ноября 1983 года, юстиция ФРГ, самовольно присвоив-

шая себе право защиты граждан ГДР, может подвергать их наказанию в любой части мира.

Таким образом, боннский реваншизм — явление сугубо классовое. Он ставит целью не только восстановление границ поверженного рейха, но и реставрацию капиталистических порядков на обширных территориях Европы, прежде всего в ГДР, Польше, других странах. Только слепые могут не видеть беспочвенность и обреченность этих имперских замыслов.

У колыбели боннского реваншизма стоял Вашингтон. В «документации», изданной «землячеством силезских немцев», прямо говорится: «Стартовым выстрелом для организационного сплочения силезцев была знаменитая речь тогдашнего государственного секретаря США Бирнса, произнесенная в сентябре 1946 года. В ней официально и недвусмысленно провозглашалось, что урегулирование германской восточной границы должно последовать лишь после подписания мирного договора. До того же времени официально действуют границы 1937 года. В этой связи Бирнс предостерег от неправомерного определения границы...»

Соединенные Штаты всегда рассматривали и рассматривают западногерманских реваншистов как своеобразный резерв в своем «крестовом походе против коммунизма».

Нельзя не видеть поэтому, что реваншистские амбиции Бонна являются лишь частью глобальной стратегии Соединенных Штатов, провозгласивших «крестовый поход» против коммунизма и не признающих законности «линии», разделяющей Западную и Восточную Европу. Вашингтон синхронно с Бонном обрушивается на решения Ялты и Потсдама, на сложившиеся в Европе территориальные и политические реальности. Западногерманский реваншизм вырастает, таким образом, из вашингтонского курса на пересмотр существующих в мире реальностей и тесно смыкается с ним. Подоплекой военной оси обеих стран становится идеология антикоммунистического «крестового похода». В основе всей западной политики Бонна и прежде всего отношений с США неизменно лежат классовая общность интересов и стремление подключить союзников к реализации своей центральной политической задачи — изменить ситуацию, сложившуюся в Германии после второй мировой войны, «закрыть» германский вопрос, ликвидировав социалистические достижения в Германской Демократической Республике.

Этой цели и служит военное сотрудничество между США и Бонном. По существу идеи реванша опираются на милитаристский фундамент, в основе которого лежит тесный военный альянс Бонн — Вашингтон. При прямом содействии США Федеративная Республика превратилась в ведущую военную державу западного альянса. На долю

бундесвера сейчас приходится половина сил НАТО в Центральной Европе, почти треть боевых самолетов, две трети союзных ВМС, дислоцированных в Балтийском море. Размещение американских «Першингов-2» и крылатых ракет на территории ФРГ еще глубже втягивает эту страну в омут агрессивных приготовлений США, превращая ее в стартовую площадку для нанесения первого удара по Советскому Союзу, в плацдарм авантюристических попыток ревизовать территориальные и политические итоги второй мировой войны в Европе.

Как известно, Бонн одним из первых среди союзников США изъявил готовность присоединиться к вашингтонской т. н. «стратегической оборонной инициативе», ставящей целью превратить космос в арену бесконтрольной и опасной гонки вооружений.

Резкая активизация реваншистской деятельности в ФРГ после прихода в Бонне к власти либерально-консервативной коалиции посеяла тревогу во всей Европе и нанесла существенный ущерб престижу ФРГ. Решительная борьба социалистических стран, всей европейской общественности против происков «вечно вчерашних» оказывает, несомненно, определенное позитивное воздействие на политическую жизнь Западной Германии. Время от времени на Рейне подтверждают верность договорам, заключенным ФРГ с социалистическими странами. Но слова и подлинные дела правящих кругов ФРГ настораживают. Европейская общественность с полным основанием напоминает им о необходимости неукоснительного уважения территориальных политических реальностей в Европе, о недопустимости попыток ставить под вопрос европейские границы.

Таково веление времени, с которым в Бонне не могут не считаться.

Выступая 18 декабря 1984 года в британском парламенте, Михаил Сергеевич Горбачев сказал: «Дорогой ценой досталось народам нашего континента понимание того, что ни при каких обстоятельствах нельзя потакать силам, которые и по сей день не оставляют попыток пересмотра территориальных реальностей, сложившихся в Европе после второй мировой войны. А эти реальности родились в совместной победе. Они отражены и закреплены в межсоюзнических соглашениях о послевоенном устройстве, в важных двусторонних договорах между рядом государств, в хельсинкском Заключительном акте. Приверженность всему этому призвана быть прочной преградой на пути тех, кто хотел бы поставить под сомнение итоги второй мировой войны и послевоенного развития, нерушимость границ государств в Европе. Здесь не может быть места для каких-либо двусмысленностей».

ОТРАВИТЕЛИ КОЛОДЦЕВ

СВЯТОША ИЗ АЛЬТОНЫ

Один прием буржуазной печати всегда и во всех странах оказывается наиболее ходким и «безошибочно» действительным. Лги, шуми, кричи, повторяй ложь — «что-нибудь останется».

В. И. Ленин.

Книга вышла в солидном штутгартском издательстве. Весит не меньше двух фунтов. Отпечатана на первоклассной мелованной бумаге. Пестрит иллюстрациями, на которых автор представлен не менее шестидесяти раз, начиная с суперобложки. Книга называется «Забота о Германии» и составлена из статей, речей и интервью Акселя Шпрингера.

«Кто такой Аксель Шпрингер?» — так озаглавлено предисловие. Автор вводного слова негодует: недоброжелатели создали образ богатого, могущественного, помещанного на конфликтах и подверженного националистическим галлюцинациям газетного магната. А на деле? Шпрингер был «человечен», он был «трудящимся работодателем», уважал маленьких людей и умилялся, когда таксисты запросто называли его Акселем. Он не хотел конфронтации, не искал конфликтов. Он даже говорил тихим голосом. Был набожен. «Отвернулись от бога, — поучал он, — оттого все и мучаются». Вот какой он был. И еще — утешал вдов, пекся о больных, помогал страждущим праведник Аксель. Он был экономен в еде. Дал денег западноберлинскому футбольному клубу «Херта». Мало того, сам пошел к игрокам в кабины, дружески побеседовал с ними, приободрил. Наконец, венец всех похвал — Шпрингер любил правду...

Прежде об авторе предисловия. Его зовут барон фон Засс. Поскольку титулы в наш век не очень кормят, барон промышляет пером под псевдонимом Маттиас Вальден. Один из тех, кто помешан на антисоветизме. Вальден рабо-

тает на концерн Шпрингера, находится у него на службе.

А теперь об авторе книги. Аксель Шпрингер — скончавшийся недавно газетный предприниматель. Делал бизнес столь же расчетливо и цинично, как любой другой капиталист, сбывающий сталь или молитвенники, танки «Леопард» или порнографические пленки, стиральный порошок, пиво или новости. Он, Шпрингер, торговал новостями и делал это более удачно, чем его конкуренты. Оборот концерна приблизился к двум миллиардам марок. «Богобоязненный бессребреник» отличался дьявольской хваткой, когда речь шла о дивидендах. Искал щели в системе налогообложения, чтобы платить минимальные налоги. Огромные суммы списывал как амортизационные отчисления, «прочие издержки». Ежегодно клал в свою тощую суму проповедника христианской любви к ближнему и аскетического воздержания 30 миллионов марок — на коллекционирование вилл, поместий, скаковых лошадей, картин, скульптур, старинной мебели, фарфора...

В общем, конечно, ничего в этом особенного нет. Так поступает всякий капиталист. А в ФРГ есть магнаты покрупнее и побогаче Шпрингера. Иные контролируют целые отрасли национальной экономики. В данном случае, однако, примечательны два обстоятельства: первое — Шпрингер брал под свой контроль не рынок зубной пасты или детского печенья, а хотел подчинить мысли и чувства миллионов людей, духовную жизнь общества. Второе — он был одержим мессианским бредом спасения мира от «коммунистической угрозы».

Печатные издания концерна потребляют почти в каждой западногерманской семье. Она, как правило, выпишет одну газету. Кроме того, отец по пути на работу покупает бульварную газету с кричащими заголовками, а по воскресеньям, когда не выходят ежедневные газеты, он иногда тратится на воскресную газету. Школьница дочь зачитывается одним из журнальчиков для подростков, в котором воспеваются культ кинозвезд. Юноша сын регулярно приносит домой журнал, заполненный фотографиями миловидных девушек и знаменитых футболистов. Мать время от времени покупает иллюстрированный журнал и читает истории о семейной жизни коронованных особ и будуарных тайнах знати. Если присмотреться ко всем этим изданиям, то выяснится, что 80 — 90 процентов семейного чтива составляет продукция концерна Шпрингера.

86 процентов тиража ежедневных газет и 90 процентов тиража воскресных изданий принадлежат концерну Шпрингера. Он прибрал к рукам газеты, журналы, типографии, книжные издательства, информационные и рекламные агентства. Сейчас в поле его внимания — электронные средства информации. Его люди — политики, парла-

ментарии, юристы, журналисты — добиваются введения частного радиовещания и телевидения.

В руках магната находился огромный, послушный, политически беспринципный и технически отлично оснащенный пропагандистский аппарат. Чему он служит? Проповеди насилия, культивированию низменных инстинктов, мистики, националистических предрассудков, разжиганию антикоммунизма и ненависти ко всякому общественному прогрессу. Известна роль, которую играет в духовном растлении населения ФРГ флагман шпрингеровского концерна бульварная газета «Бильд» — реакционная, пошло-обывательская, погромно-националистическая.

Начнем о ней рассказ, пожалуй, с одной печальной истории.

...Такое может присниться только в страшном сне. Ингрид Штенгель пришла в полицию и заявила, что, как она предполагает, один из ее знакомых совершил преступление — участвовал в похищении сына богатого фабриканта. Предположение молодой женщины подтвердилось. Преступника арестовали, но вскоре явились и за ней самой, как... за соучастницей похищения. Мать двоих детей, ни в чем, как подтвердило позднее следствие, не повинную, заточили в одиночную камеру.

Но главная беда этой женщины началась с того дня, когда она оказалась в поле зрения репортеров бульварной газеты «Бильд». В тюремной камере появился субъект, представившийся адвокатом. Он брался за дело — защиту арестованной — без вознаграждения. «Есть кому оплатить мои услуги...», — многозначительно произнес он. Запуганная и сломленная женщина думала только о том, чтобы вырваться из тюрьмы и вернуться к семье, к детям. Она подписала подsunутую ей бумагу. Пропать под Ингрид разверзлась. Гангстеры пера, выманив «право» на публикацию биографии фрау Штенгель, засучили рукава и взялись за дело. Появилась серия сенсационных материалов о жизни Ингрид Штенгель, полная грубых измышлений, скабрёзности, оскорбительных для человеческого достоинства характеристик. Женщину превратили в распутную, кровожадную преступницу, которая, как кричит один из заголовков газеты, «хладнокровно наблюдала, как миллионер, закованный в цепи, умирает».

Между тем Штенгель за отсутствием улик освободили. Вскоре состоялся суд. Он оправдал ее полностью и окончательно. Но дело было сделано. Имя порядочного человека втоптали в грязь. Муж подал на развод. Женщину оскорбляли на улицах прохожие, узнавая ее. Хозяин фирмы уволил ее. С тех пор она не может найти постоянного места работы. Знакомые и соседи отвернулись от несчастной. Здоровье ее подорвано. Она попала в психиатрическую больницу. Словом, погубили человека, и сделал это

бульварный листок газетного короля Акселя Цезаря Шпрингера «Бильд-цайтунг».

Мы пересказали лишь одну из десятков историй, помещенных в книге западногерманского писателя Гюнтера Вальрафа «Свидетели обвинения. Описание газеты «Бильд» продолжается». Да, продолжается. Дело в том, что в 1978 году Вальраф под именем Ганса Эссера устроился репортером в газету «Бильд». Свои наблюдения о волчьих нравах и бесстыдном цинизме этого шпрингеровского органа он изложил в книге, которая разошлась тиражом 350 тысяч экземпляров. Затем появилась вторая книга этого же автора. Речь в ней идет о людях, которые в последние годы стали жертвами газеты, жертвами в буквальном смысле слова, некоторые из них покончили с жизнью, затравленные сворой жадных до сенсаций бессердечных шпрингеровских писак.

Аксель Шпрингер, газетный магнат и близкий друг лидеров западногерманской реакции, был всесильным человеком в ФРГ. Его люди добились запрещения нового издания первой книги Вальрафа. Появление второй книги — «Свидетели обвинения» — напоминало детективную историю. Книга печаталась тайно и неизвестно где. Агенты газетного короля, а у него были собственные шпики и доносчики, рыскали по типографиям, чтобы сорвать печатание. Они всячески мешали писателю довести работу до конца. Его таскали по судам, к нему подсылали соглядатаев, за ним установили слежку. Его телефон подслушивался сотрудниками газеты «Бильд». Многие спрашивают: а обошлось ли в данном случае без помощи федеральной секретной полиции? По мнению Вальрафа, почерк этого ведомства просматривается и в некоторых других незаконных акциях шпрингеровской газеты. Люди Шпрингера нанесли писателю еще один удар. Во Франкфурте-на-Майне Вальраф создал центр координации действий жертв газеты «Бильд». В его адрес поступило около пяти тысяч писем от лиц и организаций, оклеветанных и оскорбленных газетой. Опираясь на этот материал, группа смельчаков вела неравный бой с детищем Шпрингера. В один прекрасный день, точнее в одну темную ночь, вся картотека центра координации исчезла. Ее украли. Нетрудно догадаться, чьих это рук дело.

В арсенале «Бильд» взломы, хищения — обычная практика. Да только ли «Бильд»? На страницах газеты «Вельт» были напечатаны закрытые материалы заседания специальной парламентской комиссии. Их выкрали в бундестаге, препарировали в угодном ХДС/ХСС духе и опубликовали. Уголовщина, да и только...

Перелистаем книгу «Свидетели обвинения» дальше. В ней только факты, но факты, кричащие о том, как газета фальсифицирует, манипулирует, лжет, предает ана-

феме ни в чем не повинных людей, морально уничтожает их. Появляется сообщение: «30-летняя Шарлотте Нис, член одной из коммунистических организаций, не может быть принята баварскими властями на службу, так решил административный суд». На самом деле Нис — член социал-демократической партии. Она стала жертвой пресловутого «запрета на профессии» лишь потому, что вступила в «союз юристов-демократов», в котором наряду с другими участвуют и коммунисты.

Аршинные буквы возвещают: «Артист Х. (член ХСС): Моя жена придерживается левых взглядов — развод». Ничего общего с действительными фактами это сообщение не имело. Зато последствия газетной утки были нешуточными. Жена артиста Х., преподавательница средней школы, подверглась бойкоту и оскорблениям со стороны черносотенного обывательского окружения. Ее матери, живущей в провинциальном баварском городке, звонили по телефону неизвестные лица, оскорбляя и угрожая.

В течение нескольких дней публике морочат голову чудовищными по своей нелепости историями под названием «Вампир из города Заксенхаузен» и заверяют читателя, что «немецкий школьник пил кровь девушек». Несчастного подростка доводят до грани самоубийства.

Кстати, примитивные оглупляющие истории о вампирах, монстрах, неопознанных космических объектах и «необъяснимых» страшных явлениях природы, например о взрыве, который непременно разнесет солнце и погрузит землю в вечный мрак, или об умирающей звезде, которая несется на нашу планету, о всякой другой чертовщине, неизменно присутствуют в газете, сея мистику, предрассудки, плодя невежество. Читая иные истории, невольно задаешься вопросом: в каком веке все это писалось?

В самом деле, уж не белены ли объелись господа из «дома Шпрингера»?! Ничуть не бывало. Они точно выполняют духовное завещание своего хозяина — нагнетать страх, ибо запуганный, невежественный человек — легкая добыча для политической реакции.

«Франкфуртер рундшау» опубликовала как-то целую полосу о газете Шпрингера под заголовком «Ежедневное моральное убийство», в которой пишет, что провозглашенная в конституции ФРГ свобода прессы превратилась в свободу безнаказанно попираť права и достоинства граждан. В самом деле, репортеры «Бильд» буквально шагают по трупам граждан в погоне за сенсациями. Мифическое «коммунистическое подполье» и тайные «организации красных» днюют и ночуют в кричащих заголовках бульварного листка. Скажем, задержанные полицией погромщики оказались членами неонацистской организации. «Бильд» эта деталь не смущает, она трубит, что арестованы «красные». Прокуратура подтверждает: задержанные входят в

праворадикальную организацию, «Бильд» продолжает бубнить свое о террористах, которые готовятся «похитить» одного видного политика в Мюнхене. Самые жестокие фашистские диктаторы выглядят в интерпретации «Бильд» поборниками прав человека и гуманистами, а вот патриоты, противники Пиночета или южноафриканских расистов — «террористы, красные». Дежурные блюда газеты — материалы, разжигающие недоверие и неприязнь к странам социализма, к национально-освободительным движениям, ко всем прогрессивно мыслящим людям.

Нет такой грубой лжи, к которой бы не прибегла «Бильд», чтобы очернить Советский Союз. В один из дней читатель был шокирован, прочитав набранный аршинными буквами заголовок: «840 младенцев в цистерне с водой — Советы выращивают космонавтов». Выращивают! «Бильд-цайтунг» выкладывает факты: «инкубатор» будущих завоевателей Вселенной расположен в московской больнице № 68. Сразу после рождения малышей, как мальков, выпускают в цистерну. Там они, бедняжки, живут целых пять лет, привыкая к «условиям невесомости». Бултыхаются ребятишки в дистиллированной воде, не вылезая из нее, получают свою манную кашку. Мы, заявили корреспонденту «Бильд-цайтунг», настолько натренировали будущих космонавтов, что они могут находиться под водой до трех минут. Ну, а чтобы детишки не скучали, скоро им составит компанию живой дельфин...

В дни рейнских карнавалов в ФРГ выпускают шуточную газету с остротами и нелепыми выдумками. Может быть, редакторы «Бильд-цайтунг» перепутали набор и случайно тиснули заметку, состряпанную в хмельные карнавальные дни? Нет, чертовщина о цистерне, полной новорожденных, размножена четырехмиллионным тиражом не случайно: опять Советы «что-то задумали». Собираются развесить красные знамена на звездах по всему космосу! «Советская угроза!» — кричит шпрингеровский листок. Хозяева газеты бьют в одну точку. Их цель — посеять страх, отравить отношения между ФРГ и Советским Союзом, психологически подготовить почву для осуществления натовских программ вооружения, повернуть Европу к временам конфронтации и «холодной войны».

Ну а как же с космонавтами-амфибиями? Московский корреспондент газеты «Унзере цайт» посетил больницу № 68. Там ему раскрыли «долго скрывавшуюся тайну Советов». Вот что пишет корреспондент: «Доктор Майкова, заместитель главного врача, сказала мне с улыбкой: «Вот вы видите наших космонавтов. Это 150 детей. Их лечат с помощью новейших средств и сложнейшей аппаратуры. Речь идет о детях с врожденными пороками, в том числе и детях работающих в Москве иностранных диплома-

тов. Больница пользуется доброй славой в связи со специальным подводным массажем. На Выставке достижений народного хозяйства СССР можно увидеть фотографии и материалы о методах лечения, применяемых в больнице № 68»...

Книга «Свидетели обвинения» построена на материалах газеты «Бильд», которые на первый взгляд не выходят за рамки обычной писанины бульварной газеты, — преступления, судебная хроника, интимная жизнь «звезд», жизнеописания коронованных особ, всякая дребедень о «нечистой силе». Но масса проанализированного материала позволяет автору сделать весомые политические выводы. Да, по форме это развлекательная бульварная газета, но по существу — воинствующий политический орган, назначение которого в том, чтобы, как пишет Бальраф, «подчинить духовно массы и подготовить их к безропотному восприятию авторитарного полицейского государства». Альфред Гугенберг, говорится далее в книге «Свидетели обвинения», владел газетным концерном, агрессивные нацистские и антикоммунистические издания которого внесли решающий вклад в ликвидацию Веймарской республики ордами Гитлера. Газеты концерна Шпрингера, прежде всего «Бильд», формируют политический климат в Федеративной Республике сильнее, чем все другие печатные издания. «Без него, — продолжает автор, — эта республика была бы более демократической: было бы меньше нацизма и расизма, меньше от полицейского государства, меньше шпиков, меньше недоверия, меньше лжи, меньше проституции — как сексуальной, так и политической».

...Лежат в киосках стопки бульварного чтива. Прохожие механически кладут на прилавок несколько мелких монет, зажав под мышкой газету. Увы, на киоске отсутствует плакат: «Осторожно, «Бильд»!

Придворные газетного короля нашептывали: Шпрингер не в курсе всего того, что делается в его владениях. Крайности «Бильда»? Да разве он за всем уследит? Между тем ясно как день, что газеты Шпрингера — лишь отписки его мышления и амбиций. Кредо магната прозвучало недвусмысленно: «Сегодня я делаю все, что могу, чтобы предотвратить распространение коммунизма. В сущности в этом заключается смысл всей моей жизни». Шпрингер лицемерил. Не отражение мифической угрозы с Востока, а психологическая подготовка реванша, нового «крестового похода» против Советского Союза — вот смысл всей этой возни.

Полистаем увесистый фолиант «Забота о Германии», присмотримся к статьям за подписью Шпрингера, опубликованным в газете «Вельт» как откровение пророка. Смысл их однозначен. Шпрингер вслух мечтал о реста-

вращения господства буржуазии на востоке Европы, «даже в самой России».

Аксель Шпрингер в своем концерне недвусмысленно обязал зависящих от его издательства в финансовом отношении журналистов «утверждать и поддерживать систему свободного социального рыночного хозяйства», то есть капитализма. Культивировавшаяся нацистами идеология так называемой «народной общности» всегда имела целью преуменьшение реальных противоречий и конфликтов в обществе. Особенно это касается конфликтов между предпринимателями и лицами наемного труда. Шпрингер стремился вбить в головы людей представление, будто они все сидят «в одной лодке», будто им всем одинаково угрожают бури, и поэтому им следует держаться вместе.

«Наше предприятие» в опасности, говорил владелец предприятия, когда на общем собрании отметал требования «дорогих сотрудников» об улучшении условий труда, о более широком участии в управлении производством. «Наша экономика» в опасности, — провозглашают газеты магната, — когда профсоюзы требуют повышения заработной платы или вообще объявляют в этой связи забастовку, «Нам грозит забастовка» — под такими заголовками вышла газета «Бильд-цайтунг», когда профсоюз металлистов как-то раз упорно настаивал на своих требованиях. Кто здесь подразумевался под словом «нам»? Подобное отождествление всегда используется в качестве пропагандистского средства для того, чтобы трудящимся навязать те интересы, которые идут вразрез с их собственными.

Говорят: «Мы должны экономить». Кто же должен экономить? Разумеется, трудящиеся, которым следует довольствоваться меньшим заработком, чтобы на долю предпринимателя оставалось больше прибыли.

Главное для концерна Шпрингера и других издательств — интересы предпринимателей, их стремление с помощью средств массовой информации закрепить существующие общественные отношения и баланс сил. А можно ли добиться этого без манипулирования общественным мнением?

Понятно, что само слово «разрядка» вызывает у редакторов Шпрингера аллергическую реакцию. Добрососедство с восточными соседями — это иллюзия. А день подписания восточных договоров — самый черный во всей истории Западной Германии. Название ГДР пресса Шпрингера неизменно берет в кавычки. Лицемерные причитания газет Шпрингера по поводу судьбы «соотечественников» в ГДР — всего лишь неуклюжая маскировка реваншистских амбиций.

Доминантой всего умонастроения магната была ненависть к Советскому Союзу. Она не иррациональна. В ней

отразилось понимание роли нашей страны в исторических процессах современности и бессилие остановить или изменить ход этих процессов. «Слово «реальность» убивает меня», — брюзжал магнат. Да, реальности времени не устраивали его. Шпрингер был против нормализации отношений с социалистическими государствами, но сорвать заключение «восточных договоров» не удалось. Он был против сотрудничества с Советским Союзом. Но советско-западногерманские отношения продолжают развиваться. Магнат подкапывался под форум в Хельсинки. Но общеевропейское совещание состоялось. Шпрингер предавал анафеме социальный прогресс, а идеи социального обновления мира шествуют по всей земле. События развиваются не так, как хотелось Шпрингеру и той фракции западногерманской буржуазии, рупором которой он сделал свои газеты. Сознание бессилия трансформируется в политическое пакостничество. Газеты Шпрингера превратились в придворные бюллетени Штрауса и его сторонников, стремящихся перечеркнуть плоды «восточной политики», сокрушить систему мирных международных отношений.

Жития святого Акселя из Альтоны подтверждают вывод: германская буржуазия полностью исчерпала свой моральный кредит в глазах общества. Затеяв две мировые войны и породив гитлеризм, она растоптала элементарные нормы человечности и морали.

Свою нравственную убогость и духовную пустоту она маскирует лицемерием и ханжеством. Вернемся еще раз к сочинению Шпрингера «Забота о Германии», к его благостным проповедям «морального самоусовершенствования». Покаяемся, вызывает автор к своим соотечественникам, в грехах недавнего прошлого. О чем идет речь? Значительная часть книги Шпрингера посвящена Израилю. Газетный магнат был израильским лоббистом номер один на берегах Рейна. Сионистская верхушка осыпала его милостями. Тель-Авив не скупился на звания почетных докторов разных университетов, зная, что знаки внимания окупятся. Шпрингеровская пресса — рупор наиболее воинствующих фанатичных клерикально-реакционных сионистских кругов. Все, что они делают, богоугодно: попытки в израильских застенках, бомбежки палестинских лагерей, аннексия чужих территорий, попрание национального достоинства и религиозных чувств арабов. Зато с каким гневом газеты Шпрингера обрушиваются на Организацию Объединенных Наций, которая заклеила сионизм как «форму расизма и расовой дискриминации»!

Шпрингер, как и его сионистские единомышленники, спекулировал на трагической судьбе миллионов евреев, погибших в фашистских душегубках. Спекулировал цинично, кощунственно. Кто мог поверить в искренность его чувств?! Каждый день в газете «Вельт» появлялись паск-

вильные карикатуры Хигса, того самого, который прославился при Гитлере отвратительными антисемитскими карикатурами на страницах «Штюрмера». Сколько геббельсовских выучеников, вскормленных на расовой теории Розенберга, нашли в послевоенные годы приют под крылышком этого друга Израиля! А как заботливо газеты Шпрингера выгораживают эсэсовских душегубов, надзирателей из Освенцима и Майданека, когда речь идет о судебном преследовании их в наши дни!

В одной из речей, помещенных в книге, Шпрингер выразился так, как, очевидно, и думал на самом деле. Несчастья нового времени, сказал он, начались с того, что французская революция рядом с идеалом свободы поставила идеал равенства. Это, так сказать, кардинальная ошибка истории. Социалисты переняли принцип равенства. «Но свобода и равенство, — поучал Шпрингер, — не могут стоять рядом как равнозначные величины. Теория о равенстве людей — это смертный приговор для истинной свободы».

Вот концентрированное выражение тоски по кастовому элитарному обществу, мечты об увековечении деления человечества на господ и рабов, богатых и бедных, угнетателей и угнетенных, надежда затормозить, остановить, повернуть вспять общественный прогресс.

Тщетные надежды...

ПАСКВИЛЬ В НАУЧНОЙ УПАКОВКЕ

Ложь — это воплощение зла.

В. Гюзо.

В западногерманском бундесвере вновь в ходу старый пропылившийся реквизит гитлеровского вермахта — знамена разгромленных и канувших в Лету полков и дивизий. Их будут выносить в особо торжественных случаях в качестве наглядного пособия для воспитания солдат в духе «старых боевых традиций». Не меньше заботы командование вооруженных сил ФРГ проявляет о реквизите иного рода — идеологическом, призванном выполнять ту же функцию — натаскивать военнослужащих в духе «вечных солдатских ценностей», олицетворением которых выставляют битое гитлеровское воинство. Примеров более чем достаточно. Остановимся на одном. В серии «Германский рейх и вторая мировая война» военно-исторический исследовательский центр западногерманского бундесвера издал том, который озаглавлен «Наступление на Советский Союз».

Не опечатка ли? А может быть, неточность перевода? Нет, ни наборщики, ни переводчики здесь ни при чем. Грех на совести авторов увесистого фолианта в 1192 страницы, которые умышленно избегали слов, адекватно отражающих суть событий 22 июня 1941 года, — «вероломное нападение», «неспровоцированная агрессия», «разбойничий поход». Уже этот семантический трюк авторов сборника — «наступление» вместо «нападение» — точно отражает социальный заказ их опуса — исказить историческую правду о причинах и виновниках развязывания войны, реанимировать чудовищную ложь нацистской камарильи о «предупредительном», «превентивном» характере гитлеровского нападения на СССР, взвалить на нашу страну часть вины за европейскую трагедию.

Конечно, солнца ладонью не закроешь, и правда о минувшей войне, о вкладе Советского Союза в спасение мировой цивилизации доходит до каждого человека. Даже в труде западногерманских историков есть страницы и целые главы, где авторы пытаются более или менее честно осветить ход грандиозных событий войны. Будем объективны: местами в сборнике доказательно говорится о том, как детально и заблаговременно гитлеровцы готовили нападение на СССР, разрабатывали планы порабощения и истребления советского народа, экономического ограбления нашей страны. Имеются признания авантюризма и безрассудности гитлеровских планов. Во введении, написанном западногерманским историком М. Мессершмидтом, содержатся здравые выводы о том, что Германия, являясь континентальной, а не мировой державой, «невероятно переоценила свои возможности», что надежды в политической, военной и экономической сферах оказались в этой войне иллюзорными, что Гитлер носился с планами «колониального порабощения России и насаждения расистского порядка на Востоке», что, наконец, о превентивном ударе речь и не шла, ибо все данные убеждали Гитлера, что нападения Красной Армии опасаться не следует.

Но, увы, не эти оценки определяют общий тон книги. Злобные измышления, искажение фактов, тенденциозное толкование событий, субъективная враждебность к предмету исследования — политике СССР — вот что в конечном счете определяет тональность четвертого тома из серии «Германский рейх и вторая мировая война». И объективность того или иного автора, если перефразировать известную поговорку, — лишь ложка меда в бочке дегтя. Именно дегтем мажут духовные наставники бундесвера картину второй мировой войны там, где речь идет о Советском Союзе.

Любой мало-мальски серьезный западногерманский историк признает, что операция «Барбаросса» отражала

стратегические, идеологические и политические замыслы германской правящей элиты, которая привела к власти гитлеровскую клику, чтобы ее руками осуществить планы мирового господства. Важнейшим их элементом была война с целью захвата, расчленения и порабощения Советского Союза, война на уничтожение целого народа. Еще в 20-е годы, сидя в баварской тюрьме Ландсберг, Гитлер продиктовал Гессу книгу «Майн кампф», в которой с наглой откровенностью изложил бредовую идею завоевания «жизненного пространства» на Востоке. «Говоря о новых территориях в Европе, мы должны иметь в виду в первую очередь Россию», — писал он в библии национал-социализма, вышедшей в 1925 году. Патологический антикоммунизм служил идеологической мотивировкой преступных планов захвата, грабежа, истребления. Став затем фюрером «тысячелетнего рейха», Гитлер, задолго до вероломного нападения на СССР, цинично заявил своим подручным, что решил «раз и навсегда покончить с большевистской угрозой и обеспечить Германии в Европе колонии».

Некоторые ведущие и серьезные историки ФРГ справедливо видят истоки гитлеровской агрессии в вековой политике «Дранг нах Остен», в экспансионистских устремлениях германского империализма на Восток. Но их голос перекрывается хором, с позволения сказать, тех ученых, которые извращают очевидные исторические факты и, реабилитируя нацистские преступления, изображают гитлеровскую агрессию против СССР как меру, которая была необходима для «предотвращения» советского нападения на Германию.

Тезис о «превентивной войне» гитлеровской Германии без зазрения совести эксплуатируется нашими недругами со времен Геббельса и до сегодняшнего дня. Одним из первых в послевоенные годы его вытащил на свет бывший начальник генерального штаба, закоренелый милитарист Ф. Гальдер. В своих сочинениях он возвращается к мифу об «угрозе с Востока», оправдывая тем самым задним числом германскую агрессию. Историк Г. Серафим в одном из своих трудов прямо утверждал, что Германия была вынуждена реагировать на конкретную «угрозу со стороны Советского Союза».

Вспоминается, с каким ликованием реакционный лагерь в ФРГ воспринял в 60-е годы сочинение американского псевдочужого Д. Хоггэна «Вынужденная война». Уже само название книги говорит за себя: оказывается, Гитлер совершил агрессию против соседей, будучи «вынужденным» и в «оборонительных целях». Недавно в ФРГ вышла книга некоего Валенди под претенциозным названием «Правда для Германии», в которой автор пытается доказать, что не Гитлер виноват в развязывании войны,

а соседние с Германией государства. Это, оказывается, они вынудили фюрера начать войну, чтобы «предотвратить уничтожение немецкого народа». Между тем в самой Западной Германии появилось немало публикаций, прежде всего документальных, в которых опровергается тезис о «превентивном» характере нацистского нападения на СССР. Известны слова германского посла в Москве Шуленбурга, заявившего Гитлеру 28 апреля 1941 года: «Я не могу поверить, что Россия когда-нибудь нападет на Германию». Западногерманский историк Х.-А. Якобсен из анализа множества документов сделал твердый вывод: «Германское нападение на СССР в 1941 году не было превентивной войной. Это решение Гитлера было выражением его агрессивной политики».

И вот появляется солидное исследование, в котором вновь назойливо повторяется ложь о «превентивном» характере войны, развязанной Гитлером, содержатся абсурдные утверждения, будто СССР рано или поздно «ударил бы в спину Германии» и что сделал бы это не позднее 1942 года. Случайно ли повторяют старый вздор? Конечно, нет. Мысль о «превентивной войне» — порождение идеологии и практики антикоммунизма. Уже одно существование Советского государства объявляется «смертельной угрозой христианскому Западу», и отказ от мирного сосуществования с ним, более того — война против него... провозглашаются законными, оправданными, чем-то вроде исполнения воли providения.

Нацистская банда преступников, вознамерившаяся захватить весь мир и превратить Советский Союз в свою «европейскую колонию», ловко пользовалась антикоммунизмом для идеологической мотивировки своей агрессии и оправдания своих злодеяний. Невольно напрашивается параллель со словами и делами тех империалистических кругов, стержнем политики которых является неприятие коммунизма и борьба с ним. Теория «превентивного удара» взята на вооружение Пентагоном и натовской военщиной.

Нарастающие военные приготовления НАТО сопровождаются и пересмотром его стратегии. Ее важным элементом становится американская доктрина «внезапного упреждающего удара». А разве это не та же идея «блицкрига», которая так дорого обошлась Европе? Да собственно и глобальная стратегическая доктрина вашингтонской администрации, предусматривающая первый «обезглавливающий» ядерный удар по СССР, представляет собой модификацию все той же пресловутой «превентивной войны».

Читая исследование западногерманских историков, неизменно обращаешь внимание на то, что в них важнейшие решения и события связываются с личностью Гитлера. Агрессивные замыслы в отношении СССР пытаются объ-

яснить его индивидуальными патологическими чувствами антикоммунизма и непредсказуемыми геополитическими решениями. Роль фюрера непомерно возвеличивается и делается это с определенным умыслом. Приписывая ему всю вину за развязывание войны и преступления против человечества, историки ФРГ стремятся увести от ответственности те социально-политические силы Германии — монополии, земельную аристократию, военщину, которые породили гитлеризм и которые и сегодня заправляют делами в Федеративной Республике. Одновременно с этим «гитлероцентризм» позволяет приписать одному фюреру вину за сокрушительное поражение Германии во второй мировой войне и таким образом обелить германский милитаризм и его носителей — нацистский генералитет, сколотивший после войны бундесвер и вдохнувший в него свои идеи.

Вспоминаю переданный по западногерманскому телевидению фильм «Операция «Барбаросса». Авторы ленты внушали зрителю, что эта операция была личной войной Гитлера, его генералов и нацистских главарей. Так уводили от того очевидного факта, что нападение на СССР было войной германского монополистического капитала против нового социалистического общества, войной на уничтожение Советского Союза. Словом, это была классовая битва империализма и социализма. Но как раз в комментариях к фильму ответственность определенных классовых сил Германии за трагедию Европы упорно замалчивалась.

Именно в таком ключе интерпретируются события войны и в томе «Наступление на Советский Союз». Грубо искажая предвоенную историю, его авторы пытаются поставить нашу страну на одну доску с гитлеровской Германией и возложить на нее вину за развязывание второй мировой войны. Извлекается на свет замшелый тезис о «четвертом разделе Польши» и «потворстве» со стороны СССР гитлеровским захватам в Европе. И все это делают, чтобы в конечном счете оправдать гитлеровское нападение на СССР. Авторы фолианта выдают войну между Германией и СССР за сведение счетов между двумя «тоталитарными системами» и идеологиями, как «войну на уничтожение с обеих сторон». Если вдуматься, то с помощью такого лживого довода пытаются «объяснить», а точнее оправдать фашистскую агрессию вообще и особую жестокость и бесчеловечность, с какой гитлеровцы вели войну на территории СССР, в частности. Если на Западе, внушают авторы книги, шла обычная, так сказать, «нормальная» война, то на Востоке бушевала «тотальная война на истребление», ибо столкнулись «силы зла». От таких «научных» изысканий полшага до рейгановской концепции «империи зла», против которой Вашингтон провозгласил «крестовый поход». Хороша наука! Она на глазах перерождает-

ся в политический обскурантизм, апеллирующий к библейским легендам о «неизбежном Армагеддоне» и царстве божьем. По Гитлеру, это царство олицетворялось бесчеловечным «новым порядком в Европе». По теориям антикоммунистов наших дней, оно должно воплотиться в «Рах америгана» — мир по американскому образцу.

Черня нашу страну и наш строй как «силу зла», авторы тома протаскивают идейку о некоей... «освободительной» роли немецкой армии и проводят мысль, что если бы фашистские захватчики вели себя на оккупированных территориях, так сказать, поделикатнее (без Хатыни и Бабьего Яра) и вместо виселиц пользовались полочнее средствами антисоветской пропаганды, то война могла бы и иначе закончиться. Другими словами, сожалеют, что фашистский волк, наглый и самоуверенный, не считал даже нужным прикрываться овечьей шкурой.

По накалу антисоветских эмоций отдельные разделы книги напоминают поделки геббельсовских пропагандистов. Это в полной мере относится к главе, написанной И. Хофманом. Он пользуется теми же трюками, с помощью которых нацистская газета «Фёлькишер беобахтер» в свое время внушала немцам, что «русский поход» будет приятной воскресной прогулкой. Красная Армия, по словам Хофмана, была слабой, «хрупкой» и держалась лишь на страхе перед комиссарами. Неудачи советских войск в первой фазе войны изображаются как катастрофы, а их победы — как «половинчатые» и «неполноценные». Автор чернит советское командование и глумится над героизмом советских воинов. Вообще авторы сборника никак не хотят признать, что, несмотря на первоначальные неудачи, наша армия смогла организовать активную оборону в стратегическом масштабе, обеспечивающую отражение агрессии. В результате размах и мощь наступления гитлеровской армии постепенно сужались и угасали. Наступательные способности врага истощались. И он подползал к Москве, буквально обливаясь кровью.

У западногерманских историков язык не поворачивается сказать, что одна из решающих причин провала гитлеровского «блицкрига» — это героизм советского солдата, сплоченность нашего народа, его гигантские усилия во имя победы, прочность социалистического строя. Вину за поражения вновь объясняют «роковыми просчетами» в командовании вермахтом со стороны Гитлера.

Вместо правды — однобокий вымысел, искажение, умолчания.

Но вернемся к главе И. Хофмана. Возрождая догмы нацистской пропаганды, этот историк вновь назойливо повторяет ложь о превентивном характере войны, развязанной Гитлером. В унисон с современными западными советологами он изображает искаженно ход переговоров,

которые СССР вел летом 1939 года с целью коллективного отпора агрессору, обстоятельства и цели подписания советско-германского пакта о ненападении.

В припадке антисоветских эмоций Хофман приписывает Красной Армии некие зверства и одновременно пытается оспаривать злодеяния, совершенные гитлеровской солдатней. Автор ставит на одну доску партизанскую войну с карательными действиями фашистов, утверждая, что «варварские методы применялись обеими сторонами». И вообще, по мнению автора, партизанская война противоречит международному праву...

Поразителен цинизм, с позволения сказать ученого, который ищет «аргумент» для оправдания одного из самых страшных преступлений гитлеровцев — осады с целью планомерного уничтожения Ленинграда и его населения. Оказывается, речь шла о «нормальной осаде» и «моральные упреки в адрес немецких войск лишены всякого основания». В таком же духе открытой нацистской апологетики Хофман пытается преуменьшить трагедию советских военнопленных и снять с вермахта вину за гибель бесчисленного множества их.

Десятитомное издание, выпускаемое бундесвером, появилось в атмосфере возросшей международной напряженности, и обострившейся идеологической борьбы. Антисоветская пропаганда в ФРГ носит перманентный характер. В обстановке же нарастающей гонки вооружений и размещения американского ракетно-ядерного оружия на территории ФРГ она стала особенно неистовой. Начиная со школьных учебников и кончая солидными исследованиями, с особым усердием раздувают миф о «советской военной угрозе». СССР приписывают замыслы «территориальной экспансии», стремление добиваться «распространения коммунистической системы с помощью военной силы».

Том, написанный с благословения боннского министерства обороны, подлил масла в огонь этой кампании. Он подвел «научный» фундамент, в частности, под неофашистскую и реваншистскую пропаганду, которая не стихает в Западной Германии ни на один день.

Для духовной атмосферы, которую создает такая пропаганда, примечателен еще один факт. Осенью 1981 года каждый вечер по понедельникам в квартирах миллионов западногерманских граждан раздавались музыкальные позывные многосерийной советско-американской киноэпопеи о Великой Отечественной войне.

В ФРГ лента называлась — «Незабытая война». Ее показ стал заметным событием в общественной жизни страны, вызвал широкую дискуссию и острые споры.

Надо заметить, что фильм, который видели граждане почти пятидесяти стран мира, с трудом пробивал себе доро-

гу на телеэкраны ФРГ. Решению о его показе предшествовала напряженная политическая борьба. Правые круги пытались сорвать его демонстрацию. И не скажешь, что их возня осталась безрезультатной. Обе программы телевидения ФРГ, транслирующие на всю страну, отказались показывать фильм. Он шел по третьему региональному каналу. Западногерманское радио и Южногерманское радио отобрали пятнадцать серий из двадцати. (Исключены были, например, фильмы о партизанах и о Параде Победы). Гессенское радио отважилось пропустить всего только шесть серий. А вот руководители Баварского радио вообще решили, что называется, «не пущать» — в Баварии фильм не демонстрировался, ибо он представлял собой... «русскую пропаганду». Один из мюнхенских телевизионных боссов дошел до абсурдного утверждения, будто фильм «прославляет войну». Господ, заправляющих телевизионной станцией в Мюнхене, мало смущало, что киноэпопея была изготовлена по американскому заказу, прошла с успехом по всему свету и удостоилась высокой оценки даже в органах печати, далеких от симпатий к идеалам коммунизма. Баварцы были возмущены произволом хозяев местного телевидения. Германская коммунистическая партия организовала просмотр кинофильма в Мюнхене. Народ валом валил.

Реакция публики уже на первые серии показала, что фильм о подвиге советского народа нашел путь к сердцам широких слоев населения ФРГ и помог им, прежде всего молодежи, понять смысл и значение событий, оценить жертвы и вклад нашей страны в победу над фашизмом. Многим он буквально открыл глаза. Ведь молодежь, например, мало знает о прошлом. «Этот фильм, — писала «Зюддойче цайтунг», — способен дать молодому поколению представление о теме, которая ей незнакома. Ибо она не затрагивается в наших школах. Но фильм заставит также и старшие поколения вернуться к своему прошлому, которое оно постаралось предать забвению». Еженедельник «Форвертс» подтверждал со своей стороны: «Фильм вносит важные и болезненные коррективы в наше представление о второй мировой войне». Примечательную оценку фильму дала «Кельнер Штадтанцайгер»: когда германские армии напали в 1941 году на Советский Союз, осадили Ленинград, Москву, Сталинград, когда немецкие солдаты при отступлении оставляли выжженную землю и трупы детей, женщин, мужчин, разрушенные города и деревни, советские кинооператоры всегда были на месте, писала она. Снятые ими ленты гарантируют документальную достоверность. Зрители видят кадры, которые не забудут до конца жизни. Они, эти кадры, сняты людьми, которые фильм о войне сделали фильмом против войны. Наконец, сам редактор передачи Ю. Рюле сказал: мы демонстрируем картину по-

тому, что в ней содержатся незаменимые документы против войны. Они волнуют не только русских, но и нас.

Несомненно, фильм взволновал многих зрителей. Об этом говорили их письма на телевидение и в редакции газет. «Унзере цайт» опубликовала подборку писем, весьма примечательную для настроений мыслящей части населения ФРГ. Советские люди выполнили свой патриотический долг, победив фашизм, писала Вероника Шмидт из Билефельда. Пришло время и нам, гражданам ФРГ, выполнить свой истинно патриотический долг — всеми силами отстаивать мир. Народы Советского Союза защищали свое отечество, которое они любят, и их победа — это торжество над варварством, писал Альберт Киндер из Гамбурга. Демонстрация ленты, заметил Гюнтер Зауэрбир из Хагена, совпала с подъемом борьбы за разоружение. Этот фильм потрясает многих людей, он наводит их на раздумья и даст стимулы для активных выступлений за сохранение мира, писал Людвиг Денц из Оффенбурга. Мое желание — побольше фильмов такого рода, чтобы опасность рейгановских военных планов стала очевидной для всех, подчеркивала Надя Кош из Мёрса. Как бывший фронтовик, могу сказать, фильм напоминает нам о долге сделать все, чтобы никогда больше с немецкой земли не началась война. А это значит предотвратить размещение в нашей стране американских ракет средней дальности, писал Фриц Хамм из Висбадена. Ведь цель новых агрессивных приготовлений остается все той же — нападение на Советский Союз.

Надо отметить, что в рецензиях и комментариях на телевидении и в органах печати содержалось немало объективных оценок и признаний: об успехах советской индустрии в годы войны (танк Т-34 — лучший танк второй мировой войны, оказался, как отмечают, «полной неожиданностью» для германского командования), о соучастии вермахта в преступлении против законов войны и человечности, о жестокостях захватчиков в отношении советских военнопленных и гражданского населения. Фильм, построенный на уникальных документах, говорил сам за себя.

Но кое-кто все-таки пытался заслонить солнце правды, нагромождая горы искажений и дезинформации. Реакционные круги боялись новых документальных разоблачений преступлений нацизма, очевидного свидетельства миролюбия, благородства и героизма советского народа. Они опасались воздействия фильма на сегодняшнее мышление западногерманских граждан, все большее число которых не верит в ложь о советской угрозе и все настойчивее выступает за сохранение и развитие добрых отношений с СССР, за мир, против превращения их страны в стартовую площадку новых американских ядерных ракет, другими словами, в плацдарм нового нападения на Советский Союз с немецкой земли. Силы вчерашнего дня страшились

аналогий между нацистской идеологией расизма и антикоммунизма, пропагандой гитлеровского рейха и концепциями, и действиями сегодняшних империалистических претендентов на «мировое лидерство». Шпрингеровская «Вельт», например, была явно озабочена тем, что демонстрация фильма совпала по времени с широкой дискуссией вокруг «довооружения» и нейтронной бомбы. Вот газета и ополчилась на киноэпопею, чернила ее как «пропагандистский фильм», показывающий якобы события «через московские очки». Неонацистская печать шла еще дальше, она публиковала вздор о «фальсификации истории».

Очевидно, что кое-кто использовал демонстрацию фильма как повод для оживления перманентной антисоветской пропаганды в средствах массовой информации. Хотели смазать впечатление о фильме, нейтрализовать его воздействие на умы людей.

Подали голос различные милитаристские союзы. В унисон с ними выступили деятели ХДС/ХСС. Все они шельмовали фильм как «пропаганду против собственного народа» и «оскорбление германского солдата». Генерал в отставке Нимак, председатель федерации германских солдатских союзов, выразил опасение, что фильм может... подорвать обороноспособность ФРГ. В отфильтрованных письмах читателей в той же «Вельт» утверждалось, что такие фильмы парализуют обороноспособность Запада в целом и бундесвера в особенности.

Ясно, конечно, так могут думать и говорить лишь те, кто отождествляет себя с нацистским прошлым, а поражение вермахта переживает до сих пор как личное крушение. Именно на потребу этих «вечно вчерашних» и был выпущен очередной том из серии «Германский рейх и вторая мировая война».

И СНОВА «МЕССЕРШМИТТЫ»

КРУТОЙ ВИРАЖ ТОРНАДО

*Вместо мира золотого,
Что добыт ценой смертей,
Вижу я, куются снова
Злые цепи для людей.*

Г. Гейне.

В 1940 году Фриц Тиссен, будучи уже в эмиграции, написал книгу «Я платил Гитлеру». Это был опус одного из самых богатых и влиятельных германских монополистов. В 20-е годы он возглавлял наблюдательный совет металлургического гиганта «Ферайнигте штальверке». С первых шагов Гитлера магнат симпатизировал его идеям. Он внес в кассу НСДАП около миллиона марок и оплатил такую «мелочь», как перестройка и расширение личных апартаментов Геринга. Тиссен сыграл решающую роль в том, чтобы привлечь к Гитлеру благожелательное внимание всей монополистической верхушки тогдашней Германии. Он устроил две встречи Гитлера с крупнейшими предпринимателями: первую 26 января 1932 года в фешенебельном дюссельдорфском «Индустриклубе» (это закрытое заведение существует до сих пор), вторую — у себя дома в сентябре того же года. На ней была решена судьба Германии. Промышленники и банкиры «приняли» Гитлера. Через несколько месяцев нацистский главарь стал канцлером.

Вскоре, однако, Фриц Тиссен повздорил со своими подопечными. Как и они, он полагал, что надо готовиться к войне. Еще бы, ведь пушки и броню отливали из его стали. Но Тиссен считал, что следует основательнее подготовиться к ней. Гитлер и его камарилья не соглашались с ним. А поскольку к этому времени в их руках было много власти, Тиссену пришлось ретироваться. Он уехал за границу. Значительная часть его предприятий перешла во владение новоиспеченного магната Геринга.

В послевоенные годы Тиссен вернул и приумножил свое состояние. Его наследники продолжали расширять

империю, которая вновь выпускает оружие. Концерн контролирует дюссельдорфскую фирму «Рейнметалл», выпускающую гладкоствольные пушки и башни для танков «Леопард», гаубицы, пулеметы, боеприпасы. «Тиссен индустри» производит танки, бронетранспортеры, самоходные противовоздушные ракетные установки, подводные лодки и ракетные фрегаты, а также участвует в изготовлении истребителя-бомбардировщика «Торнадо»...

Девиз хозяина другой промышленной династии — Альфрида Круппа гласил: «Верность за верность». В самом деле, ничто не могло поколебать верности клана Круппов германскому милитаризму, перед которым он имел особые заслуги, в том числе изобретение зенитных орудий, сверхмощных пушек («Большая Берта»), строительство целого подводного флота, конструирование танков, в том числе «тигров».

Хорошо известна роль Круппа в захвате власти Гитлером. Промышленник перевел в кассу нацистской партии 4 378 440 марок. Какая скрупулезность, какой учет! Да, учтено было все — и то, что эта сумма составляет всего лишь процент от прибылей, которые принесла Круппам первая мировая война, и то, что взносы в нацистские фонды обещали вернуться многомиллионными дивидендами от подготовки к новой войне. Бесноватый фюрер призывал немецкую молодежь быть такой же «твердой», как крупповская сталь. Военные заказы, захват и ограбление чужих стран принесли Круппу баснословные прибыли. Другой источник наживы — рабский труд. Во время второй мировой войны на заводах Круппа работало свыше ста тысяч военнопленных, узников концлагерей.

После войны на Западе распространился миф о том, будто Альфрид Крупп поклялся никогда больше не производить оружия. Но есть ли такое преступление, на которое капитал не пойдет ради максимальной прибыли! Сегодня концерн Круппа наращивает военное производство. Он выпускает танки, радиолокаторы, ракетное топливо, взрывчатку, двигатели, специальную сталь, имеет акции в авиапромышленности.

Крупп, Тиссен, Флик, «Мессершмитт-Бёльков-Блом» (МББ), Клёкнер, Квандт, Диль, Бош, Сименс, Ганиэль, «Дойче банк», «Дрезден банк»... По сути те же самые монополистические кланы, которые вдохновляли политику агрессии и захватов при кайзере и фюрере, и представляют сегодня самую реакционную и воинствующую фракцию крупной германской буржуазии. Магнаты — покровители Гитлера и вдохновители его разбойничьей политики овладели теперь новейшими отраслями, монополизировав наиболее прибыльное военное производство. Флик контролирует «Краусс-Маффай» (танки) и «Динамит-Нобель» (взрывчатка), Хенле — компанию «Клёкнер-Гумбольц-Дойц»

(военные грузовики, тягачи), Тиссен стоит за конгломератом из «Тиссен-Индустри А. Г.», «Бремер Вулкан», «Блом и Фосс» (военные суда, танковые корпуса), Ганиэль контролирует заводы по выпуску грузовиков МАН и специальных тягачей для американских ракет средней дальности «Першинг» и «Томагавк». Кроме того, вместе с Фликом Ганиэль образовал в 1968 году общую компанию «Моторен-унд-турбинен унион» (МТУ), которая выступает главным поставщиком двигателей для «Торнадо» и других военных самолетов. Ступенькой ниже стоит целое созвездие фирм, которые на сто процентов заняты военным бизнесом. И вновь знакомые имена: Дорнье (самолеты-штурмовики), Люрсен (торпедные катера), Хеклер и Кох (стрелковое оружие). Много фирм, имена которых при Гитлере носили различные виды оружия, поглощены более крупными компаниями — Маузер, Фокке-Вульф и другие.

Хотя свой кусок от военного пирога урывают тысячи компаний, основных «едоков» не так много: это крупные фирмы, которые сосредоточивают в своих руках более половины всей суммы заказов федерального ведомства военной техники. В их число входят известные нам «ветераны». На долю тридцати трех крупнейших фирм приходится свыше половины военной продукции. Особенно высок уровень концентрации в производстве крупных видов вооружения. «Танковую битву» и заказы на зенитные самоходные установки выиграли Флик и Крупп. Бронетранспортеры монопольно выпускает Тиссен-Хеншель, а пушки — дюссельдорфская фирма «Рейнметалл». Рынок взрывчатки, боеприпасов и бомб делят Диль, «Динамит-Нобель» и «Рейнметалл».

В авиакосмической промышленности из шести фирм осталось только две — МББ и «Дорнье». И уже поговаривают о том, что одна поглотит другую. Примечателен во многих отношениях проект «Торнадо». Он подтверждает верность ленинского положения, что производительные силы капитализма «переросли ограниченные рамки национально-государственных делений». Проект «Торнадо» — это подлинный сговор производителей оружия многих капиталистических стран. Общество «Панавия» в составе «Бритиш Айроспейс», «Аэриталия» и МББ поставляет навигационное и другое оборудование. Английская «Роллс-Ройс», итальянский концерн ФИАТ и западногерманская фирма МТУ создали европейскую компанию «Турбоунион» для совместного строительства двигателей, к производству которых подключились также американская «Боинг» и французский концерн СНЕКМА.

Электронику наряду с Сименсом производит АЭГ, с которым сотрудничает американская корпорация «Дженерал электрик». К выгодному заказу пристроились «Литтон индастрис» и ИТТ (США), итальянская «Маццони»

и английская «Феррати». Через бременскую авиакосмическую компанию «Ферайнигте флюгтехнише верке» (ФФВ), поглощенную три года назад мюнхенским концерном МББ, к проекту подключилась американская корпорация «Юнайтед технолоджи корпорейшн», во главе которой одно время стоял бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе и бывший государственный секретарь США Александр Хэйг.

Южная Бавария — один из самых живописных районов Западной Германии. В тихих долинах слышен перезвон коровьих колокольчиков, ослепительно сверкают на солнце вершины альпийских гор, уютны старинные городки со средневековыми башнями и стенами. Но для идиллии здесь все меньше остается места. Голубое небо расчерчено шлейфами «фантомов», по проселочным дорогам грохочут танки и бронетранспортеры. На макушках лесистых гор притаились радарные установки.

Южная Бавария — район максимальной насыщенности базами, гарнизонами, аэродромами, стартовыми площадками. Здесь не только бряцают оружием, но и куют его. «Вольное государство Бавария», особенно его южные районы, стали крупнейшей в Европе кузницей вооружений.

В радиусе 80 километров вокруг Мюнхена на каждом шагу натыкаешься на завод или научно-исследовательский центр, полигон или аэродром, где разрабатывают, производят и испытывают разнообразную военную технику. Одна треть военных заказов бундесвера направляется в Баварию. (Рур стоит теперь на третьем месте среди получателей этих щедрых даров.) Из одиннадцати самых крупных фирм-подрядчиков боннского военного министерства семь расположены в Южной Баварии. Среди них в порядке «весовых категорий» — МББ, «Сименс», «Моторен-унд-Турбинен унион», предприятия ИВКА, «Дорнье», «Диль» и «Краусс-Маффай». Все эти фирмы создают оружие «нового поколения»: танки «Леопард», бомбардировщики «Торнадо» и штурмовики «Альфа джет», джипы и военные грузовики, электронику и артиллерийские системы. В стоимостном выражении больше половины военной продукции производится на юге ФРГ.

Особенно бурно развивается под сенью альпийских гор аэрокосмическая индустрия. Миллиардные впрыскивания из государственного бюджета, финансовые, налоговые, юридические поблажки со стороны баварского правительства вдохнули новую жизнь в повергнутые, казалось, навсегда «мессершмитты» и «дорнье».

Созданные в ФРГ мощности военной, в том числе авиационной, индустрии значительно превосходят потребности бундесвера. В этой отрасли занято около миллиона человек. Вот почему фабриканты оружия всячески форсируют экспорт своей продукции. «Закон о контроле за оружием»

1961 года, внешнеторговые предписания, а также «Политические принципы федерального правительства, касающиеся экспорта оружия», изданные в 1971 году, предусматривали меры государственного регулирования экспорта. Каждая сделка должна была санкционироваться министерством экономики по согласованию с министерством иностранных дел и обороны. Вывоз в страны НАТО не ограничивался, в районы, где «мир под угрозой», запрещался. Но никакие законы не могли служить помехой для военных концернов. С помощью бесчисленных «исключений» власти сами девальвировали запреты, отступая каждый раз под коллективным нажимом со стороны лоббистов военного бизнеса и стран, заинтересованных в приобретении оружия. В результате за последние годы, по подсчетам печати, тридцать три государства, внесенные в боннский список, смогли приобрести в ФРГ ракеты, пушки, пулеметы, подводные лодки, в том числе Израиль и Чили.

Хрупкие шлагбаумы на пути экспорта оружия рушатся один за другим. Поощряемые безнаказанностью, нахрапистые дельцы обходят их с помощью хитроумных трюков, откровенного мошенничества, прямого подкупа. Практически нет никакого контроля за продажей «ноу-хау», по которому новейшее оружие производится, например, в Судане или Индонезии. Едва ли можно проследить за тайным экспортом, который фирмы ФРГ осуществляют через свои заграничные филиалы. Наконец, еще один канал вывоза оружия в обход законов — создание совместных компаний с зарубежными партнерами. Во многих странах, в том числе в «горячих точках», появились противотанковые ракеты производства мюнхенского концерна МББ. Как они сюда попали? Их поставила одна парижская фирма, за вывеской которой прячутся ослиные уши все того же мюнхенского концерна.

Под давлением военных монополий Бонн идет на новые послабления. В апреле 1982 года федеральный совет по вопросам безопасности ФРГ принял новые директивы, определяющие условия экспорта оружия. Ну и что ж, учтены, наконец, требования демократической общественности осадить горстку беззастенчивых дельцов, наживающихся на продаже орудий смерти? Ничуть не бывало. В новых директивах понятие «районы напряженности» вообще отсутствует. Зато подчеркивается, что экспорт оружия и военных материалов разрешается, если за него говорят жизненные интересы ФРГ, т. е. внешнеполитические соображения и интересы безопасности страны. Как и следовало ожидать, директивы не поставили никаких рамок экспорту оружия, которое фирмы ФРГ выпускают в кооперации с зарубежными партнерами. Наоборот, Бонн подчеркнул принципиально «предпочтительный» характер международной кооперации стран НАТО. Как далеко заходит либера-

лизм новых правил, видно из того, что оружие, вмонтированное в какие-то системы за рубежом, не считается выпущенным в ФРГ, например, самонаводящиеся боеголовки фирмы МББ, установленные на французских ракетах, с помощью которых во время англо-аргентинского конфликта в Южной Атлантике было потоплено несколько английских кораблей.

Торговцы смертью продолжают проворачивать многомиллионные сделки. Повсюду в мире, писал журнал «Штерн», где конфликты сотрясают страну и люди стреляют друг в друга, с жадностью расхватывают оружие с маркой «Сделано в Западной Германии». Политические симпатии коммивояжеров военного бизнеса однозначны. Они поставляют оружие фашистским и диктаторским режимам для подавления народного сопротивления, содействуют разжиганию конфликтов в горячих точках планеты.

Военно-промышленные концерны идут во главе процесса развития государственно-монополистического капитализма в ФРГ. Ни в одной отрасли нет такого тесного переплетения взаимных интересов и контактов между монополистами и госаппаратом, как в военной промышленности. И ни одна отрасль не поставлена заботами государства в столь искусственно благоприятные условия, как военная промышленность. Для получения высокоприбыльных военных заказов крупнейшие производители вооружений, составляющие ядро военно-промышленного комплекса, используют тесные связи с законодательными и исполнительными органами государственной власти, добиваются назначения своих представителей на высокие посты в военных и других ведомствах, часто приглашают на службу ушедших в отставку влиятельных генералов и офицеров, широко используют средства массовой информации и разветвленную пропагандистскую машину для сохранения и приумножения прибылей.

Для укрепления контактов между промышленниками, генералами и политическими деятелями в июне 1970 года в Бонне был создан «военно-промышленный рабочий кружок». В этом закрытом клубе заседают директора концернов, генералы и высшие чиновники. Они обсуждают перспективы производства, распределяют заказы. Кружок представляет собой лоббистский центр военно-промышленного комплекса, является воплощением процесса сращивания на высшем уровне государства, военных кругов и индустрии.

Да, как изменилась атмосфера на берегах Рейна! Если сразу после войны в правлениях фирм не принято было говорить открыто о военном производстве, говорили о «специальной технике», то теперь термин «оборонная продукция» и «выпуск вооружений» прочно вошли в лексикон деловых людей, политических деятелей, прессы. Военный

бизнес, принесший Германии и Европе столько несчастий, смог реабилитировать себя и выступает без маски. Достаточно полистать любой специальный журнал — все они пестрят рекламными образцами военной продукции. Одна из реклам оружия звучит так: «Идеи, порожденные опытом». В самом деле, индустрия ФРГ поднялась не на пустом месте. У нее немалый «опыт» оснащения германского милитаризма новейшей техникой. Иные фирмы не стыдятся напомнить о своих «заслугах». Рекламный девиз Дорнье: «Вчера, сегодня, завтра — на ведущих позициях». «Сто лет Блому и Фоссу — 85 лет военной техники». А «Крупп» подытоживает: «Опыт окупается...»

Военно-промышленный комплекс оказывает возрастающее влияние на формирование внешней и военной политики ФРГ. Он все дальше толкает страну вправо, на путь наращивания вооружений и безоговорочной поддержки милитаристского курса США. Боннская казна превращена в «магазин самообслуживания» для фабрикантов смерти. Министерство обороны ФРГ ежегодно тратит более 12 миллиардов марок на закупки вооружения. На столе министра, замечает «Шпигель», лежат еще неоплаченные счета подрядчиков на многие миллиарды марок. Но щедрость господина министра поистине беспредельна. Осуществляются планы гигантских закупок новейшей техники.

Министр М. Вёрнер намерен, например, потратить три миллиарда марок на приобретение новой противовоздушной ракетной системы НАТО «Пэтриот», хотя в ходе многочисленных испытаний она показала себя малопригодной для выполнения поставленной цели. В астрономическую сумму обойдется разработка новых моделей танка «Леопард» и противотанкового вертолета, а также приобретение американской ракетно-артиллерийской системы МАРК. Закупка 200 единиц этого оружия будет стоить более 4 миллиардов марок. После упорных торгов пять западноевропейских стран — ФРГ, Великобритания, Франция, Италия и Испания — столковались о совместном создании истребителя 90-х годов. Начиная с 1995 года должно быть выпущено 800 машин, из которых ФРГ приобретет 250 единиц для замены устаревших «фантомов». Самолет будет приспособлен также для поражения наземных целей. Для этого он может нести 4,5 тонны бомб и других боеприпасов.

Но дело не только в финансовом бремени, которое несет Бонн в рамках НАТО. ФРГ оказывает Соединенным Штатам не менее важные военно-политические услуги. В соответствии с подписанными соглашениями, США могут в «кризисных ситуациях» удвоить численность своих войск на территории ФРГ, используя соответствующую западногерманскую инфраструктуру и опираясь на содействие специально мобилизованных для оказания помощи амери-

канским соединениям резервистов. Однако главный вклад в НАТО Бонн оказывает своими вооруженными силами. Бундесвер насчитывает почти полмиллиона солдат и офицеров и 850 тысяч резервистов, которые могут быть призваны в трехдневный срок. Своими 36 бригадами полевых войск и 6 бригадами территориальной обороны бундесвер составляет половину сухопутных сил НАТО в Центральной Европе, 30 процентов авиации и одну треть западноевропейских военно-морских сил. Бундесвер, с гордостью сообщает министерство обороны в «Белой книге» за 1983 год, имеет современные системы оружия, которые «выдерживают любое сравнение» — боевые танки «Леопард-2», самолеты «Торнадо» и ракетные фрегаты Г-122.

Вводится новое оружие. Концерн «Мессершмитт-Бёльков-Блом» сконструировал «автономные» бомбы, фаустпатроны и «крылатые ракеты» с максимальной взрывной силой, которые самостоятельно находят цель и поражают ее. На вооружение поступают средства поражения, которые обладают увеличенной дальностью, площадью и мощностью действия, повышенным разрушающим эффектом, приближающим их по ряду факторов к ядерным боеприпасам малой мощности.

По своей структуре и методам обучения бундесвер — наступательная армия. Его костяком служат подвижные бронированные соединения, способные действовать в оперативной глубине. Не случайно отмечают, что бронетанковые силы ФРГ по своей мощи вышли на второе место в западном мире, уступая только американским. Эта бронированная лавина прикрывается с воздуха крупными силами, ударная мощь которых значительно возрастает по мере поступления на вооружение самолетов «Торнадо».

Политическая концепция, положенная в основу разработки этого самолета, — возрождение военной мощи, способной переиграть проигранную войну. Новый самолет — один из ее важнейших компонентов. По словам шпрингеровской «Вельт», «Торнадо» — чудо современной техники, демонстрирующее способность Запада вести успешную современную войну.

Примечательна история проекта. Первоначальный замысел построить небольшой и «дешевый» истребитель с радиусом действия в 300 километров не получил поддержки генералов и промышленников. В печать проникли любопытные сведения. Еще в октябре 1973 года на закрытом совещании заправил западноевропейской авиакосмической промышленности авиаконструктор и предприниматель Людвиг Бёльков обратил внимание на эффективность советских ракет «земля — воздух». Только на низких высотах, подчеркнул он, можно преодолеть радарный и ракетный щит русских. В таком же ключе высказался генерал Штайнхоф — в те времена командующий западногерманскими

ВВС, в прошлом — воздушный ас Геринга, пилот истребителя «Мессершмитт-109» и реактивного «Мессершмитт-262». Его вера в создателя этих машин не пошатнулась даже после того, как генерал разбился на «М-262» и остался на всю жизнь с обожженным лицом. МББ мог положиться на бравого генерала, особенно при реализации проекта «Торнадо». Нам нужен такой самолет, отчеканил Штайнхоф, который бы мог «прорываться через советскую противовоздушную систему, поражать в глубине пространства радарные установки, центры управления, аэродромы, базы снабжения».

Генерал Штайнхоф занимал одновременно пост председателя военного комитета НАТО. Следовательно, атлантическое благословение было гарантировано.

Амбиции военных заполучить самолет, который бы мог «летать до Урала», нашли живой отклик в небоскребах концернов. Торговцы смертью усмотрели в проекте шанс колоссального обогащения. Не случайно тогдашний министр обороны Г. Шмидт назвал «Торнадо» «крупнейшим технологическим проектом со времени рождения Христа». Одно из главных качеств самолета — это его способность наносить атомные удары. В сущности «Торнадо» был задуман и реализован как стратегический бомбардировщик с большим радиусом действия, позволяющий Федеративной Республике обходить запрет на строительство самолетов такого класса.

О наступательном характере бундсвера говорят не только его военная техника и организационная структура, но и та стратегия, которую Пентагону удастся навязать Западной Германии. Газета «Дойче фолксцайтунг-Тат» публикует красноречивые выдержки из секретных программ Пентагона. Перед вооруженными силами в них ставится задача «победить Советский Союз в любом конфликте». Стержнем стратегии ядерной войны является так называемое «обезглавливание». Эти бредовые идеи и лежат в основе доктрины «воздушного и наземного сражения», документа, под которым стоит подпись и командующего сухопутными силами ФРГ генерала М. Глянца. В сущности генерал подписал концепцию первого удара и наступательной войны.

Вступившая в силу в 1982 году доктрина предусматривает наступательное ведение военных действий со всеми наличными системами вооружений на «расширенном и интегрированном поле боя». Это значит, что в случае конфликта военные действия должны быть перенесены в глубь территории стран Варшавского Договора, вплоть до западных границ СССР и даже восточнее их. При этом в ход будут пущены дальнобойное и сверхточное оружие, в первую очередь баллистические ракеты, самолеты и крылатые ракеты. Уничтожающие удары предусматривается

наносить по местам сосредоточения войск «противника» в глубоком его тылу, а также по аэродромам, средствам коммуникаций, транспортным узлам и т. д. Таким путем первый эшелон войск социалистических стран должен быть отрезан от подкреплений, изолирован и разгромлен с тем, чтобы стало возможно наступление на всю глубину территории «противника». По словам «Франкфуртер альгемайне», поскольку все аэродромы «красной авиации» расположены не на самой границе, то «удар в глубину — это не роскошь, а абсолютная необходимость».

Что касается понятия «интегрированное поле битвы», то речь идет о применении всего спектра вооружений, т. е. обычного, ядерного и химического. Доктрина не предусматривает никакого особенного порога при переходе от обычного к ядерному и токсическому оружию.

Важный элемент новой доктрины авантюризма — дальнейшее наращивание обычных вооруженных сил на европейском континенте. Бывший госсекретарь Г. Киссинджер выступил с инициативой, вызвавшей немало пересудов на Рейне. Он призвал западноевропейцев взять на себя «больше ответственности» за наращивание на континенте обычных вооружений, что позволит Вашингтону освободить часть своих войск в Европе для разбойничьих операций в других районах мира. В противном случае, заявил Киссинджер, НАТО и впредь должна делать ставку на превентивный ядерный удар. В сущности позиция Бонна вполне учитывает эти американские пожелания.

Ряд органов печати морочит публике голову, уверяя ее, что увеличение обычных вооружений необходимо, чтобы повысить «ядерный порог». Между тем, как показывает пентагоновская доктрина, США исходят из применения ядерного оружия уже с самого начала возможного конфликта, даже в качестве превентивного средства.

В этом контексте становится понятным оживление интереса к западноевропейскому союзу, особому военному союзу внутри НАТО, который был создан в 1954 году шестью континентальными странами и Великобританией, формально — чтобы поставить под международный контроль перевооружение Западной Германии, а на деле — чтобы замаскировать возрождение западногерманского милитаризма общеевропейской вывеской.

Бонн неизменно выступал за оживление западноевропейского союза как «форума военно-политического сотрудничества». Его интерес к этой организации нетрудно понять. Договор о западноевропейском союзе возлагал на ФРГ ряд ограничений на производство и экспорт некоторых видов оружия, в том числе ядерного, химического и бактериологического. С годами многие ограничения были аннулированы. Так, в 1980 году сняты ограничения тоннажа подводных лодок и надводных кораблей. В декабре 1983 года

ассамблея союза предложила отменить ограничения на строительство в ФРГ дальних бомбардировщиков и ракет большой дальности. Это предложение было принято.

...В ходе осенних маневров 1983 года в ФРГ американские войска опробовали методы массовых захоронений погибших. Фотографии бульдозеров и экскаваторов, копающих братские могилы, произвели жуткое впечатление на западногерманскую общественность, показав, насколько реальны планы превращения территории ФРГ в поле истребительного конфликта. Следовать в фарватере американской политики значит ставить под вопрос само существование ФРГ — к такому выводу приходят все больше западных немцев.

На одном из «кёльнских вечеров», регулярно устраиваемых состоятельным владельцем фармацевтической фирмы в Кёльне, заместитель председателя парламентской фракции СДПГ Хорст Эмке говорил нам, что Западная Европа должна быть независимым и самостоятельным противовесом Соединенных Штатов. Надо, наконец, выступить против того бессмысленного, что творит администрация Рейгана, и твердо показать: так дальше не пойдет. США не хотят компромиссов. Для них установка «першингов» была важнее, чем достижение договоренности. Женева провалилась из-за США. Запад сознательно не сделал шага навстречу СССР. Надо было продолжать переговоры, ибо ошибкой было думать, что русские уступят, если поставить ракеты. В такой обстановке, говорил Х. Эмке, Европа должна проявить больше самостоятельности и Бонн может осуществлять часть новой европейской политики.

К сожалению, на Рейне остаются пока глухими к голосу разума. Демонстрируя атлантическую дисциплину, Бонн продолжает наращивать свою военную мощь. Зловещими символами взмывают в небо все новые эскадрильи «Торнадо». Снова «мессершмитты»?..

ТАЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ ГОСПОДИНА ФЛИКА

Яблоко от яблони недалеко падает.

Русская пословица.

Фридрих-Карл Флик унаследовал от своего отца не только заводы, акции и поместья, но и оригинальный характер. Никто не знал, какие мысли вынашивал его папаша, сумрачный старец, во время одиноких прогулок

по рейнской набережной Дюссельдорфа, закусывая на садовой скамейке принесенным в кармане бутербродом или попыхивая дешевой (не дороже 50 пфеннигов за штуку) сигарой. На следующий день биржи начинало с утра лихо-радить: чья-то невидимая рука взвинчивала или прижимала к земле курс акций, сгребала заводы, банки, рудники. Фридрих Флик считался самым богатым человеком Федеративной Республики Германии, хотя никто не знал даже приблизительно, каким состоянием он обладал. Бесспорно одно — колоссальным. Престарелый магнат — финансовый донор гитлеровской партии и личный друг рейхсфюрера Гиммлера, один из главных военных преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом, сколотил в послевоенные годы в ФРГ новую промышленную империю, на заводах которой выпускались танки и боеприпасы, авиационные двигатели и военные тягачи, сколотил исподволь, исподтишка, действуя из-за кулис.

Таким же «тихоней» представлялся сын и наследник Флика — Фридрих-Карл. О пожилом миллиардере мало что было известно общественности. Ходили лишь глухие слухи о его финансовых операциях и разгульных пирушках на роскошной вилле вблизи Мюнхена. Не больше.

И вот имя Флика не сходит со страниц печати. Оно связано со скандалом, который газета «Зюддойче цайтунг» назвала «боннским Уотергейтом». Скандал приобрел уже характер политического кризиса, обнажил глубину и масштабы коррупции и беззакония, царящих в боннских эшелонах власти, зависимость государственного аппарата ФРГ от крупного капитала, прежде всего военно-промышленного комплекса.

«Дело Флика» началось с одной из тайных финансовых операций магната, которую он провел в манере своего отца: продал пакет акций фирмы «Даймлер-Бенц» и получил два миллиарда марок прибыли. Оставалось лишь уплатить полагающийся при таких сделках налог и продолжать беспрепятственно округлять свое состояние. Но мюнхенский крез решил надуть государство и уклониться от уплаты налога. Надо было лишь доказать, что запланированные им инвестиции «пойдут на пользу экономике» Федеративной Республики. Но доказывать в действительности ничего не понадобилось. Тогдашний министр хозяйства О. Ламбсдорф заявил об «общественной пользе» произведенной операции и рекомендовал правительству освободить концерн от уплаты налога. Флик с ухмылкой положил в сейф 850 миллионов марок.

Сегодня печать называет эту сделку крупнейшим за всю историю страны экономическим преступлением, которое совершено при прямом или косвенном участии партийных боссов и федеральных министров, депутатов парламента и крупных чиновников. Следствие, начатое прокуратурой,

показало, что Флик затратил многие миллионы марок на подкуп широкого круга лиц. Можно считать доказанным, писал еженедельник «Шпигель», что на протяжении многих лет «люди Флика» одаривали политических деятелей всех крупнейших партий миллионными суммами, чтобы сделать их сговорчивее.

С ведома и при содействии этих деятелей был создан надежный механизм махинаций. Действовали цинично и лицемерно. Жертвовали средства на богоугодные цели католическому миссионерскому обществу «Зовередия». Перекрестясь, предъявляли финансовому ведомству квитанции за «пожертвования» и получали разрешение списать их с налогов. Между тем смиренные отцы из «Зовередия», воздав хвалы своему благодетелю, переводили обратно, в «черную кассу» концерна Флика 80 % его щедрых даров.

Из этой бездонной кассы и производилась подкормка боннских партий и деятелей.

Выплыло целое созвездие имен. В афере оказались замешанными канцлер ФРГ Г. Коль, министр иностранных дел Г.-Д. Геншер, премьер-министр Баварии Ф.-Й. Штраус, председатель бундестага, т. е. «второй человек в государстве» Р. Барцель. Дотошный бухгалтер Флика был излишне аккуратен. Его точнейшие записи позволяют прокуратуре выяснить, кому и сколько было дано. С 1973 по 1980 год Г. Коль получил «на нужды ХДС» 665 тысяч марок. Еще дороже котировался Штраус. Ему выплатили 1,25 миллиона марок. И это не случайно. Штраус оказал концерну немалые услуги. Например, он позаботился о том, чтобы главный подряд на производство танков «Леопард» перепал именно Флику. Баварский лидер был частым гостем в поместьях миллиардера, где в интимных беседах и формулировались решения Бонна по важнейшим экономическим и политическим вопросам. Впрочем, Штраус и не скрывал своих особых, доверительных отношений с миллиардером. Он как-то прямо заявил, что на протяжении десятилетий провел с хозяевами концерна немало часов, «обсуждая общие экономические и политические проблемы». Что касается буржуазной свободной демократической партии, то выяснилось, что она давно уже превратилась в настоящую содержанку всесильного магната.

Отец Флика носил старомодные костюмы и курил дешевые сигареты. Скарედность считал добродетелью дельца. Во всяком случае он научил сына с умом тратить каждый пфенниг. Взятки партиям и политикам выплачивались после тщательной калькуляции. Во-первых, концерн получал от подкупленных деятелей миллионные налоговые льготы. Во-вторых, — и это были гораздо более весомые услуги — эти деятели обеспечивали Флика как самого крупного подрядчика боннского министерства обороны,

выгодными военными заказами. Танки «Леопард» сходят с конвейеров фликовской фирмы «Краусс-Маффай». Через фирму «Моторен-унд-Турбинен унион» — дочернее предприятие «Даймлер-Бенц», магнат участвует в реализации крупнейшего военного заказа в истории ФРГ — в выпуске 800 новейших многоцелевых самолетов «Торнадо». Фликовские заводы «Динамит-Нобель» выпускают взрывчатку и боеприпасы.

Заботами правительственных инстанций заводы миллиардера не простаивают. Поразительно, но факт: как бы ни шумела пресса о махинациях магната, на состоянии его дел это никак не отражается. В 1983 году прибыли Флика увеличились в три раза по сравнению с предыдущим годом! Жиреющий на производстве вооружения миллиардер лихо радочно наращивает мощности. Еще бы! Бонн приступает к реализации гигантской программы переоснащения бундсвера новым поколением оружия. В небоскребах Флика производятся подсчеты. Государство намерено приобрести 4 тысячи 467 новых танков «Леопард-3» на сумму 12 миллиардов марок. Львиная доля заказа перепадает Флику. Поэтому неудивительно, что, несмотря на скандал с «пожертвованиями», курс акций фирмы «Краусс-Маффай» — один из самых высоких. Полагают, что эта же фирма получит главный подряд на производство 700 самоходных гаубиц «155-1», способных вести огонь снарядами с ядерными боеголовками. Через фирму «Моторен-унд-Турбинен унион» Флик пристраивается к прибыльному заказу на разработку «истребителя девяностых годов», а через «Динамит-Нобель» — к выпуску огромных партий новейших видов боеприпасов, противотанковых мин и пусковых ракетных установок. Срывающий высокие прибыли автомобильный концерн «Даймлер-Бенц», где Флику принадлежит 10 процентов акций, получает новые заказы на поставку тяжелых грузовиков для западногерманской армии.

Поскольку немалая часть продукции, прежде всего танки, экспортируется за рубеж, в оформлении такого рода сделок Флик широко пользуется дружественными услугами политических деятелей и государственных ведомств.

Но помимо сугубо материальных выгод подкуп партий обеспечивал Флику и могучие рычаги политического влияния на курс боннского государственного корабля. На Рейне откровенно говорят, что «пожертвования» Флика привели к руководству ХДС канцлера Коля, подтолкнули СвДП на расторжение социально-либеральной коалиции и переход в стан ХДС/ХСС, что привело к значительному поправлению правительственного курса, усилила в целом позиции крайне правых сил в стране. Отказ от политики разрядки, возрождение реваншизма и милитаризма вполне устраивают военного промышленника, ибо гарантируют ему новые баснословные прибыли.

Как ни велики масштабы скандала в связи с «делом Флика», речь идет всего лишь о верхушке айсберга. По свидетельству печати, правящие на Рейне буржуазные партии ХДС/ХСС и СвДП гораздо глубже погрязли в махинациях с «пожертвованиями» и утаиванием доходов, чем об этом можно судить по одной лишь «афере Флика». Перекопав горы бумаг, следователи вскрыли и ту часть мошенничеств и обмана, которая пряталась «под водой».

«Шпигель» пишет: «Заправки экономики — и это подтверждается документами — в течение десятилетий с помощью нелегальных миллионных пожертвований вели политику против социал-демократов и профсоюзов. Через счета «Государственно-гражданского объединения», своего рода сборного пункта пожертвований, деньги крупных промышленников текли в сейфы ХДС/ХСС и СвДП — с 1969 по 1980 год их сумма достигла 214 миллионов марок».

Особенно щедрыми были «подкормки» в предвыборные годы. В 1976 году, когда правоконсервативный блок ХДС/ХСС смог собрать 48,6 процента голосов, толстосумы отвалили ему свыше 40 миллионов марок. «Боннская прокуратура, — сообщает журнал, — доказала прежде всего то, что ХДС совместно с баварским ХСС с помощью правых и ультраправых пособников околпачивали финансовое ведомство».

Аккумулятором миллионных средств выступало «Государственно-гражданское объединение», официально зарегистрированное как организация, «осуществляющая и финансирующая общие государственно-политические задачи». На деле же объединение было центром гигантского мошенничества с пожертвованиями. Чтобы понять масштабы скандала, достаточно назвать, кто в нем замешан и кто представляет на самом деле пресловутое объединение. Его учредителями выступили в свое время крупнейшие финансисты и промышленники ФРГ — банкир Пфердменгес — близкий друг и советник Аденауэра, шеф электроконцерна АЭГ Шпенрат, председатель союза германской индустрии Берг. Правила приема были исключительно строгими, объединение напоминало тайную ложу.

При обысках на фирмах и в бюро буржуазных партий были обнаружены списки его членов — доноров, которые напоминали энциклопедию западногерманской промышленности. В числе благодетелей боннских партий назывались сталелитейная компания Клёкнер, сигаретная компания «Реемстма», энергетический концерн «Феба», химический магнат Хенкель, маргариновая монополия «Юнилевер» и другие фирмы, а также ведущие банки ФРГ. Всего названо около тысячи фирм.

Деньги текли в партийные кассы извилистыми путями. Вначале они попадали в «Государственно-гражданское объединение», в ту самую шапку, которая ходила по кругу

среди западногерманских бизнесменов. Управляющие фондами объединения, все как один столпы общества и кавалеры высших орденов Федеративной Республики, переводили собранные деньги за границу, в Лихтенштейн, на швейцарские счета трех липовых учреждений с высокопарными названиями. Одно из них, например, объявило своей задачей «борьбу» с силами «разрушительного материализма», второе — прикрывалось вывеской солидного исследовательского центра по вопросам «структурных сдвигов» в современных государствах. Правда, когда прокуратура решила ближе познакомиться с этими учреждениями, то выяснилось, что у них нет ни адресов, ни телефонов и в научных кругах о них никто и слыхом не слыхал. Впрочем, в одной науке все три конторы оказались непревзойденными — в науке мошенничества. Получив миллионные суммы из ФРГ, они тут же переводили их обратно в Западную Германию, теперь уже прямо на счета ХДС/ХСС и СвДП. Но теперь эти деньги уже не облагались налогами.

В середине 60-х годов в помощь фиктивным учреждениям в княжестве Лихтенштейн было создано аналогичное «научное общество» и в самой ФРГ — «институт государственного права и политики». Его возглавил барон фон дер Хайдте. Нет таких наград, которые бы не украшали грудь этого высокородного господина — от гитлеровского рыцарского креста с дубовыми листьями до рыцарского ордена гроба господня. Хайдте, генерала резерва, члена баварского ХСС, не без основания называют «исчадием реакции». Он один из создателей профашистской организации «Спасите свободу», заклятый враг разрядки и мирного сосуществования. Именно Хайдте подал в 1962 году в суд на журнал «Шпигель», обвинив его в «государственной измене».

И вот выясняется, что столп общества, поборник западной демократии, олицетворение христианских добродетелей — истинный мошенник. С 1969 по 1980 г. возглавляемый им институт получил от «Государственно-гражданского объединения» 80,5 миллиона марок и в свою очередь перевел эти деньги, оставив себе, разумеется, вознаграждение, на счета трех уже известных учреждений в Лихтенштейне якобы для финансирования научных исследований за границей, откуда они по известным каналам возвращались в ФРГ. С помощью Хайдте стало проще простого обворовывать государство. «Барон, — пишет «Шпигель», — мог не бояться налогового ведомства. Он выступал в качестве подставного лица. Нити держал в руках союз германской индустрии, который через «Государственно-гражданское объединение» оказывал прямое влияние на боннскую политику».

«Дело Флика» бросило яркий свет на политические нравы, царящие в боннских коридорах власти. Как стара-

тельно рядятся в тогу поборников демократии и законности иные деятели ФРГ, претендующие на право поучать других правилам хорошего тона! Политики, уличенные во взяточничестве и других нарушениях законов, пользуются любым поводом, чтобы пропеть гимн «социально-правовому» боннскому государству и бросить ком грязи в сторону социалистических стран, их образа мысли и демократических норм жизни. Сегодня еще более очевидно, чем когда бы то ни было раньше, что этим бардам западной демократии пора бы прикусить язык. Флик и другие концерны, справедливо замечает газета «Унзере цайт», купили эту республику и заставляют ее проводить антинародную политику.

Разоблачения, связанные с «делом Флика», серьезно подорвали доверие граждан ФРГ к буржуазным партиям и парламентским институтам страны.

Свыше двух третей избирателей придерживаются сегодня «крайне негативного мнения» о боннских партиях и их лидерах. Скептицизм и недоверие рядового гражданина усиливаются и откровенными попытками замять скандал. Правая печать, ставя факты с ног на голову, зашумела о «кампании» против правительства, развернутой некими «темными силами». Влиятельные круги пытались помешать работе парламентской комиссии, созданной для расследования дела. С самого начала ее работы министерство финансов отказалось предоставить досточтимым депутатам документы, которые пролили бы свет на темную историю. А те папки, которые министерство сочло все-таки возможным предоставить, были основательно «причесаны». Многие важные места, прежде всего имена, в бумагах вымараны, часть документов пропала. Один из депутатов сообщил, что выбор документов для комиссии производился с участием... людей Флика. Хороши нравы в рейнской столице! Министры — взяточники, депутаты — на побегушках у военных промышленников, выгораживающая мошенников пресса...

По мнению еженедельника «Штерн», большой бизнес не может пожаловаться «на недостаток влияния на бундестаг». С чего бы ему жаловаться? Многие депутаты парламента выступают в Бонне лоббистами монополий и банков. Когда кто-то предложил, чтобы «слуги народа» обнародовали свои доходы, в бундестаге поднялась буря. Свободные демократы особенно яростно выступили против этого предложения. По данным печати, 65 процентов депутатов бундестага представляют в федеральной столице какие-либо «экономические интересы», т. е. за щедрое вознаграждение пекутся о прибылях богачей.

У Флика в Бонне имеется целое бюро, содержание которого обходится ежегодно в один миллион марок. Возглавлял его депутат от ХСС Крайле, он же — высокопоставленный служащий концерна Флика. Нетрудно пред-

ставить себе, чьи наказания ретиво выполнял «слуга народа» господин Крайле. Флик не скрывает своего стремления и в будущем оказывать влияние на политику правительства ФРГ, финансируя партии боннской правящей коалиции. В интервью журналу «Штерн» Флик заявил о своем намерении и в дальнейшем делать крупные «пожертвования» в кассы правящих партий. «Когда я встречу с канцлером Коелем, министром хозяйства Бангеманом и министром финансов Штольтенбергом, — заявил он, — я скажу им, что во время избирательной кампании в связи с выборами в бундестаг 1987 года они могут на меня рассчитывать. Я не вижу никаких оснований отказывать им в финансовой поддержке». Можно не сомневаться, так это и было.

Подобные высказывания, подчеркнул лидер социал-демократической оппозиции в бундестаге Г.-И. Фогель, подтверждают мнение СДПГ, что фирма Флика «злоупотребляет своей экономической властью и хочет с помощью денежных пожертвований купить политическую власть».

В том же интервью Флик, касаясь традиций своего концерна, не отрицал тот факт, что во время президентских выборов в Германии в 1932 году его отец Фридрих Флик оказал значительную финансовую поддержку Гинденбургу, который в 1933 году передал власть Гитлеру. Традицию финансирования власть имущих он продолжил и в годы нацизма, «пожертвовав на нужды» гитлеровской партии 7,5 млн. марок. В благодарность за это Флик-старший получал выгодные военные заказы и рабскую рабочую силу для своих предприятий, производивших вооружение для вермахта.

В фейерверке имен, упоминающихся в связи с громким скандалом, один раз мелькнуло имя следователя Фёрстера. Неизвестно каким образом, но именно в его руки попал конец нитки из клубка разоблачений. Чиновник дал делу ход. И вот его уже отстранили от следствия и перевели из столичной прокуратуры в другой город. Теперь сообщают, что Фёрстеру, видимо, вообще придется оставить государственную службу. Видно, кое-кто энергично действует за кулисами, чтобы спрятать концы в воду.

Но было бы наивным объяснять громкий скандал, потрясший Федеративную Республику, служебным рвением рядового служащего прокуратуры и ротозейством фликовских менеджеров, не умеющих хранить тайны. Само по себе разоблачение «аферы Флика» красноречиво иллюстрирует законы джунглей, царящие в деловых и политических кругах ФРГ, да и Запада в целом. Ведь нетрудно догадаться, что не бдительность следователя Фёрстера, а закулисные интриги могущественных западногерманских и международных военно-промышленных кругов привели к громким разоблачениям мошенничества Флика. Дело в том, что Флик, пользуясь благосклонностью боннской политической

элиты, слишком широко шагал. Это не могло не тревожить его многочисленных конкурентов. В самом деле, ряд многомиллиардных заказов, нередко вопреки всеобщим ожиданиям, доставался именно Флику. Он, в частности, выиграл т. н. «танковую битву», т. е. стал главным подрядчиком на выпуск танков «Леопард», хотя все полагали, что заказ получит монополистическая группа Квадта, ибо она имела больший опыт танкостроения и изготовила уже прототип новой машины. Не тут-то было. Заботами Штрауса Флик стал монопольно выпускать «Леопарды». То же самое произошло при размещении заказа на крупную партию самоходных зенитных установок и других видов оружия.

Возрастающий экспорт изготавливаемой Фликом военной техники усиливал конкурентную борьбу на внешних рынках. «Леопард» явно обходил танки американского и французского производства. Соперники ждали случая, чтобы нанести удар. И он последовал. Его цель — не только ослабить удачливого соперника, но и припугнуть его боннских политических покровителей, сделать их более податливыми в отношении алчных домогательств других монополистических клик.

Скандал несколько лет лихорадил Бонн. Равновесия духа не терял лишь Фридрих-Карл Флик. Ему в боннской республике нечего бояться. Ни один волос не упадет с его головы. Магнат продолжает ворочать делами концерна из своего дома близ баварской столицы, ведет, как заметил репортер, как прежде, «замкнутый и несколько таинственный образ жизни»...

СКРЫТЫЕ ПРУЖИНЫ

Депутаты германского бундестага... являются представителями всего народа, не связаны наказами или поручениями и подчиняются лишь своей совести.

Основной закон ФРГ.

Их приводят в бундестаг целыми классами. Распорядитель во фраке чинно шествует впереди. Школьники рассаживаются, извлекают блокноты. Урок политического просвещения начинается. Тема — федеральный парламент и деятельность его депутатов. Все делается для того, чтобы юноши и девушки прониклись убеждением, что находятся в «цитадели демократии».

Затем по знаку распорядителя молодежь тихо покидает зал. Ее проводят по коридорам, показывают кабинеты депу-

татов, помещения фракций, комнату для прессы. Куда ее определенно не водят, так это в комнату с табличкой: «Бюро регистрации союзов». Обычная комната с казенной мебелью. Серая и скучная. Но урок на тему «боннский парламентаризм» останется неполным, если не заглянуть сюда.

В этом бюро всего-навсего регистрируют представителей фирм, союзов и организаций, пекущихся в Бонне о делах своих работодателей. Шеф отдела печати бундестага г-н Герман говорит:

— Деятельность этих представителей, называемых еще лоббистами, в нашем обществе законна. Их опыт и знания необходимы для выработки правильных законодательных актов.

Однако в общественном мнении и на страницах печати ФРГ укрепляется иная точка зрения. Еженедельник «Шпигель» констатирует: «Бесшумно работают рука об руку технократы частной экономики и государственного управления. Контроль едва ли уже возможен. Лоббисты стали частью системы».

В бундестаге существует список лоббистов, в котором перечисляются свыше 1000 союзов и организаций. Кого только в нем нет! Но, конечно, не все они делают погоду в рейнской столице. Ее делают несколько десятков посреднических бюро, представляющих Союз немецкой промышленности, объединения химии, нефти, металлургии, электроники, угля, автостроения, страховых компаний, банков, военной промышленности.

Когда, например, Бернгард Шенк звонил в свое время в министерство хозяйства или финансов, ему не нужно было каждый раз представляться. Шенк известен всем — от вахтера до министра — и без труда находил дорогу в кабинеты, охраняемые бдительными референтами и секретарями. Он — «посол» федерального союза западногерманских банкиров в Бонне, лоббист крупного масштаба. И таких, как он, в западногерманской столице — десятки.

Эти господа не прячутся. На федеральной дороге номер 9, главной артерии западногерманской столицы, одно лоббистское бюро старается затмить другое блеском золотистых окон, изысканностью внутреннего убранства. Шефы лоббистских гнезд носят титулы директоров и генеральных уполномоченных, у них громкие аристократические имена. Они разъезжают в дорогих автомобилях с шоферами. Получают в год до 250 приглашений на различного рода приемы и светские рауты. Обедают с депутатами в дорогих ресторанах.

Для них открыты все двери, их принимают в любое время. Они точно знают, где, когда и какое важное сове-

щение проходит, и непременно присутствуют на нем. Более того, они участвуют в разработке законопроектов и правительственных постановлений, дают советы и рекомендации в соответствии с правилами поведения того самого козла, которого пустили в огород.

Буржуазный журналист К. Бройхаузен, опубликовавший книгу своих наблюдений за работой закулисных дельцов, пишет: лоббизм стал в Бонне, как и в других западных столицах, целой отраслью. Он расцветает на почве отношений частных фирм с крупнейшим заказчиком — государством. Бонн, пишет автор, — это большой рынок, на котором лоббисты проворачивают выгодные дела.

Главный предмет вожделений и объект страстей лоббистов — государственный бюджет. Только бундесвер ежегодно размещает заказы среди десяти тысяч фирм. Речь идет о многомиллиардных суммах. Другой крупный заказчик — министерство транспорта и связи, которое инвестирует десятки миллиардов марок. Особым вниманием пользуется министерство научных исследований. В первые послевоенные годы фирмы сами оплачивали исследовательские и конструкторские работы. Сейчас львиную долю расходов берет на себя государство. По линии министерства научных исследований ежегодно на подкормку частных компаний ассигнуется до шести миллиардов марок. Любопытная деталь: министерство имеет план работы с «консультантами», в качестве которых фигурируют те же самые лоббисты. Среди них — агенты могущественных химических концернов BASF и «Байер», электротехнических компаний «Сименс» и «АЭГ-Телефункен», электронных, приборостроительных и других фирм.

Вмешательство заинтересованных групп в законодательную и исполнительную деятельность все больше приобретает характер непосредственного участия большого бизнеса в самом управлении государственными делами. К. Бройхаузен пишет: «Зависимость депутатов сквозит даже в формулировках их запросов и речей. Иные выступления с трибуны парламента оставляют впечатление, что их текст был продиктован и сформулирован в боннском бюро того или иного союза или организации».

Член бундестага Шмидхубер задается вопросом: не низведен ли парламент до положения нотариуса, который только принимает к сведению и облекает в законодательную форму сделки, заключенные вне сферы его влияния?

Особую активность проявляют лоббисты военно-промышленных монополий. К тому же за последние десять — пятнадцать лет около шестисот высших чинов бундесвера, выйдя в отставку, заняли высокооплачиваемые посты в военно-промышленных компаниях. Бывший командующий

ВВС Штайнхоф стал заместителем председателя наблюдательного совета самолетостроительной компании «Дорнье», генерал-лейтенант в отставке Мадер поступил на службу в американскую фирму «Белл вертолет» (военные вертолеты). Бывший инспектор сухопутных сил бундсвера Шнец кормился долгие годы в одной крупной транспортной компании. Отставной контрадмирал Тонн пекся о нуждах кильской фирмы, строящей эсминцы и подводные лодки.

Характерная деталь боннской политической кухни: выпускается бюллетень для «практической помощи в общении с властями», в котором регулярно появляются точные сведения, где и какими военными заказами пахнет и как, через кого к ним можно подобраться.

Журналистка Ингелоре Винтер в своей книге «Бонн во фраке с лентой» пишет: «Лоббисты сидят в самом парламенте и при этом не на задних скамьях, а в первых рядах». Да, в бундестаге немало промышленников, банкиров, крупных торговцев, маклеров, хозяев страховых компаний, директоров и членов правлений различных фирм. Встречаются они во всех фракциях. Прямое участие капитала в деятельности законодательных органов усиливается.

Так, в комиссии парламента по вопросам экономики практически все ведущие отрасли индустрии имеют своих представителей с мандатами «народных избранников». Как сообщал в свое время «Шпигель», «9 членов парламентской фракции ХДС/ХСС продолжают получать полное жалование в качестве служащих концернов».

Бизнес имеет своих людей и в правящих, и в оппозиционных партиях. Например, предприниматели керамической промышленности были еще недавно представлены в бундестаге, так сказать, в обоих лагерях. Во фракцию социал-демократов входил фарфоровый магнат Розенталь, во фракцию ХДС/ХСС — управляющий делами союза этой отрасли Варнке. Разные партии, а цели одни. Тандем действует в полной гармонии. Их заботами керамическая промышленность ФРГ ограждена от иностранной конкуренции. Столь же энергичными усилиями депутатов разных партий введена сложная система квот и контингентов, которая полностью отдает в руки сахарозаводчиков внутренний рынок ФРГ и позволяет им устанавливать цены на сахар по своему усмотрению. А щедрые государственные субсидии на строительство атомных электростанций? А не менее щедрые субсидии крупным землевладельцам?!

В ФРГ действует 1500 законов и 2500 постановлений, содержащих примерно 90 тысяч параграфов. И нет ни одного, который бы предусматривал кару за подкуп депутатов. Создана парламентская комиссия для изучения воп-

роса, как бороться с соблазном подкупа. Но практически дело за три года не продвинулось. Между тем соблазн так велик, а контроль за доходами депутатов так слаб, что заместитель председателя бундестага Аннемари Ренгер (СДПГ) предостерегала от опасности втягивания парламента в грязные дела. Правда, в 1972 году бундестаг принял «правила поведения», которые обязывают депутатов давать полные сведения о своих побочных занятиях и доходах. Но сколь-нибудь серьезного контроля за выполнением этого решения нет.

Нахрапистость и бесцеремонность эмиссаров монополий, их возрастающее влияние на государственные дела разрушают хрупкие пропагандистские построения о «святости» западной демократии и парламентаризма. Журнал «Шпигель» признает: «Независимый чиновник, который обязан служить общему благу, депутат, наделенный ответственностью и призванный отстаивать интересы всего народа, — не больше, чем фикция». И, наконец, еще одно признание «Шпигеля» (в переводе с немецкого «Зеркало»): «Наша республика управляется из посреднических бюро, из штабов объединений и представительств корпораций»...

«СТЕКЛЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

НЕДРЕМЛЮЩЕЕ ОКО

*Редкое счастливое время, когда
позволено чувствовать что хочешь и
говорить что чувствуешь.*

Тацит.

Незнакомец мялся. Он явно чувствовал себя неуютно под внимательными взглядами хозяина, его жены и детей-подростков. Наконец пробормотал: «Можно поговорить с глазу на глаз?» Петер Ясчек, инструментальщик, член производственного совета автомобильного завода «Опель» в Бохуме, пригласил нежданного гостя в соседнюю комнату. Тот представился: сотрудник министерства внутренних дел — и, не теряя времени, приступил к разговору: он, Мадлер (вскоре выяснилось, что настоящая его фамилия Кёнтен), хотел бы получить от Ясчека информацию о членах производственного совета фирмы «Опель», о настроениях людей, о деятельности Германской коммунистической партии. Разумеется, за вознаграждение — две тысячи марок в месяц.

Петер Ясчек обещал ответить на следующий день. Приехав на завод, он немедленно проинформировал о случившемся производственный совет, а вечером встретил у себя дома Мадлера-Кёнтена с группой своих товарищей. Увидев перед собой решительно настроенных рабочих, вербовщик струсил и выложил все как на духу.

Акция провалилась, но те, кто ее задумал, не утомнились. Они решили отомстить Ясчеку. Реакционная печать развязала кампанию гнусной клеветы. Мол, агента секретной полиции заманили в «ловушку» и подвергли «пыткам». У рабочего провели обыск, против него завели уголовное дело.

С Петером Ясчеком я познакомился в Ганновере на международной конференции против практики «запретов на профессии». Рослый, с копной темных волос и чуть опущенными усами, он рассказал о случившемся с иронией («оказывается, я его изувечил») и горечью. Попытка завер-

бовать Ясчека подтвердила, что, вопреки официальным опровержениям, ведомство по охране конституции (секретная полиция) продолжает засылать своих агентов в рабочую среду, прежде всего в выборные органы, по-прежнему практикует слежку и контроль на заводах и в учреждениях. В поле зрения — все фирмы с числом более тысячи человек, прежде всего объекты энергетической промышленности, все транспортные предприятия, автозаводы, химические компании, все предприятия, на которых хоть раз были отмечены «выступления левых экстремистов».

Система нелегальной проверки выборных представителей трудящихся вызывает возмущение в профсоюзных низах. Ведь сведения, собранные путем слежки, передаются хозяевам фирм и используются для расправы над неудобными, то есть наиболее активными и политически сознательными трудящимися. Руководство профсоюзов ФРГ выступило в свое время с протестом. Власти обещали покончить с антиконституционной практикой. Но на деле ничего не изменилось. Электронная техника секретных служб продолжает работать с полной нагрузкой. Данные на членов производственных советов по-прежнему закладываются в компьютеры, которые составляют единую контрольно-информационную систему органов безопасности Западной Германии. Личное дело любого может быть извлечено из утробы ЭВМ в считанные секунды. А утроба эта поистине бездонна.

ФРГ, как считают, обошла многие другие западные страны по размаху, полноте и совершенству системы контроля и наблюдения за своими гражданами. Еженедельник «Шпигель» отмечает, что электронная техника позволяет осуществлять «полный политический контроль над населением». Без преувеличения можно сказать, что дело идет именно к этому. Не случайно на страницах западногерманской печати замелькал образ «стеклянного», «прозрачного» гражданина, который просматривается насквозь спецслужбами.

В самом деле, с федерального гражданина ни на минуту не спускают своих мигающих глаз компьютеры полиции, секретных служб, а также банков, больничных касс, компаний социального страхования, бирж труда и множества других ведомств. Он «охвачен» со всех сторон. Подробная информация о его политических взглядах, об участии в митингах и демонстрациях, об общественной деятельности, вообще о его материальном положении, о здоровье, слабостях и недостатках, включая физические, о его родных и знакомых, о поездках и контактах, наконец, оттиски пальцев — содержатся в цепкой памяти электронных установок и хранятся до конца жизни.

Иголка пропала в стог сена: ищут террористов. Ворочают весь стог. Система, которую применяют при этом слу-

жащие уголовной полиции, называется «сетчаткой». Она напоминает что-то вроде огромного сита. Через него пропускают сведения на сотни тысяч граждан, чтобы отсеять по определенным признакам единицы, подозреваемые в антигосударственной деятельности.

Тревогу вызывает то обстоятельство, пишет западно-германская печать, что под подозрением могут оказаться многие тысячи вполне лояльных граждан. Любой студент, чьи счета за электричество или снимаемый им угол оплачиваются родителями, может оказаться в поле зрения полиции. Его ждут неприятности. Вокруг него возникает невидимое поле подозрительности. Начинают опрашивать его соседей, знакомых, почтальона, домовладельца... Страх расползается вокруг несчастного. Возникает парадоксальная картина: ни в чем не повинный студент вынужден доказывать свою невиновность.

Иллюстрированный журнал «Квик» сообщил, что федеральное ведомство по уголовным делам в ходе выборочных проверок пользуется, помимо картотеки, заведенной на клиентуру электрическими и газовыми компаниями, еще и сведениями на граждан из шестнадцати других источников. Например, человек, внося в банк квартирную плату, не подозревает, что может оказаться на учете в полиции, — банки предоставляют ей необходимые сведения. Человек, приобретая билет на самолет, не догадывается, что соответствующие данные на него будут направлены авиакомпанией в уголовную полицию для возможного использования. «Квик» утверждает, что готовится выборочная проверка всех абонентов телефонной сети, владельцев индивидуальных автомобилей и т. д.

Особенно «прожорлив» компьютер ПИОС (лица, организации, объекты, вещи) федерального ведомства по уголовным делам. Он призван накапливать сведения о людях, подозреваемых в террористической деятельности, содержит данные о многих тысячах граждан и 5500 организациях. Но все чаще речь идет о лицах, в отношении которых вообще не существует никаких конкретных подозрений. Если человек случайно оказался в одном купе с тем, кто подозревается в террористической деятельности или критически высказался о методах борьбы государственных органов с терроризмом, его непременно возьмут на учет. В поле внимания ПИОС оказались десятки тысяч участников экологического движения. Например, демонстранты, протестующие против сооружения ядерных объектов без достаточной гарантии безопасности для окружающей среды, населения. Другой компьютер — ИНПОЛ — хранит миллионы отпечатков пальцев и множество сведений не только о правонарушителях, но даже о пострадавших и свидетелях. Обе системы связаны с компьютером ведомства по охране конституции.

Органы полиции и безопасности пользуются также множеством других источников информации. Например, федеральное ведомство по труду располагает полными данными о тридцати миллионах граждан, в том числе детальной медицинской и психологической характеристикой. Человеку не дадут направления на работу, не заглянув в его дело. Другой пример: двадцать четыре миллиона персональных досье накопила «Шуфа» — объединение банков, сберкасс, жилищных компаний. В год оно выдает по заявкам своих клиентов миллионы справок. Человек ищет жилье, хочет застраховать свою жизнь или приобрести что-то в кредит — без негласной санкции «Шуфа» он ничего этого сделать не может.

Особое внимание, как говорилось, уделяется рабочему движению. Ведется слежка за выборными рабочими представителями — членами производственных советов.

«Просвечиванию» подвергаются десятки тысяч людей. Среди них идет вербовка агентов, что, по мнению бывшего баварского министра внутренних дел Тандлера, «в определенных случаях вполне допустимо». Летом 1983 года стало известно, что ведомство по охране конституции держит под наблюдением «высшие профсоюзные круги» страны и в курсе всей тактики профобъединений во время тарифных переговоров с предпринимателями.

В тройке секретных служб — федеральная служба информации (БНД), проще говоря — разведка, ведомство по охране конституции, т. е. секретная полиция, и военная служба контрразведки (МАД) — последняя все больше набирает силу. Она оскандалилась в громком «деле генерала Кислинга», скомпрометировав его на основе сфабрикованных сведений. Теперь эта служба скомпрометирована сама, но уже на основе вполне достоверных данных. Стало известно, что МАД давно уже действует в сферах, весьма далеких от бундесвера. Мало того, что она дотошно проверяет теперь мысли всех призывников, не говоря уже об офицерском составе. В 1982 году МАД провела свыше двухсот тысяч проверок и получила от других спецслужб еще 357 тысяч информации об интересующих ее лицах. Военная контрразведка ведет также наблюдение за тысячами сугубо гражданских лиц, делая это в тесном контакте с другими службами. Дело доходит до абсурда: в досье МАД значатся граждане, которым уж определенно не придется служить в вооруженных силах — лица старше семидесяти и даже восьмидесяти лет. Неизменно фиксируются все участники антивоенных демонстраций. В картотеку можно угодить случайно: достаточно, например, запарковать машину в районе, где проходит демонстрация.

Еженедельник «Шпигель» подтверждает, что военные спецслужбы ведут наблюдение за лицами, которые не имеют ничего общего с армией, и «накапливают данные

на них — детей, стариков, женщин и иностранцев, деятелей искусства, политиков, писателей. Кто раз попал в картотеку, остается там».

В особой картотеке МАД накопились сведения на 50 тысяч граждан. Речь идет практически обо всех, кого можно назвать «левым». В этом досье числится писатель Б. Энгельман, профессор В. Енс и профсоюзный деятель Г. Бук. Весь их проступок состоит в том, что в 1975 году они подписались под петицией — «30 лет освобождения от гитлеровского фашизма». В досье были внесены пастор М. Нимёллер (неоднократно брался на заметку за выступления против ядерной угрозы), писательница И. Древиц (проявляла активность в международном женском движении), член гамбургского сената Хельга Шухарт (высказывалась против обучения чилийских офицеров в ФРГ), крупный издатель Р. Дюмон, известный в ФРГ сатирический актер Д. Хильдебрант и многие другие. Одновременно МАД сквозь пальцы смотрит на неонацистские происки в бундесвере. До сих пор контрразведка «не смогла» установить, кто из пилотов «люфтваффе» салютовал на своем «фантоме» над кладбищем, где хоронили бывшего гитлеровского воздушного аса и любимца фюрера полковника Руделя, да и искали ли его? Рудель, с ведома министра обороны М. Вёрнера, был частым гостем в казармах бундесвера, выступал перед солдатами, раздавал свои книги. МАД, как подчеркивает печать, не замечает активности хорошо организованных групп неонацистов в бундесвере.

Система всеобщей слежки, в которой МАД представляет собой лишь один из приводных ремней, продолжает совершенствоваться на новейшей технической базе. Серьезную опасность для гражданских прав представляют, по словам многих демократов, новые удостоверения личности — пластмассовые карточки с персоналиями и цифровым кодом, которые закладываются в компьютеры и позволяют мгновенно получить обстоятельную информацию на любого гражданина. Новая карточка в сочетании со всеохватывающей сетью электронных машин позволит властям, как опасается общественность, довести до совершенства систему слежки и контроля за населением.

Понятно, острие всех этих мер нацелено против прогрессивных граждан и организаций, прежде всего против Германской коммунистической партии. Негласная слежка, подслушивание телефонов, вскрытие писем, практика «запретов на профессии», попытка вербовать агентов призваны ослабить влияние коммунистов, изолировать их в обществе, отпугнуть от них широкие слои демократов. Но очевидно также, что происки против ГКП переросли уже в практику поголовной слежки за гражданами, независимо от их политических взглядов, привели к грубому попранию

демократических прав вообще. Как далеко зашло дело, показывают отчеты бывшего федерального уполномоченного.

Как-то на пресс-конференции в Бонне он вновь признал серьезные нарушения положений об охране сведений. Многие ведомства продолжают накапливать данные о гражданах, обмениваются и даже торгуют этими сведениями. Уполномоченный говорил об угрозе злоупотреблений и жаловался на отсутствие действенного контроля. Комментируя его отчет, «Зюддойче цайтунг» подчеркивала, что действующие законы и распоряжения нарушаются.

Наивна вера солидной газеты в рыцарство властей, особенно в свете громких разоблачений, которые время от времени лихорадят официальный Бонн.

Да, компьютеры умеют молчать, и тайны секретных служб — за семью замками. Но время от времени они выплывают на поверхность, раскрывая перед шокированной общественностью целый мир беззакония и произвола, ответственность за которые несут сами столпы общества.

Некоторые скандальные разоблачения начинаются как банальные криминальные истории.

...В четыре часа утра к подъезду виллы в фешенебельном районе Мюнхена подкатили полицейские машины. Ранние гости переворошили в доме все, пока в тайнике за каминном не обнаружили стопку бумаг. Но полицейская акция несколько запоздала. Когда импозантного хозяина виллы, господина с бородкой и в темных очках, везли в кутузку, в киосках появился свежий номер журнала «Конкрет». В нем был напечатан документальный материал: «Операция Ева». Откровения сотрудника БНД».

Речь шла о сотруднике западногерманской разведки докторе Гансе Лангемане. У него неожиданно развязался язык. И от этого кое-кому в Мюнхене и Бонне стало не по себе. Используя магнитофонные записи и устные заявления бывшего сотрудника БНД Лангемана, журнал приоткрыл завесу над деятельностью секретных служб ФРГ. Речь идет главным образом о шестидесятих годах, но эстафета многих «мокрых» дел дошла и до наших дней.

Надо сразу отметить, что Лангеман очень много знает. Он проработал на руководящих постах в штаб-квартире БНД в Пуллахе, вблизи Мюнхена, тринадцать лет и отвечал долгое время за выполнение «специальных заданий», которые тогдашний шеф разведки генерал Гелен опекал лично. Как рассказал «Конкрет», в послужном списке Лангемана не менее десятка операций, при осуществлении которых использовался стандартный набор средств западных шпионских центров — подкуп, запугивание, похищения, дезинформация. Лангеману удалось заслать агентов в ближайшее окружение американского президента Никсона (операция «Дело канцлера»). По приказу из Пуллаха агент с помощью ЦРУ изъясился из обращения в национальном

архиве в Вашингтоне документы о нацистском прошлом тогдашнего федерального канцлера Кизингера (ХДС), в частности, касающиеся его связей с Эйхманом. Герой этой истории приложил руку к шпионской деятельности в годы американской интервенции во Вьетнаме, когда западногерманские агенты совместно с сайгонскими службами собирали информацию о деятельности транснациональных монополий, нацелившихся на эксплуатацию нефти в прибрежных водах Вьетнама. Под руководством генерала Гелена служба БНД проводила операции и внутри страны. Особенно бдительно ее агенты следили за «восточными контактами», стремясь блокировать всякую нормализацию отношений ФРГ с социалистическими государствами. В поле их внимания, в частности, находился известный деятель СДПГ Эгон Бар.

Но, пожалуй, наиболее крупной акцией господина с бородкой и в темных очках была «Операция Ева». Названа она была так потому, что ведомство Гелена помещалось в доме № 37, штаб-квартире БНД в Пуллахе, в том самом, где в свое время встречался Гитлер с Евой Браун.

Итак, «Операция Ева». Полею ее был избран Ватикан, где служба БНД охотилась за информацией, касающейся прежде всего «восточной политики» Ватикана и отношений между Востоком и Западом. Организаторы операции руководствовались правилом: если не удастся заполучить информацию непосредственно из социалистических стран, то ее надо добиваться обходными путями на Западе. Руководителем операции назначили Лангемана. Он же — доктор Люкрат, он же — доктор Людвиг, он же — агент «237А». Честолюбивый карьерист вскоре внедрил своих людей в ближайшее окружение папы. В списке завербованных осведомителей значились крупные промышленники, чиновники, политические деятели, военные, дипломаты, священники. Примечательно, что большинство из них — специалисты по социалистическим странам. Наиболее ценные сведения поставлял прелат Брунелло (агент «Бруно»), бывший одно время личным советником папы. За солидное вознаграждение этот шпион в черной сутане отправлял в Пуллах горы информации.

Цель христианских демократов, возглавлявших тогда в Бонне правительство, а также реакционной верхушки разведорганов ФРГ состояла в том, чтобы вставлять палки в колеса восточной политики Ватикана, в которой при Иоанне XXIII и Павле VI намечались некоторые позитивные перемены.

После прихода к власти в Бонне социал-либеральной коалиции в 1969 году Лангеману пришлось искать другую работу. На биржу труда состоятельному агенту (богатое наследство плюс выгодная женитьба) не пришлось идти. К тому же мюнхенские друзья позаботились о нем, посадив

его в кресло шефа госбезопасности Баварии. Непосредственным начальником Лангемана стал его покровитель — министр внутренних дел баварского правительства Тандлер, один из приближенных Ф.-И. Штрауса. И вот налаженная зарубежная шпионская сеть заработала... на «вольное государство Бавария».

Римские контакты Лангемана еще больше поднялись в цене в связи с польскими событиями. Служба БНД заинтересовалась ими. Третьего февраля 1981 года, сообщает еженедельник «Конкрет», заместитель шефа западногерманской разведки Клузак встретился с Лангеманом. Выяснилось, что Пуллах не удовлетворен объемом разведанных о событиях в Польше и хотел бы, чтобы ватиканские источники информации вновь забили в полную силу.

Лангемана, несомненно, ожидали повышения и награды, если бы не некоторые обстоятельства. У баварского Джеймса Бонда была привычка вести детальные записи своих «подвигов». Многие тетради полиция успела конфисковать при аресте. Но, судя по всему, кое-что еще осталось. Во всяком случае Лангеман грозился: «У меня на руках еще много козырей». Речь идет о пикантных сведениях, касающихся неблаговидных дел бывших хозяев агента. Например, Лангеман и его аппарат оказывали немало услуг лично Штраусу. Они заботились о том, чтобы финансовые аферы баварского политика, в частности связь с делом американского авиаконцерна «Локхид», остались тайной для общественности. Много компрометирующего зафиксировано в дневниках агента и о частной жизни баварских деятелей. Трудно сказать, с какой стати Лангеман решил вдруг «выложить» все это: то ли он сводил старые счета со своими работодателями, то ли его обуяли литературные амбиции — агент мечтал написать серию книг. Во всяком случае представленные им материалы, в том числе копии секретных документов, показывают, что служба БНД, как пишет «Конкрет», «располагая миллионными фондами, делает собственную политику. На нее работают журналисты и священники, статс-секретари и министры, дипломаты и уголовники, женщины полусвета и дамы из аристократических кругов».

Несколько месяцев «дело Лангемана» не сходило со страниц западногерманской печати. Им занималась специальная комиссия баварского ландтага, были опрошены десятки свидетелей, в том числе высокопоставленных, исписаны горы бумаги. В разгар разбирательств члены комиссии от ХСС неожиданно решили прервать заседание. Поспешность господ депутатов можно объяснить лишь боязнью, как бы достоянием публики не стали кое-какие документы из сейфов мюнхенского министерства внутренних дел и западногерманской разведслужбы.

Вообще вокруг «дела Лангемана» происходили зага-

дочные явления. Свидетелем одного из них невольно стали миллионы западногерманских телезрителей. Во всех программах было объявлено, что в передаче «Панорама» будет показан фильм об этом деле. Но в последнюю минуту ведущая передачу в растерянности сообщила, что «по необъяснимым причинам пленка вдруг исчезла из студии». Известно, что в фильме содержались дополнительные материалы о деятельности определенных служб ФРГ. Надо ли говорить поэтому, кому понадобилось похищать киноматериал, да еще на глазах широкой публики!

А вот вторая история. На сей раз в скандале оказались замешанными верхушка бундесвера и вновь военная контрразведка ФРГ.

Один из высших генералов бундесвера Гюнтер Кислинг явился в министерство обороны за получением грамоты об уходе в отставку в гражданском костюме. В западногерманской армии, где министр Манфред Вёрнер (ХДС) с таким усердием возрождает старые воинские «традиции», костюм в полоску вместо серого мундира с четырьмя звездами на погонах в столь торжественный момент представлялся вопиющим нарушением устава. Где духовой оркестр, где почетный караул, дефилирующий перед уходящим на покой генералом? Ни того, ни другого. Необычность церемониала, а точнее, отсутствие его еще больше подогрело интерес публики к обстоятельствам увольнения генерала со службы. Еще больше граждан заинтересовались вопросом: а в чем, собственно, провинился Кислинг?

Между тем речь шла о военном, который верно служил Федеративной Республике в качестве командира танковых соединений бундесвера и удостоился доверия занять пост заместителя верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Политические взгляды генерала были вне всяких подозрений. Личная жизнь старого холостяка не вызывала никаких нареканий. Правда, кое-кто покачивал головой: вместо того чтобы играть в гольф, как делают все сослуживцы, он копался в своей домашней библиотеке. Но у кого нет странностей? И вот как раз вокруг личной жизни генерала разгорелся сыр-бор. Так называемое «дело Кислинга» стало громкой сенсацией в жизни Федеративной Республики Германии. Что же произошло?

На Хардтхёе, где расположено министерство обороны ФРГ, стала поступать тревожная информация о поведении Кислинга. Военная контрразведка доносила, что Кислинг — частый гость двух кёльнских кафе — «Вюстен» и «Том-том», дурная слава о которых идет по всему городу. А поскольку моральный облик одного из высших чинов бундесвера подмочен, то он может стать объектом «шантажа», и поэтому представляет «риск для безопасности» ФРГ. Генерала призвали к ответу. Воздев руки к небу

(в частной жизни Кислинг изучал философско-религиозные проблемы), генерал клялся, что даже не подозревает о существовании двух сомнительных кафе в Кёльне и ни разу в жизни в них не бывал. «Меня с кем-то путают или министру представили фальсифицированные материалы», — заявил Кислинг. Спустя некоторое время генерал повторил в интервью еженедельнику «Шпигель»:

— Здесь может быть только фальшивка.

И многозначительно добавил:

— За ней кроется интрига.

Сегодня об этой интриге знает в ФРГ каждый школьник. Корень конфликта — в разногласиях Кислинга с его натовским шефом американским генералом Б. Роджерсом. Они, как говорится, не сработались. Кислинг не вставал, как другие, когда появлялся Роджерс. Личная антипатия? Гораздо больше. С лета 1982 года стало очевидным, что американцы подпиливают ножки кресла заместителя верховного главнокомандующего Кислинга. «Франкфуртер альгемайне» признает сквозь зубы, что дело не в личности Кислинга, а в решимости Роджерса создать в своем штабе НАТО чисто американскую структуру управления, дополненную лишь, может быть, британскими офицерами, структуру, при которой западногерманский представитель был бы отстранен от принятия решений.

Газете следовало бы добавить, что чем больше Бонн угрожает Вашингтону, тем меньше рейгановская администрация считается с западногерманскими интересами. Для нее ФРГ — не больше, чем стартовая площадка «першингов» и крылатых ракет, плацдарм четвертьмиллионного пентагоновского воинства, перевалочная база американских «сил быстрого развертывания», совершающих разбой на Ближнем Востоке и в других районах за пределами Европы. Словом, для Вашингтона ФРГ — только бессловесный подручный американской политики, к разработке которой ее не подпускают на версту.

Словно спохватившись, кое-кто на Рейне попытался отвлечь внимание общественности от сути конфликта, порожденного стремлением американской военщины хозяйничать в альянсе как в собственной казарме, от того очевидного факта, что с началом ракетного «довооружения» Вашингтон еще меньше стал церемониться с суверенитетом своего рейнского союзника. Тщетные усилия! «Дело Кислинга» еще раз внесло ясность в подлинный характер взаимоотношений внутри НАТО. А развивалось это дело дальше так.

Американцы, очевидно, с помощью ЦРУ затеяли интригу. 27 июля 1983 года в военную контрразведку ФРГ (МАД) поступил сигнал об «аморальном» поведении Кис-

линг и в связи с этим о нежелании Роджерса иметь впредь дело со своим западногерманским заместителем.

Каша заварилась. Контрразведка занялась следствием, сработала она топорно, опиралась, как пишут, на показания одного-единственного агента криминальной полиции, не перепроверив его сведения. Вскоре на стол министра обороны ФРГ Манфреда Вернера легли «компрометирующие материалы». Они «подтвердили», что Кислинг — завсегдатай двух кёльнских кафе, где собираются всякого рода темные личности. Генерал клятвенно под присягой заверял, что произошло недоразумение, его с кем-то путают. Сознывая, что с пентагоновцами тягаться бесполезно, он согласился добровольно оставить свой пост и даже досрочно выйти в отставку. Ничего не помогло. Герр министр просто-напросто уволил его. А появляясь на экранах телевизоров, министр с апломбом заявлял, что уберет Федеративную Республику от серьезного ущерба.

Вскоре, однако, выражение лица министра резко изменилось. 12 января кёльнская газета «Экспресс» сообщила, что у Кислинга есть двойник, известный в определенных кругах города как «Юрген из бундесвера». Служит он в армии рядовым охранником. Господин министр явно обознался, и в этом ему услужливо помогла военная контрразведка МАД. Кёльнская полиция согласилась, что произошла досадная ошибка. Сомнительного субъекта приняли за генерала. Полиция даже допросила этого «Юргена из бундесвера», поразительно похожего внешне на опального Кислинга.

Но ком покатился. И вот уже загрохотала лавина. Столь грубый просчет армейской секретной службы и лично министра обороны, в результате которого поругана честь высшего чина бундесвера и нанесено косвенное оскорбление всей офицерской касте, не мог пройти бесследно. Да и генерал не сдавался. Он подал в суд за оскорбление и сфальсифицированные обвинения.

Итак, «дело Кислинга» переросло в «дело Вёрнера», в еще один политический кризис боннского кабинета, можно сказать, в серьезный внутривластный кризис ФРГ. Да, генерала продолжала травить раболепствующая перед Рейганом шпрингеровская пресса. Погромная «Бильд» почти ежедневно печатала гнусные инсинуации, чтобы потопить его и заодно выгородить опростоволосившегося министра Вёрнера и секретную службу. Но в солидной печати «дело Кислинга» вызвало тревогу и озабоченность судьбой элементарных конституционных прав в стране. Уж если безнаказанно втоптали в грязь имя высокопоставленного генерала, то что позволяют себе секретные службы в отношении остальных граждан? Буквально каждый бюргер находится под наблюдением тайной полиции. На миллионы людей собраны секретные досье. Каждодневной

практикой стало подслушивание телефонных разговоров, преследование людей за убеждения, «запрет на профессии» для инакомыслящих.

Вернемся к делу рабочего-автостроителя Петера Ясчека. Его, жертву полицейской провокации, посадили на скамью подсудимых. Но устроители этого позорного аутодафе просчитались. В ФРГ не каждого секретные службы могут запугать. Рабочие на заводах «Опель» встали стеной на защиту своего честного, неподкупного, бесстрашного вожака. Они прекрасно понимали: поддержать Петера Ясчека — это значит защитить конституционные права, дать отпор наскокам на демократические свободы народа, расстроить происки «рыцарей плаща и кинжала» из секретных служб.

ИНКВИЗИТОРЫ В СУДЕЙСКИХ МАНТИЯХ

Осуждение невинного — есть осуждение самих судей.

Сенека.

Миллионы граждан ФРГ прошли проверку на лояльность, тысячи стали жертвами «запретов на профессии». Честных людей и порядочных граждан увольняют с работы, лишая куска хлеба, за убеждения, за политическую активность, за смелые выступления в защиту мира и демократических свобод. Особенно беспощадно расправляются с коммунистами, самыми стойкими борцами против ядерной угрозы и в защиту конституционных прав. Ужесточение практики «запретов на профессии» — симптом опасного сдвига вправо, общего охлаждения внутриполитического климата в ФРГ. Судьба жертв преследований — убедительное подтверждение этого.

ПЛАТА ЗА УБЕЖДЕНИЯ

Почтовый служащий Герберт Бастиан — член городского собрания старинного университетского Марбурга, примерный работник, деятельный депутат, уважаемый человек — так считают его коллеги, так думают многие горожане. Другого мнения о нем боннский министр почты и телеграфа Христиан Шварц-Шиллинг (ХДС) — тот самый, к которому никак не приложишь вышеназванные эпитеты. Хотя бы уже потому, что министр, и об этом чирикают все воробьи на крышах Бонна, завалил прибыльными заказами фирму, которая принадлежит его уважаемой супруге.

Но в данном случае речь не о нравственных добродет-

телях г-на министра, а о его политических склонностях. Для заводчика-министра почтовый служащий Бастиан — «враг конституции», ибо он представляет в ратуше Марбурга Германскую коммунистическую партию. Боннских поборников прав человека не смущает, что Бастиан избран демократическим путем населением города, что он работает в выборном органе как представитель легальной, действующей в рамках конституции политической партии.

На них одно слово «коммунист» действует, как красная тряпка на быка. И они бросаются на него со слепой яростью. По высочайшему распоряжению Бастиана отстранили от занимаемой должности — отстранили только за то, что он мыслит иначе, чем г-н Шварц-Шиллинг.

Сорокалетний Герберт Бастиан лишь один из группы почтальонов, техников, служащих западногерманской почты, на которых обрушился меч политических инквизиторов. Их уволили или грозят уволить только за то, что они члены ГКП и баллотировались от своей партии на выборах в местные органы или земельные парламенты. По существу, начато массовое преследование инакомыслящих, чинятся возмутительные расправы над честными гражданами и образцовыми работниками.

Юридической основой для ничем не оправданных репрессий служит вынесенный в мае 1984 года приговор федерального административного суда против техника телефонной связи из Штутгарта Ганса Майстера. Его объявили «врагом конституции» и выбросили на улицу, хотя, по отзывам его непосредственного начальника, Майстер являлся «образцовым работником». Более того, всякого рода проверки (а людей таскают по многочисленным судам и комиссиям, «просвечивая» их политическое лицо) показали, что нет никаких оснований сомневаться в лояльности связиста в отношении конституции ФРГ.

Но федеральный административный суд, превратившись в подлинную средневековую тайную конгрегацию по расправам над инакомыслящими, заявил, что верность конституции ничего не стоит, если речь идет о члене ГКП, баллотировавшемся от этой партии на выборах. Человека, четверть века образцово проработавшего на почте, лишили места и обрекли на нищенское существование, потому что, как бывшему государственному служащему, ему не полагается даже пособие по безработице.

Так суд создал прецедент, который звучит откровенно цинично: всякий, кто выступает по спискам ГКП на выборах, — «враг конституции», и ему не место на государственной службе. По существу же, как признают даже буржуазные органы печати, причиной увольнения может служить одно лишь членство в Германской коммунистической партии. Административный суд пытался даже навесить на ГКП ярлык «антиконституционной партии», хотя

не имеет никакого права давать подобного рода оценки, ибо такой вопрос вправе рассматривать только конституционный суд ФРГ.

Тем не менее министр Шварц-Шиллинг очернил ГКП как «враждебную» Основному закону и развернул «крестовый поход» против всех членов партии, работающих в системе западногерманской почты. Примеру министра последовали другие власть предержащие. В земле Нижняя Саксония развернута настоящая «охота на ведьм».

Герберту Бастиану министр почты и телеграфа посулил милость, если он откажется представлять свою партию в городском парламенте. Иными словами, изменит мандату, полученному от избирателей, и откажется от своих убеждений. Не вышло. Репрессии, с которыми власти ФРГ обрушились на коммунистов, не приносят ожидаемых политических дивидендов: не удается сломить убежденных в своих идеях людей.

«ОПАСНЫЙ» ПОЧТАЛЬОН

Странные нравы царят в почтовом ведомстве баденского города Фрайбурга. Пакеты и конверты с наклейками движения сторонников мира — голубем мира или символически переломленным «першингом» — не доставляются адресатам по политическим соображениям. Но вот письмо с маркой стоимостью 3 рейхспфеннига, на которой изображен Гитлер, не вызвало сомнений. Марку проштемпелевали, и письмо, как ни в чем не бывало, пошло своим ходом к адресату. Позднее выяснилось, что увесистый конверт содержал озлобленные неонацистские листовки, в которых говорилось: «Чем больше иностранных рабочих отправятся на тот свет, тем лучше».

Стоит ли удивляться, что в такой атмосфере на фрайбургской почте стало возможным так называемое «дело» почтальона Вернера Зиблера. С 1970 года он работает на почтамте этого старинного города, работает превосходно. Зиблер — опытный, аккуратный, надежный, приветливый, симпатичный человек. В городском районе, который он обслуживает, в нем души не чают. Лучшего почтальона и не желают. И вдруг по округе пополз слух: Вернера Зиблера увольняют. Причина: почтальон — член Германской коммунистической партии и баллотировался от нее на выборах в земельный парламент — ландтаг. Как только имя Зиблера появилось в списке для голосования, дирекция тут же объявила об увольнении. Спрашивается, на каком основании? ГКП — легальная партия, действующая в рамках конституции. Право избирать и быть избранным в органы власти гарантировано гражданам ФРГ Основным законом страны. Но, очевидно, законы писаны не для держиморд из почтового ведомства ФРГ, где заправляют делами пато-

логические антикоммунисты. Для них принадлежность Зиблера к ГКП — это «служебный проступок»!

Возмущение граждан, которых обслуживал почтальон, было единодушным. 500 человек подписались под петицией, требующей: «Вернер Зиблер должен остаться нашим почтальоном». Шли гневные письма и в Бонн, министру почты и телеграфа Шварц-Шиллингу (ХДС). Организация «Фрайбургские почтовики за мир» выступила с заявлением, в котором говорится: «Это увольнение имеет целью запугать миллионы людей в нашей стране, тех, кто выступает в защиту мира и добивается удовлетворения социальных нужд трудящихся». Именно к числу таких относится Зиблер. Он участвует в антиракетном движении, профсоюзный активист, многие годы возглавлял районную молодежную организацию Объединения немецких профсоюзов. Вот почему он не пришелся ко двору герру министру.

Движение в защиту жертвы «запретов на профессии» ширится. Против произвола властей выступили многочисленные демократические организации. Вернер Зиблер держался стойко. Он был тронут широким движением солидарности среди почтовых работников и граждан, которых он обслуживал. «Руководство почт и федеральное правительство недооценили волну протестов, — сказал Зиблер. — А мои коллеги все лучше понимают: чем шире движение за мир и за социальные права трудящихся, тем сильнее размахивают власти дубиной «запретов на профессии». Вот почему надо защищаться сообща, солидарно, единым фронтом...»

«ЧЕРНЫЕ СПИСКИ»

Окончание приговора зачитывалось уже перед пустым залом. Только что еще он был забит до отказа. Около 300 человек собрались в нем, главным образом ученики старших классов общеобразовательной школы Гарбсена близ Ганновера и их родители. Ведь слушалось «дело» их учителя, 34-летнего Карла-Отто Эккартсберга. Как только судья произнес первые слова приговора, зал взорвался громовыми возгласами: «Долой запреты на профессии!» Публика скандировала стоя, взявшись за руки. Полиция, размахивая резиновыми дубинками, принялась очищать зал. Между тем судья продолжал бубнить приговор. Учитель Эккартсберг подлежал увольнению с работы за то, что как член «антиконституционной» партии баллотировался от нее на коммунальных выборах. Судебная палата усмотрела в поведении подсудимого «серьезные нарушения присяги на верность», какую дают государственные служащие.

Защитники решительно протестовали, указывая, что конституционность или антиконституционность той или иной партии может определить только федеральный консти-

туционный суд, а не административный суд Ганновера. И, во-вторых, в чем же судьи усмотрели крамолу? Они привели в качестве «улик» выдержки из программы ГКП, в которых говорится о братских отношениях ГКП с другими компартиями, особенно с КПСС.

Обвиняемый решительно отверг вздорные обвинения суда и твердо отстаивал свои убеждения. Он привел выдержки из партийной программы, подтверждающие, что ГКП действует в рамках конституции и служит интересам трудового народа. Принципиальность подсудимого взбесила вершителей правосудия. Суд заявил: «Ваше выступление на процессе в защиту целей ГКП подтверждает вашу исключительно тесную связь с этой партией и отягощает вашу вину. Ваша верность коммунизму и целям ГКП, а также соответствующая готовность активно работать на пользу этой партии делают невозможным ваше дальнейшее пребывание на службе».

Судебная расправа над учителем и честным гражданином вызвала широкое возмущение. По существу, суд поправил основные конституционные права граждан ФРГ. Пристрастность властей поразительна. Защитники обратили внимание, что в земле Нижняя Саксония, где, помимо Эккартсберга, в «черный список» внесены еще 22 прогрессивных преподавателя, в школах беспрепятственно работают учителя неонацистских воззрений, открыто отравляющие души молодежи.

— Подобные приговоры грозят каждому, кто выступает как активный демократ, — говорит Карл-Отто Эккартсберг. — Нельзя не видеть, что «запрет на профессии» — только составная часть попыток правых сил столкнуть страну на реакционный путь. Нужна максимальная бдительность...

«АЛЕМАНИЯ» НЕ МЕНЯЕТ КУРС

Перед зданием гамбургского суда по трудовым конфликтам на Макс-Брауэр-аллее, 89, собрались люди в фуражках с крабами и в вязаных шапочках, с задубевшими от соленых ветров лицами и тяжелыми руками тружеников моря. Матросы торговых судов пришли сюда с транспарантами, на которых четко и ясно было начертано: «Солидарность с капитаном Генрихом Крафтом».

Имя этого человека известно в ФРГ. Старый морской волк, опытный и искусный кормчий судна «Алемания-экспресс» был уволен хозяевами судоходной компании «Хапаг-Ллойд».

Его «вина» состояла в том, что вместе со всем своим экипажем он подписал призыв к морякам отказаться от погрузки, разгрузки и транспортировки частей и узлов американских «Першингов-2» и крылатых ракет, которые

Вашингтон размещает сейчас на территории Федеративной Республики Германии. Вместе с Крафтом за участие в анти-военной акции были уволены два наиболее активных члена производственного совета — избираемого коллективом представительного органа рабочих — Ю. Зёнксен и Г. Зайферт.

Судовладельцы потирали руки, полагая, что «порядок» на борту восстановлен. Но они ошибались. Запугать моряков «Алемании» не удалось. Экипаж остался верен взятому обязательству: «Сделаем наши порты и суда безатомными зонами». И судно еще резало воды Атлантики, затем Тихого океана, направляясь в порты Калифорнии, а весть о мужественном поступке моряков уже докатилась до американских берегов.

Когда корабль входил в гавань Окленда, с башни портового здания его встречал огромный транспарант: «Алемания-экспресс» — браво экипажу! Остановим атомные ракеты!» На берегу моряков ожидали сотни американских сторонников мира. Горячая дружеская встреча! Волнующее проявление солидарности! Один из западногерманских моряков заявил: «Это та поддержка, в которой мы нуждаемся, чтобы показать дома, какую силу приобрело международное движение за мир. Встреча здесь показывает, что Америка состоит не только из рейганов, но и из людей, как и мы, борющихся за мир».

А когда «Алемания» отчаливала, в порту вновь собрались сторонники мира. До выхода в океан судно сопровождало множество катеров и лодок, расцвеченных флагами и транспарантами американского движения за мир. И самое главное: «Алемания» отправилась в обратный рейс, не взяв на борт ни одной детали «Першингов-2» или крылатых ракет.

И вот позади безбрежные водные просторы, а впереди знакомые маяки Гамбурга. В каждом поселке, что лежат на Эльбе по пути к порту, судно тепло встречали жители. Группа моряков и докеров сопровождала «Алеманию» на катере до самого причала. А здесь собрались уже сотни граждан — члены различных антивоенных организаций, профсоюзов, молодежных объединений, Германской компартии. «Мы приветствуем мужественный экипаж, призы-вы которого сейчас повторяют в нашей стране миллионы: «Стоп атомным ракетам!» — сказал руководитель комитета в защиту мира Гамбургского порта капитан Уве Кох. — Мы, моряки, боремся за то, чтобы торговые суда ФРГ не использовались в военных целях. «Алемания» показала пример, как надо действовать».

Но действовали и акционеры «Хапаг-Ллойд». Они двинули в бой целый взвод высокооплачиваемых адвокатов, чтобы в судах по трудовым конфликтам оправдать и юридически обосновать свой произвол в отношении Крафта,

Зёнксена и Зайферта. И пока судно бороздило воды двух океанов, крючокторы не дремали, изыскивая параграфы в защиту произвола предпринимателей.

Состоявшееся заседание суда показало, что хозяева «Хапаг-Ллойд» попытались с помощью судебного постановления запугать экипажи других судов, задушить в зародыше движение против использования пароходства в военных целях. При этом они рассчитывали на «понимание» господ в судейских мантиях.

Дело в том, что суд потребовал от уволенных и от производственного совета в целом буквального соблюдения «закона о положении на предприятиях», запрещающего политическую деятельность на заводах и фабриках ФРГ. По существу, он поддержал попытки дирекции запретить на судах выступления моряков в защиту мира.

Но даже такое решение не удовлетворило акционеров. Они добивались еще одобрения судом увольнения «смутьянов». Профсоюз работников коммунальных учреждений и транспорта, объединяющий и моряков, выступил с резким протестом против «антизаконных действий» администрации. Под заявлением солидарности с капитаном Крафтом, моряками Зёнксеном и Зайфертом подписались 30 тысяч человек. Ряд зарубежных профобъединений моряков заявил о поддержке преследуемых и выразил готовность бойкотировать суда компании «Хапаг-Ллойд», если уволенным не будет разрешено вернуться на работу.

Перед каждым заседанием суда на Макс-Брауэр-аллее собирались люди, прокаленные морскими ветрами. Они держали транспаранты, на которых было начертано: «Мы — с вами!». «Алемания-экспресс» шел прежним курсом...

Вот судьбы нескольких людей, судьбы, исковерканные антидемократической практикой «запретов на профессии». А вот их конкретное преломление в нормах западногерманского права. Даже оно, это буржуазное право, вопиет против циничного беззакония, прикрытого фарисейской моралью. Предоставим слово юристам. Их язык сух, но убедителен.

По мнению экспертов, практика «запретов на профессии» нарушает весь комплекс прав и свобод западногерманских граждан, а не только их конституционное право на свободу выбора профессии (ст. 12 п. 1 Основного закона) или право доступа каждого западного немца на любую государственную должность (ст. 33 п. 2). Она приводит к ограничению и таких важнейших прав и свобод, провозглашенных Основным законом ФРГ, как свобода выражения мнения (ст. 5 п. 1), свобода занятия наукой, исследованиями и преподаванием (ст. 5 п. 3), свобода объединения (ст. 21 п. 1). Запреты противоречат и конституционному

установлению о том, что никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение из-за его политических убеждений (ст. 4 п. 3), а также специальному предписанию о том, что никто не может подвергаться ограничению по причине своей принадлежности или непринадлежности к какому-либо вероисповеданию или мировоззрению (ст. 33 п. 3).

Затрагивая различные категории государственных служащих, «запреты на профессии» представляют собой не только репрессивную меру против конкретных лиц, но и выполняют «профилактическую» функцию в отношении многих других групп населения, фильтруя их политические убеждения в духе «верноподданничества», расширяя уголовные и административно-правовые основания для преследования инакомыслящих.

Юридический произвол западногерманских властей и судов проявляется прежде всего в том, что запреты на профессии и увольнения государственных служащих связываются с их умонастроениями, оценка которых зависит от усмотрения начальства. Суды в своих решениях следуют за федеральным конституционным судом, создавшим в обоснование приговора о запрете КППГ (1956 г.) прецедент смещения границы между мировоззрением и конкретными действиями. По мнению бывшего генерального прокурора ФРГ Макса Гюде, такая практика означает возврат на позиции нацистской уголовно-правовой доктрины «финального действия». Она использовалась нацистскими судьями для наказания за самые незначительные поступки или «умыслы», которые, по мнению суда, в конечном счете могли привести к попытке насильственного переворота. На этом основании любая «внутренняя оппозиция» квалифицировалась как «идеологическая измена» и каралась в «третьем рейхе» смертной казнью.

В наши дни, отмечают эксперты, принадлежность к легально действующей Германской коммунистической партии или участие в движении за мир широко используется в ФРГ как юридически значимое обоснование в практике запретов на профессии.

Известный специалист в области конституционного права профессор У. Клюг, осуждая практику запретов, пишет, что она ставит под вопрос в конечном счете всю структуру и систему демократии западногерманского общества, а равно и доступность для граждан провозглашенных Основным законом ФРГ прав и свобод.

Для того, чтобы оправдать эту постыдную практику в глазах мировой общественности, западногерманские буржуазные идеологи пытаются обосновать ее правомерность ссылками на международные пакты по правам человека (ст. 25-я пакта о политических правах и гражданских свободах). В своем рвении они доходят даже до утвержде-

ний, что понятие «враг конституции» является будто бы юридической категорией действующего международного права. В действительности, как это было показано, практика запретов является не только антиконституционной (прямо противоречит статьям 3, 5, 9, 12, 21 Основного закона), но и откровенно противоправной, несовместимой с принципами и нормами действующего международного права. Она игнорирует и нарушает многие положения и дух Потсдамских соглашений (§ 6 п. 1, 4, 6, 7). Не случайно движение протеста против «запретов на профессии» переросло рамки ФРГ и стало международным...

ДОЛОЙ «ЗАПРЕТЫ НА ПРОФЕССИИ»

Вспоминается один из международных форумов. Моим соседом в зале оказался молодой художавый человек. Познакомились. Манфреду Боккау было двадцать семь лет. Начиная он рабочим химиком. Затем закончил профессиональную школу, поступил в университет. Парню из трудовой семьи нелегко в ФРГ получить высшее образование. Манфред получил благодаря острому уму и твердой воле. С дипломом социолога-преподавателя отлично завершил стажировку и был назначен на должность руководителя молодежного центра в городе Реда-Виденбрюк. Горячо взялся за дело. Работа пошла. И вдруг Манфреду Боккау объявили, что его увольняют. Секретная полиция подсказала отцам города, что молодой социолог-педагог — член Германской коммунистической партии.

Мы познакомились с Манфредом в Ганновере на международной конференции, девизом которой были слова: «Сообща защитим демократические права. Долой запреты на профессии!» Примечательно, что конференция собралась в культурно-просветительном центре «Белая роза», поднявшемся на месте бывшего нацистского концлагеря. «Белой розой» называлась подпольная молодежная группа Сопротивления, созданная братом и сестрой Шолль. Их короткая жизнь была отдана борьбе против тирании, а смерть в застенках гестапо стала предостережением против политики, ведущей к попранию демократии и нарушению прав человека.

На пленарных заседаниях и в восьми рабочих группах участники ганноверской конференции искали ответа на вопрос, который был поставлен в призыве ее инициаторов: «Если выступление в защиту мира влечет за собой запрет на профессию или другие формы дискриминации, если право вступать в легальные партии упраздняется путем увольнения со службы, если за членами производственных советов и молодежных организаций ведут слежку, а профсоюзные требования порочат как антиконституционные, если протест против жилищной нужды подавляют с помо-

щью резиновых дубинок, а демонстрации все чаще запрещаются, перед каждым встает вопрос: как можно сообщать отстаивать демократические права?»

Озабоченность участников форума была обоснованной. Практика запретов на профессии превращает гражданские права в фикцию. За время действия пресловутого закона о радикалах более миллиона граждан ФРГ прошли проверку на лояльность, почти семь тысяч человек стали жертвами преследования за взгляды, за активную демократическую деятельность, за членство в легальной партии или организации. Многие оказались на улице за свои воззрения. Как подчеркивалось на конференции, в «охоте на ведьм» наступил новый этап: началась массовая чистка всех государственных и коммунальных учреждений, к которым относятся и почта, и железнодорожный транспорт, и система правосудия, и городские и общинные органы, и школы. Расширяется и диапазон «прегрешений»: участие в борьбе за мир, в экологическом движении, в захвате пустующих домов — все может послужить основанием для допросов, судебных разбирательств, увольнения.

Курс на ущемление демократических свобод ораторы неизменно увязывали с натовской политикой «довооружения» и социальным демонтажем внутри страны. Запреты на профессии призваны сломить демократическую оппозицию, отвлечь от участия в ней молодежь. Главный удар при этом наносится по ГКП. Членство в ней, участие от ее имени в выборах, сотрудничество в ее прессе — все подведено под категорию антиконституционных деяний. Цель очевидна: дискредитировать и изолировать партию, воспрепятствовать ее политическому влиянию. Но, как подчеркивали делегаты, преследования не ограничиваются коммунистами, они затрагивают и социал-демократов, и христиан, и беспартийных, и представляют угрозу правам всех граждан. Надо покончить с такой практикой, заявил депутат бундестага от СДПГ К. Тюзинг, ибо она ущемляет демократию и противоречит конституции.

Форум в Ганновере показал, что сопротивление антидемократической практике преследования людей за убеждение крепнет. Оно пользуется международной поддержкой. Участники конференции разработали программу борьбы в защиту гражданских прав. В заключительном заявлении они призвали граждан не ослаблять усилий в борьбе за отмену антиконституционной практики, за демократию и мир.

— Конференция показала, что мы не одиноки, — сказал, прощаясь, Манфред Боккай. — Интернациональная солидарность для всех нас большая моральная поддержка. Она стимул в борьбе за наше правое дело.

ФАСАД И ЗАДВОРКИ

Корыстолюбие отнимает у людей самые заветные чувства — любовь к отечеству, любовь семейную, любовь к добродетели и чистоте.

Соллюстий.

Было бы наивным знакомиться с проблемами Федеративной Республики Германии в нарядной толпе, фланирующей по «пешеходной зоне» Бонна. Витрины «Херти», «Кауфхофа», «Беккера» зазывают элегантными моделями сезона. Тугие связки свежесрезанных голландских тюльпанов и нарциссов, букеты роз, пионов и ирисов расцветчивают уютную площадь у подножия неизменно переполненного старинного «Кофейного домика», а перед изящной ратушей XVIII столетия с раннего утра шумит красочный рынок, на котором предлагают тасманские яблоки, спаржу из Бельгии, молодой картофель с Кипра, сицилийскую клубнику.

Нужда и бедность ведут здесь себя робко, боязливо, с оглядкой. Они выползают на светлокоричневую брусчатку зоны то в лице старика-инвалида в тщательно начищенных ботинках, который без устали механически вертит ручку шарманки, то двух парней в стиле хиппи с гитарами и двумя приبلудшими дворнягами, то каких-то странных людей, сидящих недвижно у входа в магазины с куском картона в руках: «Я голоден. Помогите. Благодарю вас».

Столица крупнейшей и богатейшей державы капиталистической Европы поворачивается к приезжему своей праздничной нарядной стороной, демонстрируя поразительную способность буржуазного общества к мимикрии. Нет, в Бонне не увидишь сумрачных очередей перед кухнями Армии спасения, «голодных маршей» безработных, матерей, выходящих на панель, чтобы «заработать» на молоко для больного ребенка. Германская буржуазия обожглась дважды. За кайзером не укроешься и фюрера ныне не призовешь. Приходится «выкручиваться» самой и обеспечивать стабильность своего тыла с помощью продуманной и весьма изощренной системы социальных подачек и социальной демагогии. И она, эта система, в целом действует. Пока, разумеется, ибо беды, присущие строю, сохранились. Более того, проблемы социально-экономического и общественно-политического развития стали масштабнее, острее, запутаннее, неразрешимее.

Такого не было в Федеративной Республике уже двадцать пять лет — число безработных устойчиво держится выше отметки в два миллиона. Статистика суха и бездушна. Но цифры способны говорить языком страха, безысход-

ности и отчаяния. Два миллиона исковерканных человеческих жизней, каждая из которых — иллюстрация вывода социальной психиатрии о том, что безработица ведет к обнищанию, социальному крушению и душевному распаду человека вплоть до психических заболеваний. Особенно больно бич безработицы хлещет по молодежи, пожилым людям, иностранным рабочим, лицам ограниченной трудоспособности.

...Без четверти восемь. В фойе дортмундской биржи труда, большого, довольно унылого здания, собралась толпа. Люди угрюмы. Многие из них здесь не впервые. Каждый раз им говорят: приходите через месяц. Может быть, что-то для вас найдется. Это «что-то» — рабочее место, которого ждут — и все чаще — напрасно. Люди молчаливы. Разговор завязывается медленно. «Я готова на любую работу, — говорит Мартина Элленхофф, молодая миловидная девушка. — Ума не приложу, на что бы я жила, если бы не родители».

В очереди за ней — фрау Гофман. Она была продавщицей в отделе тканей большого универмага. В октябре прошлого года ее уволили — фирма экономит на персонале. Женщина живет на пособие по безработице, если на него вообще можно существовать.

— У меня двое детей-школьников. Как мне их содержать? Перспективы? Они мало обнадеживают, — кивает она на дверь биржи.

Очередной собеседник — жертва спада в строительной промышленности. Фирма, на которую он работал, не получила заказ, и строитель оказался в очереди за пособием. «Без государственной поддержки не обойтись, — говорит рабочий. — Нужны деньги на строительство муниципальных квартир, которые были бы по карману простому человеку. А там, наверху, только и знай, что сокращают ассигнования на жилье».

Его товарищ — каменщик. Ему сорок пять лет. В моем возрасте о переквалификации не хотят и слышать, говорит он, вот и маюсь уже два года. А если ты без места, то на тебя смотрят с недоверием, «кормят» отговорками и откровенным враньем. Пока, мол, ничего нет, наведывайтесь. А положение бывает безысходным. Как-то мы с женой не смогли оплатить счет за электроэнергию. Отключили свет. Две недели сидели при свечке.

Фрау Хорват, 52 года. Вот уже год, как она, квалифицированная переплетчица, без работы. Место найти трудно как из-за возраста, так и из-за состояния здоровья. Врач сделал заключение: использовать только на легких работах. «Но кто мне даст такую?», — говорит фрау Хорват.

Мне уже сорок лет, говорит приземистый человек в куртке цвета хаки. Я токарь высокого разряда. Видимо, стар уже, иначе почему же мне всюду отказывают? Его

сосед утешает: ты еще молод, мне труднее. В 56 лет у меня вообще нет шансов, а я двадцать лет проработал сварщиком на одной фирме. И вдруг вызывают в отдел кадров, мол, в ваших услугах мы больше не нуждаемся. Уволили. Удар был таким, что я заболел. Врач говорит, нервное расстройство. Не знаю, что со мной будет. Боюсь, что в моем возрасте я уже больше ничего не найду.

Вся фигура этого человека выражает подавленность, растерянность, надлом.

Вокруг немало и молодых лиц. Некоторые держатся вместе, так сказать, друзья по несчастью. Еве девятнадцать лет. Она кончила школу. Мечтала стать фотолаборанткой. Места не нашлось. Хотела обучиться слесарному делу. Из пятнадцати подростков фирма взяла только двоих, девушки в их число не попали. На следующей неделе начинаю работать уборщицей в одном учреждении, неполный рабочий день, говорит Ева с горькой усмешкой...

Безработица одна из самых больных тем печати, меж- и внутрипартийных споров, долгих, горячих и бесплодных дебатов у стойки пивной в каждом рабочем районе. Ищут ее истоки и пути преодоления. Задача поистине неразрешимая. Безработица стала хронической и уже не зависит от состояния экономики. Она лишь вздувается, как Рейн по весне, в периоды спадов, в целом же от нее, как от собственной тени «свободное рыночное хозяйство» уже не в состоянии избавиться. Все болезненнее сказываются долгосрочные факторы. Ускоряющийся на некоторых направлениях технический прогресс ведет к тому, что автоматы и роботы «съедают» все больше рабочих мест. Производительность труда растет, но поскольку производство не увеличивается в такой же пропорции, то высвободившаяся рабочая сила остается на улице, создается т. н. «технологическая безработица». Дают себя знать и демографически «урожайные» годы. На рынок труда, окончив школу, спешат сотни тысяч юношей и девушек. У них вообще мало шансов приобрести профессию, получить место.

Где же выход? Советов и рекомендаций более чем достаточно. И ни один не претендует на серьезное лечение недуга. Речь идет лишь о том, чтобы смягчить его приступы, устранить наиболее резкие симптомы. Именно этой цели служат государственные программы обеспечения занятости, на принятии которых настаивают профсоюзы, социал-демократическая партия. Кейнсианские модели давно уже находятся на вооружении западногерманской социал-демократии.

Придя в 1969 году к власти, партия из года в год стимулировала развитие охваченных кризисом отраслей и регионов финансовыми допингами за счет бюджета, будь это судостроительные верфи морского побережья, угольные

шахты Рура или сельскохозяйственные районы вдоль восточной границы ФРГ. Вся эта система социально-экономической гомеопатии действовала, пока в казне водились денежки и конъюнктура оставалась относительно благополучной. Положение круто изменилось к худшему, когда наступил затяжной спад. Государство оказалось в долгах как в шелках. Для социальных экспериментов не осталось места.

Вокруг самой идеи государственного вмешательства в экономическую жизнь развернулась острая борьба. Отражая настроения предпринимателей, блок ХДС/ХСС сдал в музей кейнсианские модели и покончил с практикой «благотворительного государства». Главное, как считают его лидеры, обеспечение максимально высоких прибылей как решающего условия для «увеличения инвестиций» и гарантии занятости. Демохристиане уповают на «силы самолечения», якобы заложенные в системе «рыночной экономики» и скованные государственным вмешательством и «социальными роскошествами». От Бонна требуют новых налоговых льгот и прочих финансовых поблажек для капитала (сокращение сроков амортизационных отчислений и т. д.). Заводчики и их политические эмиссары в ХДС/ХСС добиваются одновременно приспособления динамики заработной платы к изменившимся условиям, проще говоря, замораживания доходов трудящихся.

Жизнь показывает, что рационализация производства ведет к сокращению числа занятых — технологические новшества делают излишними квалификацию, опыт и прилежание рабочего. К тому же все чаще прибыли вывозятся за рубеж или используются для международных спекуляций.

Ненадежность принимаемых мер обнажается в полной мере в свете мировых финансово-экономических взаимосвязей и взаимозависимостей. Острота кризиса, переживаемого Западной Германией, в немалой степени результат диспропорций в международных хозяйственных связях капиталистических стран, прежде всего экономического курса Соединенных Штатов. Все программы занятости, вырабатываемые на Рейне, представляются хрупкими построениями перед лицом вашингтонской политики завышенных учетных ставок банковского кредита, которые «оттягивают» капиталы из Западной Европы, тормозят инвестиции, ведут к разорению мелких и средних фирм.

Вашингтон продолжает штопать колоссальный бюджетный дефицит, возникший вследствие беспримерных военных расходов, за счет займов на свободном рынке капиталов, еще более подстегивая тем самым рост процентов и удорожание кредитов. Все это, сетует печать, губительно действует на программу занятости западных партнеров.

Экономическая система капитализма, предостерегает одна газета, может быть «непоправимо ослаблена».

Положение усугубляется колебаниями курса доллара, которые лихорадят экономику других западных стран, нарушают их платежные балансы. В программах последних известий на телеэкранах неизменно появляется купюра доллара, перечеркнутая тянущейся вверх кривой. Из-за высоких учетных ставок доллар вновь в фаворе. Его стоимость растет. Спекулянты скупают теперь не золото, а доллары, ибо последние приносят жирные проценты. Но если учесть, что оплата счетов за нефть, например, осуществляется в американской валюте, то очевидно, что экономически необоснованное повышение курса доллара ложится дополнительным бременем на плечи западных немцев.

Конечно, заводчикам не придется идти с сумой, как бы долго ни продолжался кризис. А вот о «новой нищете», которая затронула сотни тысяч трудящихся, в ФРГ уже говорят все. Публика, убаюканная байками об «экономическом чуде» и «всеобщем благоденствии», шокирована статистикой, согласно которой пятая часть населения страны живет в бедности, а 200 тысяч граждан бездомные.

А причина все та же — массовая безработица. Раньше считалось, что даже те, кто не работают в течение нескольких лет, продолжают получать пособие по безработице или социальную помощь и таким образом как-то устриваются в жизни. Но, оказывается, это не совсем так.

По данным заместителя председателя Объединения немецких профсоюзов Г. Мура, лишь 35 процентов всех зарегистрированных безработных в ФРГ получают пособие. А более 630 тысяч не получают ни пособия, ни какой-либо другой социальной помощи от государства. Особенно сильно от безработицы страдают молодежь и женщины.

Газета западногерманских коммунистов «Унзере цайт» рассказала типичную историю безработного, скатившегося до положения нищего.

Андреасу Хуберту 49 лет. Он женат, имеет двоих детей. Три года назад его уволили вместе с другими рабочими с предприятия Сименса в Мюнхене в результате «рационализации» производства.

Пособие по безработице составило 65 процентов зарплаты. Пришлось экономить на всем. Когда через полгода Андреас так и не нашел работы, пришлось снимать сбережения со сберкнижки. Но их хватило ненадолго. А поиски работы становились тем сложнее, чем дольше он оставался без нее. На бирже труда чиновники занесли его в списки наименее перспективных: считается, что если фрезеровщик, каким был Андреас, не работает в течение полугодя, он теряет свою квалификацию.

Бесплодные посещения биржи труда, бесконечные попытки самому найти работу... Так прошел год. Матери-

альное положение семьи окончательно расстроилось, и когда в конце года пришел счет за отопление на сумму 571 марка, его нечем было оплатить. А когда долг владельцу дома превысил 2,5 тысячи марок, тот подал в суд, который принял решение о выселении семьи.

В особенно тяжелом положении оказываются иностранные рабочие.

В ФРГ насчитывается 4650 тысяч иностранных рабочих, приехавших из Турции и Португалии, Греции и Марокко, Пакистана и Испании, из других стран. Нет, не от хорошей жизни потянуло их на берега Рейна, Майна, Везера. Подавляющее большинство иммигрантов — семьдесят пять процентов — охотно вернулись бы на родину. Но что делать, если там свирепствует еще большая безработица, безземелье доводит до суммы сотни тысяч крестьянских семей. Рабочие-иммигранты в большинстве своем без образования и профессий, готовы на любую, самую тяжелую, грязную и низкооплачиваемую работу. Тысячи из них перебиваются в ФРГ кое-как, без вида на жительство и постоянного места, существуют на случайные заработки. И в то же время без этих людей западногерманская экономика не могла бы функционировать. Они варят сталь и подметают улицы, кладут бетон на строительстве автострад и рубят уголь в шахтах, собирают автомобили и моют посуду в закусочных. Они исправно выполняют все обязанности граждан Западной Германии, не обладая гражданскими правами. Повсюду иностранному рабочему дают понять, что он человек второго сорта. Продвинуться по службе у него нет почти никаких шансов. Живет он, как правило, в районах, напоминающих гетто. И за жалкое жилье, иногда одну койку, платит вдвое больше, чем его местный коллега.

Власти резко ограничивают возможности для воссоединения семей иммигрантов, закрывая двери перед детьми подросткового возраста и установив «карантинный срок» для жен: только через четыре года после приезда в ФРГ к своим мужьям они имеют право искать работу. Больше половины детей и подростков приезжих не кончают школу, кое-кто остается вообще неграмотным.

Словом, иностранный рабочий постоянно чувствует себя в ФРГ на чужбине. К тому же растет враждебность к иммигрантам среди обывательской массы. Примечательная взаимосвязь: чем мрачнее граждане ФРГ оценивают общее экономическое положение и собственные перспективы, тем отрицательнее они отзываются об иностранных рабочих. Люди предаются иллюзии, замечает еженедельник «Шпигель», будто работа и хлеб будут гарантированы только тогда, когда в стране не останется иммигрантов. Вот почему, как показали опросы, 66 процентов высказывалось за то, чтобы «гости-рабочие», как называют здесь приезжих, покинули ФРГ. Такие негативные мнения, про-

должает гамбургский журнал, основываются не на собственном опыте. Они противоречат всякому политическому и хозяйственному резону.

Однако неприязнь к «гастарбайтерам» продолжает накаляться. Иностранным рабочим ставят в вину и нехватку доступного жилья, и перегруженность школьных классов, и хроническую безработицу, и недостаток мест для профессионального обучения молодежи, хотя иммигранты в первую очередь и больше других страдают от всех этих бед. Все чаще бросают упрек: иностранцы не способны «интегрироваться». Уж не значит ли это, что «гастарбайтеры» должны оплатить право жить и работать в ФРГ отказом от своего языка, традиций, своей национальной принадлежности? Да и о какой «интеграции» может идти речь, если «приезжие» попадают в западногерманском обществе за невидимые, но крепкие стены гетто, в условия изоляции.

Неприязнь к «чужакам» — питательная среда для правоконсервативных настроений, все чаще смыкающихся с неонацистскими взглядами. Группа профессоров Гейдельбергского университета выступила с «манифестом», от которого за версту разит замшелым шовинизмом. Ученые мужи предостерегают от угрозы чужеземного «проникновения в немецкий народ». Возникают политические группы и даже микроскопические партии, рассчитывающие погреть руки на безрассудстве обывателей. Одна из групп создана в Гамбурге. Как установил побывавший в ее рядах репортер, речь идет о сугубо неонацистском объединении, за спиной которого стоит коричневая национал-демократическая партия. Как видим, экономический кризис и массовая безработица надувают паруса неонацистского отребья. Оно ловко эксплуатирует страхи и растерянность обывателя для раздувания расистского психоза. На стенах несмываемой краской выводят оскорбительные для иностранных рабочих призывы, то тут, то там неонацисты нападают на турок, португальцев или пакистанцев, жестоко избивают их. При этом они открыто бахвалятся тем, что защищают «чистоту немецкой расы». Неофашистская «Дойче националь-цайтунг» провозглашает: «Германия должна остаться страной немцев». Организуется сбор подписей под петициями с требованием своеобразного апартеида: например, раздельного обучения детей в школах. То, что обыватель легко идет на наживку коричневых, показывают итоги коммунальных выборов в ряде мест. Неонацисты собирают немало голосов, например, в Киле их поддержало почти четыре процента населения.

Вместе с тем опросы показывают: чем больше у граждан ФРГ контактов с иностранными рабочими, тем позитивнее их мнение о них. Это еще одно подтверждение того, что враждебные эмоции — продукт определенного, злонамерен-

ного психологического воздействия на население. Демократические круги предостерегают, что неприязнь к иностранным рабочим может лишь расколоть ряды трудящихся и отвлечь их внимание от подлинных причин массовой безработицы и социального демонтажа, осуществляемого в ФРГ. Те, заявил на конференции иностранных рабочих в Эссене член правления Германской коммунистической партии Хайнц Ланг, кто стоит у рычагов политики и экономики, кто несет ответственность за форсированную гонку вооружений и растущую массовую безработицу, — они-то и разжигают враждебность к иностранцам, предавая анафеме иностранных рабочих. «Ответом на это может быть только совместный отпор со стороны рабочих и служащих, безработных и еще работающих и немецких, и иностранных трудящихся».

СОДЕРЖАНИЕ

Взгляд за кулисы	3
ГРАНИ ПОРОКА	
Одиссея Кристианы Ф.	6
Шемякин суд	12
Кульť бесстыдства	16
Титул в подарочной упаковке	22
Долларовые отмычки	28
Ловцы душ	31
МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ	
Хроника одного убийцы	38
Тень свастики	48
«Дело» заключенного номер семь	67
Убийцы Эрнста Тельмана	72
Индульгенции душегубам	81
Призраки обретають плоть	92
ОТРАВИТЕЛИ КОЛОДЦЕВ	
Святоша из Альтоны	102
Пасквиль в научной упаковке	111
И СНОВА «МЕССЕРШМИТТЫ»	
Крутой вираж Торнадо	122
Тайная бухгалтерия господина Флика	132
Скрытые пружины	140
«СТЕКЛЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК»	
Недремлющее око	146
Инквизиторы в судейских мантиях	157
Фасад и задворки	167

Альберт Арамович ГРИГОРЬЯНЦ

МОРАЛЬ ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

М., «Известия», 1987, 176 с., ил.

Редактор **Н. Лесина.**

Художник **В. Козлов.**

Художественный редактор **И. Суслов.**

Технический редактор **А. Березина.**

Корректор **Л. Григорьева.**

ИБ № 1165

Сдано в набор 11.12.86. Подписано в печать 10.04.87. Б00520. Формат 84х108^{1/32}. Бумага книжно-журн. Гарнитура новогазетная. Печать высокая. Печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,56. Уч.-изд. л. 10,88. Тираж 85 000 экз. Заказ 6529. Цена 50 коп.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 103798. Москва, К-6, Пушкинская пл., 5.

Типография издательства «Советская Кубань», 350680, г. Краснодар, ул. Шаумяна, 106.